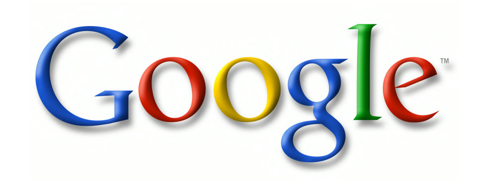

ЛѢТОПИСЬ

КАЯ КОРНЕЛІЯ ТАЦИТА.

ПЕРЕВОДЪ

АЛЕКСѢЯ КРОНЕБЕРГА.

ЧАСТЬ [illegible]

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

[illegible]

МОСКВА.

858

ЛѢТОПИСЬ

КАЯ КОРНЕЛІЯ ТАЦИТА.

BRITISH MUSEUM

ЛѢТОПИСЬ

КАЯ КОРНЕЛІЯ ТАЦИТА.

ПЕРЕВОДЪ

АЛЕКСѢЯ КРОНЕБЕРГА.

ЧАСТЪ ВТОРАЯ.

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

Цѣна за 2 части 1 р. 50 к. сер.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Э. БАРФКНЕХТА И КОМП.
1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Апрѣля 26 дня 1858 года.

Цензоръ *Н. Платоновъ-Гиляровъ.*

ЛѢТОПИСЬ
КАЯ КОРНЕЛІЯ ТАЦИТА.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

От осн. Р. 800 — 801. По Р. Х. 47 — 48.

800, 47.

1.

. . . . . . [1]) Она (Мессалина) думала, что Валерій Азіатикъ, бывшій два раза консуломъ, находился когда-то въ преступной связи съ Поппеей Сабиною; сверхъ того она съ завистью смотрѣла на сады, доставшіеся ему послѣ Лукулла и великолѣпно имъ украшенные, — и подослала Суилія обвинить ихъ обоихъ. Въ это же время воспитатель Британника, Созибій, подъ маскою доброжелательной преданности, совѣтовалъ Клавдію остерегаться слишкомъ богатыхъ и сильныхъ людей; говорилъ, что Азіатикъ главный виновникъ убійства Кая Цезаря, что онъ не побоялся всенародно сознаться въ

[1]) Исторія царствованія Калигулы и начало правленія Клавдія утрачены. Разсказъ начинается въ ту эпоху, когда отпущенники Палласъ, Каллистъ и Нарциссъ пріобрѣли страшную власть и тяготѣли надъ римскимъ народомъ.

этомъ и превозносить славу подобныхъ преступленій; что отъ этого онъ сталъ извѣстенъ въ городѣ и въ провинціяхъ; что онъ теперь хочетъ ѣхать къ германскимъ войскамъ и, какъ віеннскій урожденецъ, опираясь на сильное и многочисленное родство, безъ труда возмутитъ своихъ единоплеменниковъ. Клавдій, не разспрашивая болѣе, послалъ преторіанскаго префекта Криспина съ отрядомъ солдатъ, точно дѣло шло о возстаніи. Азіатикъ взятъ былъ въ Байяхъ, скованъ и представленъ въ Римъ.

2.

Не извѣстивъ сенатъ, сдѣлали допросъ Азіатику въ спальнѣ Мессалины. Суилій обвинилъ его въ развращеніи солдатъ, которыхъ онъ своею расточительностію и распутствомъ хотѣлъ впутать во всѣ свои преступленія, — въ связи съ Поппеею и наконецъ въ томъ, что онъ игралъ женскую роль. Азіатикъ все молчалъ, но тутъ уже не вытерпѣлъ и воскликнулъ:

— Спроси своихъ сыновей, Суилій; они тебѣ скажутъ, мужчина ли я.

Начавъ свое защищеніе, онъ сильно растрогалъ Клавдія; даже Мессалина прослезилась; но, отерши слезы, вышла изъ спальни и сказала Вителлію, чтобы онъ не далъ ускользнуть преступнику, а сама поспѣшила покончить съ Поппеею. Она подослала къ ней наушниковъ, которые настращали ее тюрьмою и убѣдили, чтобы она сама себя лишила жизни. Клавдій ничего не зналъ, и чрезъ нѣсколько дней спросилъ за обѣдомъ у мужа Поппеи, Сципіона.

— Отчего ты пришолъ безъ жены?

— Ея судьба свершилась, отвѣчалъ Сципіонъ.

3.

Клавдій хотѣлъ уже простить Азіатика. Вителлій, въ слезахъ, вспомнилъ прежнюю дружбу съ нимъ, вспомнилъ какъ они вмѣстѣ служили Антоніи, матери Клавдія, упомянулъ объ услугахъ, оказанныхъ Азіатикомъ отечеству, о походѣ его въ Британнію—и рѣшилъ, что ему можно позволить избрать родъ смерти: и Клавдій сжалился и согласился на такую милость. Нѣкоторые совѣтовали Азіатику уморить себя голодомъ, говоря, что это самая легкая смерть; но онъ поблагодарилъ за участіе, и, не прекращая своихъ обыкновенныхъ занятій, выкупался, далъ веселый пиръ и, пожалѣлъ, что не палъ жертвою козней Тиберія или ярости Кая, а погибаетъ отъ женской интриги и навѣтовъ безстыднаго Вителлія, открылъ себѣ вены. Онъ предварительно осмотрѣлъ приготовленный для него костеръ и приказалъ перенести его въ другое мѣсто, чтобы пламя не попортило густыхъ деревъ: такъ твердо встрѣчалъ онъ смерть!

4.

Послѣ этого сзываютъ сенатъ, и Суплій спѣшитъ обвинить по этому же дѣлу двухъ знаменитыхъ римскихъ всадниковъ. Оба они назывались Петра и позволяли Валерію и Поппеѣ имѣть свиданія въ своемъ домѣ. Кромѣ этого главнаго пункта, одного изъ нихъ обвинили въ томъ, что онъ видѣлъ во снѣ Клавдія въ вѣнкѣ изъ колосьевъ, опущенныхъ верхушками внизъ, и на этомъ основаніи предсказывалъ голодъ. Другіе говорили, что вѣнокъ былъ изъ увядшихъ виноградныхъ листьевъ, и что онъ предвѣщалъ смерть Клавдію прежде осени. Какъ бы то ни было, достовѣрно, что оба брата были казне-

ны — за сновидѣніе! Криспину присудили полтора милліона сестерцій и преторскія украшенія. Вителлій прибавилъ еще милліонъ сестерцій Созибію, за то, что онъ даетъ уроки Британнику и совѣты Клавдію. Спросили мнѣнія Сципіона.

— Я, сказалъ онъ, такого же мнѣнія о преступленіяхъ Поппеи, какъ и всѣ, и потому считайте, что я сказалъ тоже, что и всѣ.

Такъ думалъ онъ согласить супружескую привязанность съ обязанностію сенатора.

5.

Послѣ этого Суилій съ ожесточеніемъ пустился безпрестанно обвинять то того, то другаго, и наглость его нашла себѣ многихъ ревностныхъ подражателей. Клавдій, прибравъ къ своимъ рукамъ всѣ законы, всѣ должности, далъ ходъ грабительству. Все стало продажно, но продажнѣе всего была совѣсть адвокатовъ, такъ что знаменитый всадникъ Самій откупился отъ преслѣдованія Суилія за 400,000 сестерцій, но узнавъ, что тотъ обманулъ его, закололся въ его же домѣ. По предложенію Кая Силія, назначеннаго консуломъ, о могуществѣ и паденіи котораго послѣ я упомяну, сенаторы возстали противъ этого и хотѣли возобновить древній законъ Цинція, по которому ораторы не имѣли права получать ни денегъ ни подарковъ.

6.

Нѣкоторые изъ тѣхъ, кому угрожала эта мѣра, стали сопротивляться; но Силій, изъ ненависти къ Суилію, съ большимъ жаромъ сталъ приводить въ примѣръ древнихъ ораторовъ, которые считали славу и голосъ потомства лучшими для себя наградами.

— Безъ этой мѣры, говорилъ онъ, самое возвышенное искуство превратится въ предметъ торгашества. Можно ли, чтобъ совѣсть осталась чиста, когда дѣло идетъ о меньшемъ или большемъ барышѣ? Процессовъ будетъ меньше, если они не будутъ ни для кого предметомъ корысти, а въ противномъ случаѣ адвокаты будутъ разжигать вражду, обвиненія, ненависть, оскорбленія; эта зараза будетъ питать ихъ, какъ болѣзни питаютъ врачей: чѣмъ сильнѣе, тѣмъ дороже. Вспомните Кая Азинія и Мессалу, вспомните Аррунція и Эзернина, которые ближе къ намъ; своею безпорочною жизнію и неподкупнымъ краснорѣчіемъ они достигли до высшихъ почестей.

Рѣчь назначеннаго въ консулы увлекла всѣхъ, стали готовить указъ противъ продажныхъ ораторовъ,—и Сунлій и Коссуціанъ, боясь не суда (ибо ихъ проступки были очевидны), а просто приговора, окружили Цезаря, прося, чтобы законъ не каралъ за прошлое.

7.

Склонивъ его на это, они начали оправданіе.

—Кто можетъ быть такъ гордъ, чтобы надѣяться на безсмертную славу? Ораторское искуство имѣетъ цѣлью существенную пользу, чтобы по недостатку адвокатовъ сильный не могъ притѣснить слабаго. Но адвокатство приноситъ ущербъ адвокату: кто занимается чужими дѣлами, дѣлаетъ упущенія въ своихъ. Многіе живутъ военною службою, другіе воздѣлываніемъ полей: никто не станетъ избирать занятія, не ожидая отъ него впереди выгодъ. Легко было блистать безкорыстнымъ великодушіемъ Азинію и Мессалѣ, раздѣлявшимъ съ Антоніемъ и Августомъ военную добычу, или такимъ богатымъ наслѣдникамъ, какъ Эзернины и Аррунціи. Возмемъ лучше въ примѣръ Публія Клодія и Кая Курія, которые, какъ всякій помнитъ, брали деньги за свои рѣчи. Мы, бѣдные сенаторы,

только этимъ и можемъ существовать среди мира. Подумай, какой путь останется плебею для достиженія почестей? Уничтоживъ награду за старанія, уничтожишь и самое стараніе.

Хоть это была и не столь возвышенная точка зрѣнія, но Клавдій согласился и ограничилъ плату адвокатамъ до 10,000 сестерцій, считая за взятку, что будетъ заплочено свыше этой суммы.

8.

Въ это время Митридатъ, царь Арменіи, призванный, какъ я сказалъ, въ Римъ Каемъ Цезаремъ, по совѣту Клавдія отправился въ свое царство, полагаясь на преданность Фарасмана. Этотъ братъ Митридата и царь Иберійскій сообщалъ, что у Пароянъ происходятъ смуты за верховную власть, и всѣ дѣла оставлены безъ попеченія. Они ненавидѣли Готарзеса, боялись его жестокости, послѣ того какъ онъ умертвилъ брата своего Артабана съ его женою и сыномъ, и призвали Бардана. Барданъ, человѣкъ пылкій и рѣшительный, въ два дни проходитъ 3000 стадій и прогоняетъ испуганнаго и ничего не ожидавшаго Готарзеса. Не теряя ни минуты, овладѣваетъ онъ ближайшими префектурами: одна только Селевкія не хочетъ ему повиноваться. Распалившись гнѣвомъ на жителей Селевкіи за измѣну отцу своему и самому себѣ, онъ предпринимаетъ несвоевременную осаду этого сильнаго города, окруженнаго рѣкою и стѣнами, снабженнаго запасами. Между тѣмъ Готарзесъ возобновляетъ войну съ помощію Даговъ и Гирканов, и Барданъ, принужденный снять осаду съ Селевкіи, становится лагеремъ въ поляхъ Бактріаны.

9.

Силы Востока были раздѣлены; не извѣстно было чья сторона одолѣетъ, и Митридатъ имѣлъ случай занять Арменію

при помощи римскихъ солдатъ противъ нагорныхъ крѣпостей и войскъ Иберійскихъ дѣйствовавшихъ въ открытомъ полѣ. Армянцы не сопротивлялись послѣ пораженія ихъ префекта Демонакта, рѣшившагося сразиться. Царь Малой-Арменіи, Котисъ, призванный нѣкоторыми вельможами, замедлилъ нѣсколько успѣхи Митридата; но письмо Клавдія заставило его отказаться отъ своихъ притязаній, и все подчинилось Митридату, который сталъ править слишкомъ строго для новаго правительства. Между тѣмъ предводители Парѳянъ, готовившіеся къ битвѣ, неожиданно заключаютъ договоръ, потому что Готарзесъ, узнавъ о народномъ заговорѣ, открылъ его брату. Сначала они долго не могли сойтись въ условіяхъ, наконецъ, взявшись за руки, поклялись на алтарѣ боговъ отмстить непріятелямъ и сдѣлать другъ другу уступки. Бардана признали болѣе способнымъ царствовать, и Готарзесъ, для избѣжанія всякаго соперничества, удалился въ Гирканію. По возвращеніи Бардана, Селевкія сдалась наконецъ, послѣ семилѣтней осады, къ стыду Парѳянъ, не могшихъ такъ долго справиться съ однимъ городомъ.

10.

Послѣ этого Барданъ посѣтилъ главнѣйшія префектуры и хотѣлъ было снова овладѣть Арменіею, но Вибій Марсъ, легатъ Сиріи, удержалъ его, грозя войною. А Готарзесъ между тѣмъ, раскаяваясь, что отдалъ царство, и призываемый аристократами, которыхъ служба тяжеле въ мирное время, сталъ собирать войска. Барданъ пошелъ противъ него, встрѣтилъ его у рѣки Эрнида, разбилъ послѣ упорнаго сраженія на переходѣ чрезъ нее, далъ еще много удачныхъ битвъ и покорилъ всѣ націи до рѣки Синда, на границѣ Даговъ и Аріевъ. Тутъ кончились его упѣхи, потому что Парѳяне, не смотря на

побѣды, не любили служить въ такой дали. Поставивъ монументы, на которыхъ значилось, что ни одинъ изъ Арзацидовъ до Бардана не налагалъ дани на эти народы, онъ возвратился покрытый славою и сталъ еще болѣе жестокъ и нестерпимъ для своихъ подданныхъ. Составился заговоръ, и Барданъ, ничего не подозрѣвавшій, былъ убитъ на охотѣ. Онъ былъ еще очень молодъ, но не многіе изъ старыхъ царей могли бы сравняться съ нимъ, если бы онъ умѣлъ внушить любовь къ себѣ въ народѣ, какъ внушалъ страхъ въ непріятеляхъ. Смерть Бардана породила снова споры между Пароянами о его преемникѣ; одни хотѣли Готарзеса, другіе Мегердата, потомка Фраатова, находившагося у насъ заложникомъ. Партія Готарзеса одолѣла. Но вступивъ на престолъ, онъ снова началъ свои жестокости и развратъ, и Пароyне послали тайно просить Клавдія, чтобы онъ позволилъ Мегердату принять наслѣдственную власть.

11.

При тѣхъ же консулахъ даны были столѣтнія игры, 800 лѣтъ по основаніи Рима и 64 года послѣ такихъ же игръ, данныхъ Августомъ. Я не стану входить здѣсь въ подробности хронологіи, на которыхъ основывались оба Цезаря, онѣ изложены въ моей исторіи царствованія Домиціана. Домиціанъ также давалъ эти игры, и я долженъ былъ участвовать въ нихъ, какъ квиндецимвиръ и преторъ; я говорю объ этомъ не изъ хвастовства, а потому что искони этими играми распоряжались квиндецимвиры и преторы. Клавдій былъ въ циркѣ. Благородные юноши начали троянское конное ристалище, и между ними сынъ Клавдія Британникъ и Луцій Домицій, въ послѣдствіи усыновленный имъ, получившій имя Нерона и имперію; народъ очевидно отдалъ предпочтеніе Нерону, что было при-

нято какъ предзнаменованіе его будущаго величества. Говорили, будто въ младенчествѣ стерегли его драконы; бредни, на манеръ древнихъ миѳовъ. Самъ Неронъ, никогда себя не унижавшій, говаривалъ, что видѣлъ у себя въ спальнѣ только одну змѣю.

12.

Эта привязанность народа основывалась на памяти о Германикѣ, котораго Неронъ былъ единственнымъ потомкомъ, и усиливалась отъ участія къ Агриппинѣ, преслѣдуемой Мессалиною. Мессалина всегда ненавидѣла Агриппину и теперь болѣе нежели когда нибудь нашла бы для нея и преступленій и обвинителей, если бы не овладѣла ею новая, почти бѣшеная любовь. Она такъ страстно влюбилась въ Кая Силія, красивѣйшаго молодаго человѣка изъ всѣхъ Римлянъ, что заставила его прогнать жену, благородную Римлянку Юнію Силану, и вступить съ нею въ преступную связь. Силій зналъ, чѣмъ онъ рискуетъ, какъ преступно поступаетъ; но отказавши Мессалинѣ, онъ бы навѣрное погибъ, сверхъ того надѣялся онъ обмануть Клавдія, утѣшался тѣмъ, что опасность еще впереди, а теперь можно наслаждаться огромными наградами. Мессалина не скрывала своей страсти, посѣщала домъ Силія съ большою свитою, слѣдовала за нимъ по всюду, осыпала его богатствами и почестями, наконецъ къ нему перешли рабы и отпущенники Клавдія, какъ будто онъ уже сдѣлался императоромъ.

13.

А Клавдій, не зная вовсе, что дѣлается у него въ семействѣ, правилъ должность цензора и строгими эдиктами хотѣлъ

прекратить самоуправство народа, оскорбившаго въ театрѣ, автора піесы, которую тогда давали, консулара Публія Помпонія и кое какихъ знатныхъ женщинъ. Онъ укротилъ грабительство кредиторовъ, запретивъ давать деньги на проценты сыновьямъ, при жизни родителей, провелъ воду изъ холмовъ Симбруинскихъ въ Римъ, прибавилъ къ римскому алфавиту новыя буквы, говоря, что греческій алфавитъ также составился не разомъ, а былъ отъ времени до времени пополняемъ.

14

Египтяне прежде всѣхъ стали передавать мысли посредствомъ изображенія животныхъ. Ихъ древнѣйшіе памятники до сихъ поръ сохраняютъ такіе рисунки, нарѣзанные на камняхъ. Они приписываютъ себѣ же изобрѣтеніе буквъ. Финикіане, болѣе искусные мореплаватели, внесли ихъ въ Грецію и прославились какъ изобрѣтатели того, что они только переняли. Преданіе говоритъ, что Кадмъ, пріѣхавъ на финикійскихъ корабляхъ въ Грецію, ввелъ это искусство въ необразованный еще міръ Грековъ; другіе утверждаютъ, что Аѳинянинъ Кекропсъ, или Ѳивянинъ Линъ, или наконецъ во время Троянской войны Аргивянинъ Паламедъ изобрѣли шестнадцать буквъ, которыя послѣ были дополнены другими и въ особенности Симонидомъ. Въ Италіи Этруски научились письму отъ Коринѳянина Демарата, туземцы отъ Аркадійца Эвандра, и самая форма римскихъ буквъ таже, что была у древнихъ греческихъ. Но у насъ сначала было ихъ не много, а послѣ прибавилось. Клавдій, слѣдуя этому примѣру, прибавилъ еще три, которыя употреблялись пока онъ былъ во главѣ правленія, а послѣ были оставлены и теперь находятся только на мѣдныхъ доскахъ на форумѣ и въ храмахъ съ сенатскими опредѣленіями того времени.

15.

Послѣ этого Клавдій сообщилъ сенату, что надо позаботиться о коллегіи гаруспиковъ, чтобы отъ нерадѣнія не погибло древнѣйшее искусство Италіи. Часто призывали ихъ въ тяжкія времена республили и по ихъ совѣту возобновлялись и исправлялись богослужебные обряды. Этрурскіе вельможи, по собственной волѣ и побуждаемые сенатомъ, сохранили это знаніе въ своихъ семействахъ; теперь оно въ пренебреженіи, потому что въ народѣ упало участіе къ наукамъ и чужеземныя суевѣрія взяли верхъ. Теперь все идетъ удачно, и надо благодарить боговъ за ихъ милосердіе, не забывая въ счастіи обрядовъ, къ которымъ прибѣгаютъ въ минуты бѣдствія. И сенатъ опредѣлилъ, чтобы понтифексы разобрали, что надо удержать и утвердить въ этомъ отношеніи.

16.

Въ томъ же году Херуски просили у Римлянъ царя, такъ какъ всѣ знатные роды ихъ пали въ междоусобныхъ распряхъ и только одинъ потомокъ царскаго происхожденія, Италикъ, находился въ Римѣ. По отцу происходилъ онъ отъ Флавія, брата Арминія, по матери отъ Катумера, предводителя Каттовъ, былъ красавецъ собою и превосходно владѣлъ конемъ и оружіемъ, по римски и посвоему. Цезарь далъ ему денегъ, охранную стражу и совѣтовалъ смѣло идти по стезѣ его знаменитаго рода; онъ первый вступаетъ на чужеземный престолъ урожейцемъ Рима, не заложникомъ, а гражданиномъ. Германцы сначала порадовались ему; стали его прославлять и любить, за то что онъ, непричастный ихъ внутреннимъ раздорамъ, былъ со всѣми одинаково ласковъ и обходителенъ, что

никому не можетъ не нравиться; къ тому же варварамъ была по сердцу его невоздержность и страсть къ вину. Имя его становилось уже извѣстно у сосѣднихъ народовъ и проникало далѣе, когда предводители партій, съ подозрѣніемъ взиравшие на его власть, удалились къ сопредѣльнымъ народамъ и стали жаловаться, что гибнетъ германская свобода и вкрадывается къ нимъ власть Рима.

— Неужели нѣтъ никого, говорили они, изъ германскихъ уроженцевъ, который бы способенъ былъ занять мѣсто правителя, и всѣмъ должно предпочесть отродіе шпіона Флавія?

Напрасно имъ указывали на Арминія; если бы даже его сынъ, воспитаный въ чужой землѣ, явился на царство, то и онъ возбудилъ бы въ нихъ опасенія своими иностранными обычаями, обращеніемъ, роскошью стола и прислуги; а что, если Италикъ сохранилъ понятія своего отца, который самымъ преступнымъ образомъ поднялъ оружіе противъ отечества и боговъ?

17.

Дѣйствуя такимъ образомъ, они собрали многочисленное войско; за Италикомъ слѣдовало не менѣе народа.

— Онъ не вторгнулся къ намъ неожиданно, говорили его приверженцы, мы сами его пригласили; по своему происхожденію онъ стоитъ выше другихъ: отчего не испытать его доблесть, не посмотрѣть, не будетъ ли онъ достоинъ своего дяди Арминія и дѣда Катумера? За отца ему краснѣть нечего; онъ по желанію Германцевъ заключилъ тѣсный союзъ съ Римлянами, и всегда остался имъ вѣренъ. Ложно понимаютъ свободу тѣ, которые, ставъ позоромъ своихъ семействъ и язвою государства, видятъ спасеніе только въ раздорахъ.

Радовался буйный народъ; и Италикъ одержалъ большую

побѣду надъ врагами. Въ послѣдствіи онъ возгордился отъ безпрестанныхъ удачь, былъ изгнанъ, снова овладѣлъ престоломъ при помощи Лангобардовъ, но не къ добру были Херускамъ ни побѣды его, ни пораженія.

18.

Въ тоже время Хауки, у которыхъ не было внутреннихъ раздоровъ, радуясь смерти Санквинія, до пріѣзда Корбулона производили набѣги на Нижнюю-Германію подъ предводительствомъ Ганнаска, изъ племени Каннинефатовъ; этотъ Ганнаскъ былъ у Римлянъ въ союзническихъ войскахъ, служилъ долго и съ отличіемъ, потомъ бѣжалъ, сталъ на легкихъ судахъ разбойничать и опустошать берега Галловъ, зная какъ они богаты и миролюбивы: Корбулонъ, пріѣхавъ въ провинцію, съ большимъ рвеніемъ и вскорѣ со славою началъ тутъ свою службу. Тотчасъ отправилъ онъ по Рейну триремы, а другія суда, полегче, по каналамъ, затопилъ непріятельскія лодки, отразилъ Ганнаска и, приведя это дѣло къ окончанію, занялся возстановленіемъ порядка и строгости въ легіонахъ, отвыкшихъ отъ труда и усталости и преданныхъ только грабежамъ. Онъ запретилъ выходить изъ строя, или начинать битву безъ приказанія; всѣ посты, дневные и ночные караулы, часовые стояли всегда на готовѣ, съ оружіемъ въ рукахъ; разсказываютъ, что онъ предалъ смерти двухъ солдатъ за то, что они работали у вала, одинъ совсѣмъ безоружный, другой только съ кинжаломъ. Эта чрезмѣрная и можетъ быть вымышленная строгость, показываетъ, во всякомъ случаѣ, каковъ былъ характеръ Корбулона; можно судить, какъ былъ онъ твердъ и неумолимъ для важныхъ преступленій, если ему могли приписать такую жестокость за незначительный проступокъ.

19.

Эта острастка подѣйствовала различно на солдатъ и непріятелей: возвысила доблести первыхъ и сбила спѣси у послѣднихъ. Фризы послѣ возмущенія, которое началось пораженіемъ Луція Апронія, оставались до сихъ поръ намъ враждебны или притворно преданы; теперь дали заложниковъ и поселились на землѣ, указанной Корбулономъ; онъ далъ имъ сенатъ, чиновниковъ и законы, а чтобы приказанія его были исполнены, поставилъ крѣпость. Въ тоже время послалъ онъ къ Хаукамъ склонить ихъ вельможъ къ покорности и тайно стараться овладѣть Ганнаскомъ: эта мелкая и неблагородная хитрость была достойна перебѣжчика и нарушителя вѣрности, противъ котораго была употреблена. Но смерть его расшевелила умы Хауковъ, и Корбулонъ посѣялъ сѣмена возстанія, которому многіе радовались, другіе придавали пагубное значеніе.

— Зачѣмъ затрогивать непріятеля? Въ случаѣ неудачи за все поплатится республика; а удастся ему, его же станутъ бояться въ мирное время: его же извѣстность устрашитъ малодушнаго Цезаря.

И въ самомъ дѣлѣ Клавдій запретилъ начинать новое дѣло въ Германіи и даже приказалъ перевести всѣ гарнизоны на эту сторону Рейна.

20.

Корбулонъ уже сталъ лагеремъ на непріятельской землѣ, когда пришло къ нему это приказаніе. Оно было такъ неожиданно, расшевелило въ немъ столько различныхъ чувствъ,— онъ видѣлъ съ одной стороны гнѣвъ императора, съ другой презрѣніе варваровъ, насмѣшки союзниковъ,— что могъ только сказать:

— Счастливы были прежде римскіе военачальники!

и подалъ сигналъ къ отступленію. Чтобъ солдаты не разлѣнились, приказалъ онъ рыть каналъ въ 23,000 шаговъ длины между Рейномъ и Мозою, для предохраненія отъ наводненій со стороны Океана. Цезарь далъ ему тріумфальные знаки, хотя отвергъ войну. Немного спустя онъ удостоилъ той же почести Курція Руфа, открывшаго въ Маттіакскомъ урочищѣ пріиски серебряной руды, которые впрочемъ давали мало металла и не долго разработывались; дорого стоила эта работа легіонамъ, которые должны были вести подземныя шахты; трудъ, утомительный и на поверхности земли, былъ невыносимъ подъ землею. Солдаты, видя, что во многихъ провинціяхъ терпятъ такія же притѣсненія, потеряли терпѣніе и тайно послали къ императору письмо отъ имени всѣхъ войскъ, прося его награждать заранѣе тріумфомъ тѣхъ, кого онъ хочетъ назначить въ военачальники.

21.

Нѣкоторые утверждаютъ, что Курцій Руфъ былъ сынъ гладіатора; я не стану передавать здѣсь росказней о немъ, потому что и правду какъ-то совѣстно высказать. Въ молодыхъ лѣтахъ, сопровождая квестора, которому досталась Африка, гулялъ онъ какъ-то въ городѣ Адруметѣ, въ полдень, одинъ подъ портиками. Вдругъ ему предстала женщина необыкновеннаго роста, и онъ услышалъ голосъ:

— Ты, Руфъ, будешь проконсуломъ этой провинціи!

Воодушевленный этимъ видѣніемъ, онъ возвратился въ Римъ, своимъ умомъ и происками пріятелей достигнулъ квесторства, и вскорѣ, съ согласія государя, сдѣланъ преторомъ, не смотря на соперничество самыхъ знатныхъ кандидатовъ; Тиберій, желая возвысить при этомъ его низкое происхожденіе, сказалъ:

— Курцій Руфъ, кажется, самъ себя создалъ.

Онъ дожилъ до глубокой старости; жалкій низкопоклонникъ передъ высшими, наглый съ подчиненными, неуживчивый съ равными себѣ, онъ получилъ консульство, тріумфальные знаки и наконецъ Африку въ управленіе, гдѣ и умеръ, оправдавъ такимъ образомъ предсказаніе.

22.

Между тѣмъ въ Римѣ, неизвѣстно почему (и послѣ не могли доискаться причины), въ толпѣ людей, пришедшихъ отдать честь Клавдію, римскій всадникъ Кней Новій попался съ кинжаломъ. Растерзанный пытками, онъ не сталъ себя оправдывать, но не назвалъ ни одного сообщника, такъ что неизвѣстно, скрылъ ли онъ ихъ имена, или въ самомъ дѣлѣ дѣйствовалъ одинъ. Въ томъ же году Публій Долабелла предложилъ давать ежегодныя гладіаторскія игры на счетъ тѣхъ, кто сдѣланъ будетъ квесторомъ. У предковъ нашихъ эта должность была наградою за хорошія качества, и всякому гражданину, который надѣялся на свои способности, было позволено домогаться ея: не смотрѣли даже на возрастъ, потому что мы видимъ консуловъ и диктаторовъ первой молодости. Должность квесторовъ установлена еще при царяхъ, что доказываетъ законъ *curiata* [1]), возобновленный Луціемъ Брутомъ; право назначать ихъ оставалось за консулами, пока и этимъ преимуществомъ не овладѣлъ народъ. И въ первый разъ избралъ онъ Валерія Потита и Эмилія Мамерка, 63 года спустя послѣ изгнанія Тарквиніевъ, для сопровожденія консуловъ на войнѣ. Въ послѣдствіи дѣла умножились и было прибавлено еще два квестора, которые должны были оставаться въ Римѣ; потомъ число ихъ

---

[1]) Такъ назывался законъ, по которому народъ собирался по куріямъ для утвержденія завѣщанія, или усыновленія, а также и для избранія военныхъ чиновниковъ.

еще было удвоено, когда къ податямъ Италіи присоединились еще налоги провинцій. По закону Суллы ихъ было сдѣлано двадцать, для пополненія сената, которому онъ передалъ право суда; это право перешло послѣ къ всадникамъ, но число квесторовъ оставалось тоже. Во всякомъ случаѣ избираніе основывалось на достоинствѣ кандидатовъ, или на снисходительности избирателей, пока мнѣніе Долабеллы не сдѣлало эту должность продажною.

801, — 48.

—

23.

Въ консульство Авла Euтеллія и Публія Випстана нужно было пополнить сенатъ; вельможи Галліи, называемой *Comata* (волосатая) [1]), давно уже вступившіе въ союзъ съ Римлянами и получившіе гражданство, требовали права быть допущенными къ почестямъ въ Римѣ. Поднялось жаркое преніе. Противная партія горячо спорила передъ самимъ Клавдіемъ, говоря, что Италія не такъ бѣдна, чтобы не могла доставить Риму нѣсколькихъ сенаторовъ; прежде же довольствовались для этого уроженцами Рима, или единокровными народами, а дѣла республики шли не дурно: до сихъ поръ примѣры древнихъ нравовъ, доблести и славы Римлянъ служатъ образцомъ. Довольно того, что Венеты и Инсубры наводнили сенатъ; зачѣмъ еще сгонять туда чужестранцевъ, словно плѣнныхъ? Какія отличія останутся въ этомъ случаѣ для патриціевъ, которыхъ число такъ уменьшилось, для бѣдныхъ сенаторовъ, уроженцевъ Лаціума? На все наложатъ руки эти богачи, которыхъ дѣды и прадѣды были предводителями враговъ, оружіемъ и на-

[1]) Галлія Трансальпинская.

силіемъ истребляли наши войска, осаждали божественнаго Юлія при Алезіи. Это еще происходило недавно; а если вспомнить капитолій, священную цитадель Рима, ихъ руками . . . . Пусть ихъ пользуются правомъ гражданства: но не оскверняйте сенаторскихъ украшеній, не унижайте сана.

24.

Клавдія нисколько не тронули подобныя рѣчи; онъ немедленно созвалъ сенатъ и сталъ ихъ опровергать слѣдующими словами:

— Примѣръ предковъ моихъ, которыхъ родоначальникъ Клаузъ, сабинскаго происхожденія, получилъ права римскаго гражданина и тотчасъ принятъ былъ въ число патриціевъ, заставляетъ меня дѣйствовать въ томъ же духѣ на пользу республики и принимать сюда (въ сенатъ) всѣ таланты, гдѣ бы они ни встрѣтились. Извѣстно мнѣ, что Альба дала Риму Юлія, Камеріумъ — Корунканіевъ, Тускулумъ — Порціевъ; оставивъ же въ сторонѣ древніе примѣры, Этрурія, Луканія и вся Италія доставляли сенаторовъ. Въ послѣдствіе граница Италіи была отодвинута до Альповъ, чтобы не отдѣльныя лица, а цѣлыя земли и народы пользовались правами римскаго имени. Прочный миръ былъ внутри государства, блистательны были наши внѣшнія отношенія, когда мы дали Транспаданамъ права гражданства, когда храбрѣйшими народами провинцій мы возстановили силы имперіи, ослабленной разсылкою легіоновъ во всѣ концы свѣта. Нужно ли сожалѣть, что Испанія дала намъ Бальбовъ, Нарбонская Галлія другихъ замѣчательныхъ людей? Ихъ потомки живы и любятъ наше отечество не менѣе насъ. Не оттого ли погибли Спартанцы и Аѳиняне, не смотря на славу ихъ оружія, что обращались съ побѣжденными, какъ съ чужими? Нѣтъ, мудрый основатель нашего государства, Ромулъ, иначе понималъ это, и многіе народы сегодня были его врагами,

а завтра становились римскими гражданами; пришельцы царствовали надъ нами, дѣти отпущенниковъ исправляли всякія должности, и это не было, какъ многіе ложно полагаютъ, нововведеніемъ, но существовало съ самаго начала римскаго народа. Мы, говорятъ, сражались съ Сенонами: да будто Вольски и Эквы никогда не мѣрялись съ нами оружіемъ? Римъ былъ взятъ Галлами: но и Тосканцамъ давали мы заложниковъ, и склонялись подъ иго Самнитянъ. Даже если разобрать всѣ войны, то окажется, что не было войны кратковременнѣе Галльской. Послѣ того продолжался постоянный и вѣрный миръ; нравы, искуства и связи сблизили ихъ съ нами: такъ пусть же они лучше внесутъ къ намъ свое золото и богатство, нежели владѣютъ ими одни. Все, почтенные сенаторы, что мы считаемъ древнѣйшимъ, было когда-то ново: сначала чиновниками были только патриціи, за ними допущены были плебеи, за плебеями Латинцы, за Латинцами остальные народы Италіи. И это со временемъ превратится въ древность, и то, что мы теперь стараемся подтвердить примѣрами, въ свою очередь станетъ примѣромъ.

25.

За рѣчью государя послѣдовало опредѣленіе сената, и Эдуанцамъ прежде всѣхъ дано право быть римскими сенаторами за долговременность союза и за титулъ братьевъ, которымъ пользовались только они изъ Галльскихъ племенъ. Тутъ же Цезарь включилъ въ число патриціевъ тѣхъ, которыхъ имя уже давно находилось между сенаторами, или чьи родители чѣмъ нибудь прославились, потому что немного уже осталось отъ тѣхъ родовъ, которые Ромулъ назвалъ *majorum gentium*, а Луцій Брутъ *minorum* [1]); прекратились даже тѣ, которые

[1]) Ромулъ учредилъ сто сенаторовъ, Тарквиній прибавилъ сто новыхъ: первые назывались *majorum gentium*, вторые *minorum gentium*. Брутъ

избраны были диктаторомъ Юліемъ Цезаремъ по закону *Cassia* и главою Августомъ по закону *Saenia*. Народъ былъ доволенъ, и Клавдій съ радостію сталъ, какъ цензоръ, приводить въ исполненіе эти мѣры. Тревожась о томъ, какъ исключить изъ сената извѣстныхъ негодяевъ, онъ предпочелъ древней строгости кроткую и недавно придуманную мѣру, и посовѣтовалъ каждому оцѣнить себя по совѣсти и просить объ отставкѣ: затрудненій при этомъ не будетъ: имена исключенныхъ будутъ обнародованы въ числѣ добровольно удалившихся, чтобы это замѣненіе цензорскаго приговора голосомъ собственной совѣсти уменьшило позоръ. На это консулъ Випстанъ отвѣчалъ предложеніемъ назвать Клавдія отцомъ сената, потому что имя отца отечества стало уже слишкомъ обыкновенно: небывалыя услуги отечеству надо награждать небывалыми именами. Но самъ Клавдій удержалъ консула, видя что тотъ ужъ черезчуръ занесся съ своею лестью. Онъ покончилъ народную перепись, по которой оказалось 5,984,072 гражданина. Вскорѣ провѣдалъ онъ и о томъ, что происходитъ въ его домѣ; его заставили узнать и наказать безпутство жены своей, а слѣдствіемъ этого была новая страсть и кровосмѣсительный бракъ.

26.

Мессалинѣ надоѣла уже удобоисполнимость прелюбодѣяній; она жаждала новыхъ, неизвѣстныхъ страстей; а Силій, вслѣдствіе ли пагубнаго ослѣпленія, или желая въ самой опасности найти средства противъ нея, подстрекалъ Мессалину сбросить маску.

— Мы такъ далеко зашли, говорилъ онъ, что не можемъ ждать конца государя; невинные могутъ ограничиваться скром-

---

еще дополнилъ сенатъ знатнѣйшими всадниками, которые названы *conscripti* и смѣшались съ сенаторами *minorum gentium*.

ными желаніями, но явныя преступленія требуютъ наглой рѣшимости; есть у насъ сообщники, связанные съ нами одинаковымъ страхомъ; я холостъ, бездѣтенъ и готовъ при свадьбѣ усыновить Британника; власть Мессалины останется таже, только будетъ безопаснѣе, если предупредить Клавдія, вспыльчиваго, но безсильнаго противъ хитрости.

Холодно приняла Мессалина эти слова, не изъ любви къ мужу, а изъ страха, чтобы Силій, пріобрѣтя надъ нею власть, не сталъ презирать измѣнницу и внѣ опасностей не оцѣнилъ бы преступленія по заслугамъ. Но слово бракъ соблазнило ее громадностью безстыдства, составляющею у развратныхъ людей высшую степень наслажденія. Она выждала только время, когда Клавдій долженъ былъ отлучиться въ Остію для жертвоприношенія, — и совершила свой бракъ съ Силіемъ со всѣми торжественными церемоніями.

27.

Я знаю, покажется невѣроятнымъ, чтобы кто нибудь могъ пользоваться такою безнаказанностью въ городѣ, гдѣ все извѣстно, всѣ болтаютъ; а тѣмъ болѣе, чтобы назначенный консулъ, въ объявленный день, при созванныхъ свидѣтеляхъ, какъ бы для законности будущихъ дѣтей, вѣнчался съ женою своего государя, чтобы при этомъ совершались религіозныя церемоніи, наблюдались ауспиціи, заданъ былъ торжественный пиръ и молодые при гостяхъ лежали за столомъ, цѣловались, обнимались и наконецъ провели ночь со всею свободою супруговъ. Но ничего здѣсь не прибавлено для изумленія читателя; я вѣрно передаю то, что знали и о чемъ писали старики.

28.

Всѣ приближенные Клавдія пришли въ ужасъ, а особенно

кто былъ въ силѣ и боялся переворотовъ. Это былъ уже не тайный ропотъ, а явное негодованіе:

— Когда гистріонъ[1]) осквернилъ ложе государя, это былъ, разумѣется, позоръ, — но гибель была далеко; теперь же, благородный юноша, прекрасный собою, сильный характеромъ, къ тому же еще назначенный въ консулы, станетъ стремиться выше. Не трудно видѣть, что остается послѣ такого брака.

Безъ сомнѣнія тутъ дѣйствовалъ и страхъ; они знали слабоуміе Клавдія, знали, какъ имъ повелѣвала жена, помнили, сколько убійствъ было совершено по приказанію Мессалины. Съ другой стороны самая безхарактерность императора позволяла надѣяться, что если они успѣютъ поразить его громадностію преступленія, то можно будетъ убить Мессалину прежде суда. Но самая трудная задача состояла въ томъ, чтобы даже, въ случаѣ если она улучитъ минуту оправдываться, Клавдій оставался глухъ къ ея признаніямъ.

29.

Прежде всего Каллистъ, о которомъ я упоминалъ, говоря объ убіеніи Кая Цезаря, Нарциссъ, убійца Аппія[2]), и Палласъ, пользовавшійся въ это время самымъ неограниченнымъ довѣріемъ, стали разсуждать, нельзя ли, обѣщавъ Мессалинѣ молчаніе обо всемъ, отвлечь ее тайнымъ образомъ отъ любви

---

[1]) Мнестеръ.

[2]) Рѣчь идетъ объ Аппіи Силанѣ, вотчимѣ Мессалины. Аппій отвергъ ея преступныя предложенія, и она стала разсказывать Клавдію, какъ ей вмѣстѣ съ Нарциссомъ привидѣлся сонъ, что Аппій закалываетъ его. Къ несчастію, во время самого разсказа, Аппій вошолъ къ Клавдію, который, воображая что сонъ сбывается, приказалъ его тутъ же умертвить.

къ Силію; но, боясь, чтобы самимъ имъ чрезъ это не погибнуть, они оставили этотъ проэктъ: Палласъ по трусости, Каллистъ, научившійся по опыту изъ прежняго правленія, что власть можно удержать въ рукахъ вѣрнѣе осторожными, нежели крутыми мѣрами. Одинъ Нарциссъ остался твердъ, остерегаясь только, чтобы Мессалина изъ какой нибудь фразы не разгадала обвиненія и обвинителя. Внимательный ко всѣмъ случаямъ, какіе могли представиться во время долгаго отсутствія Цезаря въ Остію, онъ убѣждаетъ двухъ наложницъ, которыхъ Цезарь чаще другихъ принималъ къ себѣ, деньгами и обѣщаніями, надеждою на бо̀льшую силу по изгнаніи жены,— подать на нее доносъ.

30.

И вотъ Кальпурнія (такъ называлась одна изъ наложницъ), когда Клавдій далъ ей тайное свиданіе, припавъ къ колѣнамъ Цезаря, восклицаетъ, что Мессалина вѣнчалась съ Силіемъ, и спрашиваетъ свою подругу Клеопатру, которая была тутъ же, знаетъ ли она объ этомъ? Когда Клеопатра подтвердила показаніе, она требуетъ чтобы позвали Нарцисса. Нарциссъ сталъ просить прощенія, что скрывалъ прежнія связи Мессалины съ Тиціемъ, Вектіемъ, Плавтіемъ; и сказалъ, что не открылъ бы и послѣдняго ея преступленія, для того только, чтобы требовать у Силія возвращенія дворца, сокровищъ и рабовъ Цезаря, которыми онъ завладѣлъ: пусть онъ пользуется ими, лишь бы возвратилъ Цезарю жену и разорвалъ брачный договоръ.

— Впрочемъ ты вѣроятно знаешь, что Мессалина тебя оставила. Ея свадьбу съ Силіемъ видѣлъ и народъ, и сенатъ, и войско; если ты станешь медлить, онъ завладѣетъ городомъ.

31.

Тогда онъ созываетъ всѣхъ приближенныхъ къ Клавдію; прежде всѣхъ спрашиваетъ префекта хлѣбныхъ запасовъ, Туррапія, потомъ начальника преторіанцевъ Лузія Гету. Всѣ подтвердили его слова и стали наперерывъ совѣтовать Клавдію, чтобы онъ шелъ въ лагерь и удержалъ за собою преторіанскія когорты, чтобы позаботился сначала о безопасности, а потомъ уже о мщеніи. Извѣстно, что Клавдій до того растерялся, что то и дѣло спрашивалъ:

— Могу ли я еще приказывать? Не царствуетъ ли уже Силій?

А Мессалина, предаваясь болѣе нежели когда нибудь своимъ страстямъ, праздновала по случаю глубокой осени сборъ винограда. Тиски давили лозы, сокъ лился въ сосуды; вокругъ плясали женщины, одѣтыя въ звѣриныя кожи, подражая приносящимъ жертву или (лучше сказать) бѣснующимся вакханкамъ; сама Мессалина, съ распущенными волосами, потрясала тирсомъ, возлѣ нея Силій, увѣнчанный плющомъ, обутый въ котурны, закидывалъ голову, а вокругъ раздавался безстыдный хоръ. Говорятъ, что Вектій Валентъ среди безпутства этого пира взлѣзъ на очень высокое дерево и когда его спросили, что онъ видитъ? — отвѣчалъ:

— Отъ Остіи идетъ страшная буря.

Неизвѣстно, въ самомъ ли дѣлѣ онъ увидѣлъ тамъ движеніе, или случайно сказалъ слово впопадъ.

32.

Но уже не пустой слухъ, а вѣрные вѣстники доносятъ, что Клавдій все узналъ и спѣшитъ на месть. Мессалина убѣ-

гаетъ въ сады Лукулла, а Силій, скрывая свой страхъ, идетъ на форумъ къ должности. Остальные стали разбѣгаться, но прибывшіе центуріоны, поймавъ кого на улицѣ, кого въ тайномъ убѣжищѣ, наложили на нихъ оковы. Мессалина, не смотря на трудное положеніе, не потеряла головы, и смѣло рѣшилась идти на встрѣчу мужу, тѣмъ болѣе, что это средство ей и прежде часто удавалось. Она приказываетъ Британнику и Октавіи спѣшить въ объятія отца; проситъ старѣйшую весталку Вибидію вымолить прощеніе у верховнаго жреца, а сама, съ тремя спутниками — такъ внезапно разсѣялась ея свита, — идетъ пѣшкомъ черезъ весь Римъ и на садовой тачкѣ ѣдетъ далѣе, по дорогѣ къ Остіи. Никто объ ней не жалѣлъ, потому что чудовищность ея распутства заглушала чувства каждаго.

33.

Цезарь трусилъ не менѣе жены. Онъ недостаточно былъ увѣренъ въ преторіанскомъ префектѣ Гетѣ, скоромъ на услугу и на измѣну. Нарциссъ, опираясь на тѣхъ, кто раздѣлялъ это недовѣріе, настаивалъ на томъ, что Цезарю только одно спасеніе: отдать на этотъ день команду надъ войскомъ одному изъ своихъ отпущенниковъ, и предлагалъ свои услуги. Боясь, чтобы, при въѣздѣ въ городъ, Луцій Вителлій и Публій Ларгъ Цецина не склонили Клавдія къ помилованію, онъ испросилъ себѣ мѣсто въ одномъ экипажѣ съ Клавдіемъ, и занялъ его.

34.

Послѣ того всюду разнеслась молва, что, когда Клавдій въ волненіи то обвинялъ жену въ измѣнѣ, то готовъ былъ раз-

жалобиться, вспоминая жизнь съ нею и малолѣтныхъ дѣтей, Вителлій все восклицалъ:

— Опреступленіе! О злодѣйство!

Нарциссъ настаивалъ, чтобы онъ сбросилъ маску двусмысленности и сказалъ всю правду; но не могъ этого достигнуть. Онъ отвѣчалъ уклончивыми, двусмысленными фразами, которыя можно было изъяснить и такъ и иначе: Ларгъ Цецина слѣдовалъ его примѣру. Наконецъ показалась вдали Мессалина и умоляла Клавдія выслушать мать Октавіи и Британника; но обвинитель прервалъ ея рѣчь, напоминая о Силіи, о свадьбѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы отвлечь вниманіе Цезаря, подалъ ему перечень всѣхъ ея безпутствъ. Вскорѣ послѣ того, при въѣздѣ въ городъ вышли было на встрѣчу Цезарю дѣти, но Нарциссъ приказалъ ихъ удалить. Онъ не могъ прогнать Вибидію, и когда она съ жаромъ начала говорить, что стыдно погубить жену, не выслушавъ ея оправданія, онъ отвѣчалъ, что Клавдій ее выслушаетъ и дастъ средства оправдаться, а покуда пусть Вибидія отправляется къ своимъ священнымъ обязанностямъ.

35.

Дико было во всемъ этомъ молчаніе Клавдія. Вителлій какъ будто ничего не зналъ; все повиновалось отпущеннику. Онъ приказываетъ отворить домъ Силія и ввести туда императора. Тамъ прежде всего показываетъ онъ ему въ сѣняхъ портретъ отца Силія, запрещенный по приговору сената, потомъ наслѣдства Нероновъ и Друзовъ, доставшіяся Силію въ награду за преступленіе. Видя, что Клавдій разгнѣвался и грозитъ мщеніемъ, онъ тотчасъ ведетъ его въ лагерь, гдѣ уже были собраны солдаты. По совѣту Нарцисса, Клавдій сказалъ имъ краткую рѣчь, будто совѣстно было ему высказать все свое

справедливое негодованіе. Въ когортахъ поднялся неумолчный крикъ; кто провинился? спрашивали солдаты, какъ его наказать? Когда Силія привели къ трибуналу, онъ не сталъ ни защищаться, ни просить отсрочки, а напротивъ того умолялъ, чтобы его скорѣе лишили жизни. Нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ римскихъ всадниковъ съ такою же твердостію желали немедленной смерти. Клавдій приказываетъ вести на казнь Тиція Прокула, котораго Силій далъ въ тѣлохранители Мессалинѣ, Вектія Валента, который и другихъ хотѣлъ выдать и самъ во всемъ повинился, и Помпея Урбика съ Сауфелліемъ Трогомъ, соучастниковъ преступленія. Той же казни подверглись префектъ ночной стражи Декрій Кальпурніанъ, завѣдывавшій играми Сульпицій Руфъ и сенаторъ Юнкъ Виргиліанъ.

36.

Одинъ только Мнестеръ замедлилъ свой приговоръ, разорвавъ свою одежду и умоляя Клавдія взглянуть на знаки лозъ, вспомнить, что онъ самъ приказалъ ему повиноваться Мессалинѣ; другими руководила корысть, или честолюбивыя мечты, онъ же попалъ въ вину по необходимости, и безъ сомнѣнія палъ бы первою жертвою, если бы Силій достигъ верховной власти. Клавдій растрогался и былъ уже готовъ простить, но отпущенники убѣдили его, что, казнивъ столько знатныхъ лицъ, не слѣдуетъ прощать гистріона, что это рѣшительно все равно, добровольно или противъ воли совершилъ онъ преступленіе. Не хотѣли слушать оправданія Траула Монтана, римскаго всадника, скромнаго молодого человѣка, но прекрасной наружности: Мессалина, не зная мѣры ни страстямъ своимъ, ни пресыщенію, приказала его привести къ себѣ, и въ туже ночь прогнала. Плавтію Латерану и Суилію

Цезонину даровали жизнь, первому въ уваженіе къ заслугамъ отца, второму изъ презрѣнія къ его разврату, потому что онъ въ этой безпутной оргіи игралъ роль женщины.

37.

Между тѣмъ Мессалина еще влачила жизнь свою въ Лукулловыхъ садахъ, сочиняла просьбы, предавалась еще слабой надеждѣ, иногда даже гнѣву: она не потеряла гордости въ этомъ отчаянномъ положеніи; и если бы Нарциссъ не поспѣшилъ ее убить, она успѣла бы свалить всю вину на обвинителя. Въ самомъ дѣлѣ, Клавдій, возвратившись домой, приказалъ раньше обыкновеннаго подать обѣдъ, успокоился покушавъ, и разгоряченный виномъ, приказалъ идти сказать *бѣдняжкѣ* (такъ выразился онъ), что бы она приготовила на завтра оправданіе. Услышавъ это, видя, что гнѣвъ Клавдія проходитъ, любовь возвращается; боясь, что если еще промедлить, наступитъ ночь, и онъ совершенно подчинится вліянію воспоминаній своей супружеской жизни — Нарциссъ поскорѣе выходитъ и говоритъ дежурному трибуну и центуріонамъ, что императоръ приказалъ тотчасъ убить Мессалину. Для наблюденія надъ точнымъ исполненіемъ приговора далъ онъ имъ въ провожатые отпущенника Эвода, который тотчасъ побѣжалъ въ сады и нашелъ Мессалину, лежащую на землѣ; возлѣ нея сидѣла мать ея Лепида, при счастіи дочери бывшая съ нею въ ссорѣ, но теперь, при отчаянномъ ея положеніи, сжалившаяся надъ нею. Она совѣтовала ей не дожидаться палача, жизнь ея кончена, и осталось только думать объ избѣжаніи постыдной смерти. Но въ душѣ Мессалины, растлѣнной развратомъ, не осталось никакого возвышеннаго чувства; она утопала въ слезахъ, предавалась безполезнымъ жалобамъ, какъ вдругъ съ шумомъ растворились двери и предстали предъ

нею безмолвный трибунъ и отпущенникъ, разражавшійся рабскою бранью....

38.

Тутъ только впервые поняла она свою участь, взяла лезвее, и тщетно подносила его дрожащею рукою то къ шеѣ, то къ груди: — наконецъ трибунъ нанесъ ей смертельный ударъ. Тѣло отдали матери. Клавдію за обѣдомъ еще объявили, что Мессалина убита, неизвѣстно своей или посторонней рукою: онъ не сталъ разспрашивать, спросилъ себѣ вина и окончилъ обѣдъ какъ всегда. Въ послѣдующіе дни онъ не показалъ ни признака ненависти или радости, гнѣва или печали, словомъ, ни признака человѣческаго чувства; на него не дѣйствовали ни явная радость обвинителей, ни скорбь дѣтей; сенатъ способствовалъ ему забыть Мессалину, приказавъ уничтожить ея портреты и въ публичныхъ и въ частныхъ мѣстахъ. Нарциссу даны украшенія квестора, что было самымъ ничтожнымъ знакомъ его силы, затмившей и Палласа и Каллиста....

Хотя все это было справедливо, но породило большія преступленія и несчастія.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

От̆ъ осн. Рима 802 — 808 года. По Р. Х. 49 — 55.

802. — 49.

1.

По убіеніи Мессалины императорскій дворъ растерзанъ былъ интригами отпущенниковъ. Каждый наперерывъ старался пріискать жену Клавдію, который не могъ сносить холостой жизни и привыкъ быть подъ супружескимъ игомъ. Не меньше мутили и женщины. Всякая выставляла на показъ свое благородство, красоту, богатства и старалась показаться достойною такого брака. Но на первомъ планѣ стояли Лоллія Паулина, дочь консулара Марка Лоллія, и Юлія Агриппина, дочь Германика; первой покровительствовалъ Каллистъ, второй Палласъ. Нарциссъ стоялъ за Элію Петину, изъ рода Тубероновъ. Клавдій склонялся то на ту, то на другую сторону, смотря по тому, кого онъ послѣ всѣхъ слушалъ, и наконецъ, чтобы скорѣе порѣшить споръ, созвалъ всѣхъ ихъ на совѣтъ и приказалъ каждому изложить свое мнѣніе и доводы.

2.

Нарциссъ началъ приводить прежнее супружество Клавдія, общую дочь его и Эліи (Антонію), говорилъ, что онъ не введетъ въ домъ ничего новаго, если возвратится къ супругѣ, къ которой уже привыкъ, которая не можетъ даже питать ненависти мачихи къ Британнику и Октавіи, единокровнымъ съ ея до-

черью. Каллистъ утверждалъ, что она опозорена долгимъ разводомъ и слишкомъ возгордится, если ей возвратить прежнія права, что гораздо лучше взять Лоллію, у которой не было дѣтей, и которая по этому, не имѣя причинъ завидовать, будетъ своимъ пасынкамъ настоящею матерью. А Палласъ превозносилъ въ Агриппинѣ въ особенности то, что она присоединитъ къ императорскому дому внука Германика, достойнаго войти въ него, отрасль знатнаго рода, что она соединитъ въ одно родъ Клавдіевъ и, какъ женщина молодая и извѣстной плодородности, не внесетъ въ другой домъ славы Цезарей.

3.

Послѣднее мнѣніе взяло верхъ при помощи кокетства самой Агриппины, которая, подъ предлогомъ родства, часто навѣщала дядю и такъ успѣла его очаровать, что будучи уже предпочтена прочимъ, но еще не вступивъ въ бракъ, уже пользовалась всею властью жены. Какъ только увѣрилась она, что выйдетъ за Клавдія, тотчасъ стала устроивать свадьбу Домиція, котораго имѣла отъ Кнея Энобарба, съ Октавіею, дочерью Цезаря. А это не могло быть исполнено безъ преступленія, потому что Цезарь уже просваталъ Октавію за Луція Силана и обратилъ на него вниманіе народа тріумфальными знаками и великолѣпными гладіаторскими играми, хотя молодой человѣкъ и безъ того былъ знаменитъ. Но казалось, что нѣтъ ничего невозможнаго съ такимъ правителемъ, у котораго не было ни собственной привязанности, ни ненависти; который во всемъ подчинялся вліянію другихъ.

4.

Вителлій, прикрывая именемъ цензора рабскую угодливость и предвидя близкое могущество Агриппины, хотѣлъ

заискать ея милость, сталъ ей содѣйствовать и придумывать на Силана преступленія. Сестра Силана, легкомысленная красавица Юнія Кальвина, гораздо прежде того была его снохою: на этомъ было основано все обвиненіе. Не преступную, но неосторожную любовь брата представилъ онъ въ гнусномъ свѣтѣ: и Клавдій довѣрчиво слушалъ, а любовь къ дочери еще болѣе способствовала утвержденію подозрѣній противъ зятя. Силанъ, ничего не знавшій объ этой интригѣ, былъ въ томъ году преторомъ. Вдругъ эдиктъ Вителлія вычеркиваетъ его изъ списка сенаторовъ, хотя уже этотъ списокъ былъ прочтенъ и цензура кончилась. Въ тоже время Клавдій отказываетъ ему въ рукѣ дочери, и Силанъ принужденъ оставить должность и сдать ее Эпрію Марцеллу на одинъ, остававшійся до срока, день.

803.—50.

—

5.

Въ консульство Кая Помпея и Квинта Веранія заключенъ былъ бракъ Клавдія съ Агриппиной. Уже давно говорили объ этой свадьбѣ и слухъ подтверждался ихъ незаконной связью, а они все не рѣшались торжествовать бракосочетаніе, потому что до тѣхъ поръ не было примѣра, чтобы дядя женился на племянницѣ, дочери брата; это было кровосмѣшеніе, и Клавдій боялся, чтобы оно не обратилось на гибель народу. Они медлили до тѣхъ поръ, пока Вителлій, съ свойственною ему изворотливостью, не нашелъ способа приняться за дѣло.

— Уступишь ли ты повелѣнію народа, или приговору сената? спросилъ онъ у Клавдія.

— Одинъ гражданинъ не можетъ идти противъ общей воли, отвѣчалъ Клавдій, и Вителлій, сказавъ ему, чтобы онъ оста-

вался во дворцѣ, самъ пошелъ въ сенатъ, и сказавъ, что имѣетъ сообщить нѣчто очень важное для государства, просилъ, чтобы ему позволили говорить прежде всѣхъ. Получивъ позволеніе, онъ сказалъ :

— Тягостнѣйшіе труды государя, владѣющаго всѣмъ міромъ, требуютъ помощи, дабы, спокойный на счетъ семейныхъ дѣлъ, онъ весь обратился къ общественнымъ. Да и какое облегченіе болѣе прилично его цензорскому духу, какъ не то, чтобы взять жену, подругу въ счастіи и горѣ, которой можно повѣрить свои тайныя мысли, отдать малолѣтныхъ дѣтей? онъ же никогда не предавался ни роскоши, ни разврату и смолоду повиновался законамъ.

6.

Расположивъ этой рѣчью многихъ сенаторовъ на свою сторону, возвратился онъ снова къ началу, и сказалъ :

— Такъ какъ всѣ желаютъ, чтобы государь женился, то нужно ему выбрать жену, знаменитую родомъ, плодородіемъ и добродѣтелями. Нечего задумываться о томъ, есть ли кто знатнѣе родомъ Агриппины; факты доказали ея плодородіе, доблестныя качества ея согласуются и съ тѣмъ и съ другимъ. Точно боги позаботились о томъ, чтобы представить вдову[1]) для супружества съ Клавдіемъ, всегда ограничивавшимся собственною женою. Вы слышали отъ родителей, да и сами видѣли, какъ Цезари похищали чужихъ женъ по прихоти ; такой поступокъ далекъ отъ скромности нынѣшняго монарха, пусть лучше установится законная форма для женитьбы императора. У насъ не слыхано, чтобы кто нибудь женился на дочери брата : но у

---

[1]) Она была вдовою оратора Криспина Пассіена, котораго, говорятъ, отравила, чтобы поскорѣе воспользоваться его богатствами.

другихъ народовъ подобный бракъ торжествуется и нѣтъ никакого закона, который бы его запрещалъ; браки между двоюродными братьями и сестрами долго не были извѣстны, а теперь часто встрѣчаются; обычаи всегда примѣняются къ обстоятельствамъ, и тотъ, о которомъ я говорю, скоро придетъ во всеобщее употребленіе.

7.

Нашлись сенаторы, которые бросились вонъ изъ куріи, крича, что если Цезарь станетъ медлить, они употребятъ силу. Собирается толпа черни, и кричитъ, что того хочетъ римскій народъ. Клавдій, не дожидаясь болѣе, выходитъ на площадь, принимаетъ поздравленія и, войдя въ сенатъ, требуетъ, чтобы состоялось опредѣленіе о дозволеніи впредь браковъ между дядею и племянницей. Впрочемъ, только одинъ Титъ Алледій Северъ, римскій всадникъ, воспользовался этимъ позволеніемъ, да и то, говорятъ, по наущенію Агриппины.

Совершился переворотъ. Все стало повиноваться женщинѣ, не пренебрегавшей дѣлами, какъ развратная Мессалина; власть была въ твердой, такъ сказать мужественной рукѣ; съ посторонними строгость и часто высокомѣріе; дома ничего безстыднаго, развѣ если оно могло послужить въ пользу власти. Страшная алчность къ деньгамъ прикрывалась личиною обогащенія казны.

8.

Въ день свадьбы Силанъ лишилъ себя жизни; сохранялъ ли онъ до тѣхъ поръ надежду, или хотѣлъ усилить ненависть къ своимъ врагамъ, выбравъ такой день. Сестра его Кальвина изгнана изъ Италіи. Клавдій приказалъ жрецамъ совер-

шить въ Діаниной рощѣ очистительные обряды по законамъ царя Тулла: всѣ смѣялись, что онъ во время наказываетъ за кровосмѣшеніе и приносить богамъ молитвы. Агриппина, не желая ознаменовать себя одними только преступленіями, призвала изъ ссылки Аннея Сенеку и дала ему претуру, думая тѣмъ задобрить народъ, такъ какъ Сенека былъ знаменитъ своею ученостью; радовалась, что такой учитель будетъ руководить въ дѣтствѣ Домиція, что она сама будетъ пользоваться его совѣтами въ дѣлахъ правленія. Думали, что память о благодѣяніи привяжетъ Сенеку къ Агриппинѣ, а воспоминаніе объ оскорбленіи сдѣлаетъ ему ненавистнымъ Клавдія.

9.

Не желая медлить, партія Агриппины уговариваетъ назначеннаго консула Меммія Полліона самыми щедрыми обѣщаніями, чтобы онъ предложилъ сенату просить Клавдія о бракѣ Домиція съ Октавіей: и лѣта ихъ были согласны, и бракъ этотъ открывалъ имъ путь къ дальнѣйшимъ почестямъ. Полліонъ, употребивъ почти тѣже слова, что недавно произносилъ Вителлій, подалъ мнѣніе. И Октавія была просватана. Домицій же, сверхъ прежнихъ близкихъ отношеній, сдѣлавшись еще зятемъ, сталъ наравнѣ съ Британникомъ, благодаря проискамъ матери и интригамъ тѣхъ, которые, погубивъ Мессалину, страшились мщенія ея сына.

10.

Въ это время допущены были въ сенатъ парѳянскіе посланники, прибывшіе, какъ я уже сказалъ, просить возвращенія Мегердата, и произнесли слѣдующую рѣчь:

— Мы знаемъ договоры и пришли не измѣнниками дому

Арзацидовъ, мы стоимъ за сына Вонона и внука Фраата противъ Готарзеса, котораго правленіе невыносимо и для народа, и для аристократіи. Уже братья, родственники, даже отдаленные, пали отъ его руки: онъ не щадитъ ни беременныхъ женщинъ, ни малолѣтныхъ дѣтей: лѣнивый дома, несчастный на войнѣ, онъ хочетъ прикрыть жестокостью свою подлость. Давно ведемъ мы съ вами дружбу, скрѣпленную всенародно; вы должны помочь союзникамъ, такимъ же сильнымъ, какъ вы, но уступающимъ вамъ изъ уваженія. Мы даемъ вамъ въ заложники царскихъ дѣтей, дабы въ случаѣ внутреннихъ неустройствъ прибѣгнуть къ государю и сенаторамъ, прося у нихъ царя, въ которомъ примѣръ вашъ развилъ доблестныя качества.

11.

Когда они изложили въ своей рѣчи эти и подобные имъ пункты, Цезарь началъ говорить о значеніи Рима, о знакахъ покорности Пареянъ; сравнивалъ себя съ Августомъ, у котораго они также испрашивали царя, но не упомянулъ о Тиберіи, хотя и онъ послалъ Пареянамъ правителя; сверхъ того далъ онъ совѣтъ Мегердату, который при этомъ присутствовалъ, чтобы онъ смотрѣлъ на своихъ подданныхъ не такъ, какъ на рабовъ, которыми надо повелѣвать, но какъ на гражданъ, которыми надо править, чтобы онъ принялъ за правило милосердіе и справедливость, которыя тѣмъ болѣе понравятся варварамъ, что они ихъ не знаютъ. Обратившись къ посланникамъ, началъ онъ превозносить похвалами питомца Рима, говоря, что до сихъ поръ онъ жилъ умѣренно; но совѣтовалъ имъ согласоваться съ характеромъ государя, потому что частые перевороты не могутъ быть безвредны. Дѣла Рима дошли до такого славнаго благоденствія, что онъ желаетъ спокойствія даже для другихъ націй.

Послѣ того поручено Каю Кассію, префекту Сиріи, проводить юношу до береговъ Евфрата.

12.

Въ то время Кассій отличался передъ всѣми знаніемъ законовъ; во время мира забываются военныя доблести и исчезаетъ различіе между дѣятельными людьми и лѣнивцами. Впрочемъ, сколько можно было безъ войны, онъ возстановлялъ древнюю дисциплину, упражнялъ легіоны и такъ заботился объ нихъ, какъ будто бы непріятель былъ въ двухъ шагахъ; такъ старался онъ быть достойнымъ своихъ предковъ и рода Кассіевъ, извѣстнаго даже въ пароянскихъ странахъ. Онъ вызвалъ тѣхъ, которые испросили себѣ царя, расположился лагеремъ при Цеугмѣ, гдѣ легче всего было перейти рѣку, и когда прибыли пароянскіе вельможи и арабскій царь Акбаръ, совѣтовалъ Мегердату дѣйствовать быстрѣе, потому что варвары пылки только въ первомъ движеніи, а медленность охладитъ ихъ расположеніе и можетъ даже превратить его въ коварство. Этотъ совѣтъ былъ презрѣнъ, благодаря коварному Акбару, который задержалъ въ Эдессѣ юношу, неопытнаго и полагавшаго все счастіе въ роскоши. Не смотря на увѣренія Каррена, что успѣхъ несомнѣненъ, если поспѣшить на мѣсто, они не пошли кратчайшимъ путемъ чрезъ Месопотамію, а свернули въ сторону къ Арменіи, гдѣ было очень неудобно дѣйствовать по причинѣ наступавшей зимы.

13.

Утомленные снѣгами и горами, они вышли наконецъ на открытыя поля, гдѣ соединились съ ними войска Каррена, перешли Тигръ, пошли по землѣ Адіабеновъ, которыхъ царь

Изатъ явно стоялъ за Мегердата, но втайнѣ больше былъ преданъ Готарзесу. На пути взяли городъ Ниносъ, древнѣйшую изъ ассирійскихъ осѣдлостей, и ту знаменитую крѣпость (Арбелу), при которой въ послѣдній разъ сразились Дарій и Александръ и рушилось могущество Персовъ. Между тѣмъ Готарзесъ поклонялся на горѣ Самбулѣ мѣстнымъ богамъ, во главѣ которыхъ былъ Геркулесъ, который въ опредѣленные сроки является жрецамъ во снѣ и говоритъ, чтобы они держали близъ храма лошадей во всей охотничьей сбруѣ. Какъ только надѣнутъ на лошадей колчаны, наполненные стрѣлами, они пускаются врознь по лѣсамъ, и только ночью возвращаются домой съ громкимъ ржаніемъ, но съ пустыми колчанами. Ночью богъ объявляетъ, по какимъ лѣсамъ онъ ѣздилъ, — и по дорогѣ находятъ убитыхъ животныхъ.

14.

Готарзесъ, еще не имѣя достаточно сильнаго войска, сталъ за рѣкою Кормою, какъ за укрѣпленіемъ, и, не смотря на то, что его подстрекали стычками и бранью вступить въ бой, продолжалъ медлить, перемѣнялъ мѣсто и подсылалъ лазутчиковъ подкупать непріятелей и склонять ихъ къ измѣнѣ. Вскорѣ оставили Мегердата Изатъ Адіабенскій, за нимъ и Акбаръ Арабскій, съ своими войсками, по врожденному ихъ національному непостоянству, и также потому, что знали, по опыту, какъ варвары любятъ просить у Римлянъ царей, но не любятъ ихъ сохранять. Мегердатъ, лишенный, такимъ образомъ, сильной подмоги, подозрѣвая измѣну и въ остальныхъ войскахъ, рѣшился на единственное оставшееся ему средство, рискнуть всѣмъ и дать сраженіе: не отказался отъ битвы Готарзесъ, становившійся отважнѣе по мѣрѣ уменьшенія числа непріятелей. Началась кровавая сѣча и побѣда была неиз-

вѣстна, пока Карренъ, зашедшій слишкомъ впередъ, преслѣдуя разбитый имъ отрядъ, не былъ обойденъ въ тылъ свѣжими войсками. Тогда Мегердатъ потерялъ послѣднюю надежду и, повѣривъ обѣщаніямъ Парракa, кліента своего отца, попалъ въ обманъ, былъ скованъ и отданъ побѣдителю. Готарзесъ, видя въ немъ не родственника и не потомка Арзаса, но чужестранца, Римлянина, приказалъ отсѣчь ему уши, но даровалъ жизнь въ ознаменованіе своего милосердія и на позоръ Римлянамъ. За тѣмъ онъ заболѣлъ и умеръ, а на престолъ вступилъ правитель Медіи Вононъ, не испытавшій ни успѣха, ни пораженія, о которомъ бы стоило упомянуть. Онъ царствовалъ мало и безъ славы, а по смерти его верховная власть перешла въ руки сына его Вологеза.

15.

Босфорскій царь Митридатъ, лишившись всего, не находилъ себѣ пристанища. Узнавъ, что римскій полководецъ Дидій ушелъ вмѣстѣ съ главными силами, и что въ новомъ царствѣ оставленъ неопытный юноша Котисъ да нѣсколько когортъ съ римскимъ всадникомъ Юліемъ Аквилоій, презирая того и другого, сталъ созывать племена, собирать бѣглецовъ, и наконецъ, составивъ войско, выгналъ царя Дандаридовъ и овладѣлъ его царствомъ. Когда узнали объ этомъ Аквила и Котисъ, и ожидали, что вотъ-вотъ вторгнется онъ въ Босфоръ, то, не довѣряя собственнымъ силамъ, такъ какъ сверхъ того Зорзинъ, царь Сираковъ, возобновилъ непріязненныя дѣйствія, они сами прибѣгли къ чужеземной помощи и послали къ Эвнону, царю Адорзовъ; не трудно было убѣдить его предпочесть Римлянъ возмутителю Митридату. И постановили договоромъ, чтобы Эвнонъ распоряжался конницей, а Римлянамъ предоставлена была осада городовъ.

16.

Сформировавъ войско, идутъ въ походъ. Адорзы впереди и въ тылу, въ срединѣ когорты и Босфорцы, вооруженные по нашему; прогнавъ непріятеля, пришли они въ Созу, городъ Дандаридскій, оставленный Митридатомъ: сомнительное расположеніе горожанъ заставило помѣстить тамъ гарнизонъ. Оттуда пошли на Сираковъ и, перейдя черезъ рѣку Пандъ, обложили городъ Успе, построенный на высокомъ мѣстѣ, укрѣпленный стѣнами и рвами: только стѣны были не каменныя, а плетеныя изъ прутьевъ и внутри набитыя землею, отчего не могли устоять противъ нападающихъ. Башни, выстроенныя выше стѣнъ, бросали въ осажденныхъ факелы и копья. Если бы не наступила ночь, то осада была бы начата и окончена въ одинъ день.

17.

На другой день осажденные прислали парламентеровъ, просить прощенія свободнымъ сословіямъ и предлагали дать десять тысячь рабовъ. Побѣдители отвергли эти условія, потому что звѣрское дѣло было бы убить сдавшихся, охранять же подъ стражею такое множество мудрено, и рѣшили, что пусть лучше падутъ они въ битвѣ: и солдатамъ, уже взбиравшимся на лѣстницы, поданъ знакъ къ рѣзнѣ. Раззореніе Успе вселило страхъ въ другихъ городахъ; все погибло, думали они, когда непріятель прорывается чрезъ оружія, укрѣпленія, чрезъ непроходимыя и возвышенныя мѣста, чрезъ рѣки и горы. Зорзинъ долго раздумывалъ, поддерживать ли ему Митридата, котораго дѣла были уже въ крайнемъ разстройствѣ, или позаботиться о родной землѣ. Родовой интересъ взялъ верхъ, и Зорзинъ,

давъ заложниковъ, ниспростерся предъ статуею Цезаря, къ великой славѣ римскаго войска, которое, не проливъ ни капли крови, дошло съ побѣдою до мѣста за три дни пути отъ Танаиса. Впрочемъ, въ отступленіи счастіе намъ измѣнило; нѣсколько кораблей, плывшихъ домой, выброшены были на берега Тавриды и окружены варварами, которые убили префекта когорты и многихъ центуріоновъ.

18.

Между тѣмъ Митридатъ, видя, что ему нѣтъ спасенія въ борьбѣ, думалъ только о томъ, кого молить о пощадѣ; ему страшенъ былъ братъ его Котисъ, сначала предатель, послѣ открытый врагъ; изъ Римлянъ не было на лицо никого, на обѣщанія котораго можно было бы положиться, и обратился онъ къ Эвнону, не раздраженному личною ненавистью и сильному недавнимъ союзомъ съ нами. Принявъ видъ и одежду, которые были всего приличнѣе въ его положеніи, идетъ онъ во дворецъ и, припавъ къ ногамъ Эвнона, говоритъ:

— Предъ тобою Митридатъ, котораго Римляне столько лѣтъ уже ищутъ на морѣ и на землѣ. Я пришелъ по собственной волѣ. Располагай какъ хочешь потомкомъ великаго Ахемена: только этого титула не могли у меня отнять враги!

19.

Эвнонъ, тронутый несчастіемъ этого знаменитаго человѣка, который въ самыхъ мольбахъ умѣлъ сохранить свое достоинство, поднимаетъ его и хвалитъ, что онъ обратился къ Адорзамъ и къ нему самому за прощеніемъ. Тотчасъ же отправляетъ онъ къ Клавдію письмо и пословъ съ такими словами:

— Дружба между императорами Римлянъ и царями силь-

ныхъ народовъ основывается преимущественно на сходствѣ власти: насъ же съ Клавдіемъ сверхъ того связываютъ общія побѣды. Великое дѣло кончать войну забвеніемъ. Такъ у побѣжденнаго Зорзина ничего не отняли. Митридатъ больше провинился, я не прошу для него ни власти, ни царства; умоляю только избавить его отъ стыда тріумфа и казни.

20.

А Клавдій, хотя и былъ снисходителенъ къ знатнымъ иноземцамъ, однако же задумался, что лучше: взять ли плѣннаго, обязавшись простить его совершенно, или требовать его выдачи силою оружія. Перенесенныя имъ оскорбленія разжигали въ немъ жажду мести и склоняли къ послѣднему рѣшенію; но противъ него было много доводовъ: надо было начинать войну на землѣ безъ дорогъ, на морѣ безъ пристаней; цари тамъ мужественны, народы кочующіе, земли безплодныя; медлить утомительно, спѣшить опасно; побѣда доставитъ не много славы, а пораженіе покроетъ стыдомъ. Не лучше ли принять предложеніе и спасти изгнанника: чѣмъ долѣе будетъ жить бѣднякъ, тѣмъ болѣе будетъ мучиться. Убѣжденный этими доводами, онъ написалъ къ Эвнону:

— Митридатъ заслужилъ примѣрное наказаніе, и у меня довольно было бы силъ привести его въ исполненіе; но искони у нашихъ предковъ было правило: быть столько же упорными со врагомъ, сколько великодушными съ тѣмъ, кто умоляетъ о пощадѣ. Тріумфовать же можно только надъ цѣлымъ народомъ и царствомъ.

21.

Тогда Митридатъ былъ переданъ Юнію Цилону, прокуратору Понта, и отвезенъ имъ въ Римъ. Разсказываютъ, что

онъ говорилъ съ Цезаремъ такъ гордо, какъ нельзя было ожидать отъ его положенія. Слова его такъ носились въ народѣ:

— Меня не привели къ тебѣ, я самъ пришолъ. Если не вѣришь — отпусти меня и прикажи искать.

Онъ сохранилъ свой безстрашный видъ, когда, окруженный стражею, стоялъ у рострь на позорище народу. Цилону дали консульскія, Аквилѣ преторскія украшенія.

22.

При тѣхъ же консулахъ, Агриппина, непримиримая въ своей ненависти, ожесточенная противъ Лолліи за то, что та соперничала съ нею въ домогательствѣ вступить въ бракъ съ Цезаремъ, взвела на нее преступленія и пріискала обвинителя, который донесъ, что она совѣтовалась съ Халдеями и магами и спрашивала у оракула Аполлона Кларосскаго на счетъ предполагаемаго супружества съ императоромъ. И Клавдій, не выслушавъ оправданія, сказалъ въ сенатѣ рѣчь, въ которой распространился сначала о знатности ея рода, упомянулъ, что она дочь сестры Луція Волузія, что Котта Мессалинъ ея двоюродный дѣдъ съ отцовской стороны, что она была за Мемміемъ Регуломъ (о бракѣ ея съ Каемъ Цезаремъ онъ нарочно умолчалъ), и прибавилъ, что ея замыслы гибельны для государства и что надо отнять у нея средства совершать преступленія, а для того описать ея имѣніе и изгнать ее изъ Италіи. Изъ всего огромнаго состоянія изгнанницѣ оставили только пять милліоновъ сестерцій. Погубили также и Кальпурнію, знатную женщину, потому что Клавдій похвалилъ какъ-то ея красоту, безъ всякой страсти, а просто въ разговорѣ. За то и гнѣвъ Агриппины не дошелъ до крайнихъ предѣловъ. Къ Лолліи подослали трибуна, чтобы убѣдить ее лишить себя жизни. Кадій Руфъ, по доносу Виѳинянъ, обвиненъ во взяточничествѣ.

23.

За особенное уваженіе Нарбоннской Галліи къ сенату позволено сенаторамъ, имѣвшимъ тамъ земли, по примѣру права Сициліи, ѣздить туда по своимъ дѣламъ безъ особеннаго разрѣшенія государя. Въ Итуреѣ и Іудеѣ умерли цари Согемъ и Агриппа, и царства ихъ присоединены къ Сиріи. Augurium salutis [1]), не производившійся уже 25 лѣтъ, приказано возобновить и продолжать. Клавдій еще раздвинулъ городской валъ (pomoerium), по древнему обычаю, дававшему право расширять предѣлы Рима тому, кто расширилъ предѣлы государства. Впрочемъ, кромѣ Луція Суллы и Августа, никто изъ римскихъ полководцевъ не пользовался этимъ правомъ, не смотря на покореніе сильныхъ народовъ.

24.

Цари дѣйствовали при этомъ различно, по внушенію разсчета или славы, но, я думаю, не мѣшаетъ знать самое заложеніе Рима и опредѣленный Ромуломъ pomoerium. Первый валъ, которымъ обозначился городъ, начинался отъ скотной площади, съ того самаго мѣста, гдѣ стоитъ мѣдное изображеніе быка, какъ животнаго, впрягаемаго въ соху, и обходилъ великій алтарь Геркулеса. Отсюда, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, брошены были камни по подошвѣ горы Палатинской до алтаря Конса, далѣе до старой куріи, потомъ до храма Ларовъ. Полагаютъ, что форумъ и капитолій присоединены Титомъ Таціемъ, а не Ромуломъ. Вскорѣ городъ разширился вмѣстѣ съ значеніемъ государства; а предѣлы,

---

[1]) Это былъ священный обрядъ во время мира, которымъ спрашивали, угоденъ ли этотъ миръ богамъ.

утвержденные Клавдіемъ легко можно видѣть: они помѣчены во всѣхъ публичныхъ актахъ.

804,—51.

—

25.

Въ консульство Кая Антистія и Марка Суилія вліяніемъ Палласа ускорено было усыновленіе Домиція. Палласъ былъ уже на сторонѣ Агриппины, когда устроивалъ свадьбу ея, а послѣ приковала она его къ себѣ еще болѣе преступною связью; онъ подстрекалъ Клавдія подумать объ участи государства, дать твердую опору малолѣтнему Британнику; вѣдь и у Августа были собственные внуки, а пасынки тоже были въ силѣ; вѣдь Тиберій, имѣя собственную семью, усыновилъ Германика. Такъ пусть же и онъ возметъ себѣ въ помощники юношу, уже способнаго принимать участіе въ правленіи. Убѣжденный этими доводами, Клавдій предпочелъ своему сыну Домиція, который былъ двумя годами старше, и сказалъ предъ сенатомъ рѣчь — повтореніе словъ, слышанныхъ имъ самимъ отъ отпущенника. Знающіе люди замѣтили, что до тѣхъ поръ ни одинъ изъ патриціанскаго рода Клавдіевъ никого не усыновлялъ, и что всѣ они, начиная съ Атта Клауза, не смѣшивались съ другими родами.

26.

Государя публично благодарили, изъ тонкой лести Домицію, и издали законъ, по которому онъ вступалъ въ домъ Клавдіевъ и получилъ имя Нерона; Агриппинѣ также пожаловали имя Августы. Когда это все было сдѣлано, не нашлось такого нечувствительнаго сердца, котораго бы не тронула плачевная участь Британника; мало по малу лишили его

даже служителей: мачиха сама вызвалась ему прислуживать. Онъ понималъ причину притворной нѣжности и смѣялся надъ нею: говорятъ, что онъ былъ уменъ и дѣятеленъ; незнаю, правда это, или несчастная участь его заставила придать ему качества, которыхъ на дѣлѣ не было.

27.

Агриппина хотѣла блеснуть своею властью предъ союзниками и настояла, чтобы поселили колонію ветерановъ въ городъ Убіевъ, гдѣ она была рождена. Къ названію города прибавлено ея имя, потому что дѣдъ ея Агриппа принялъ этотъ народъ подъ покровительство Римлянъ, при переходѣ его черезъ Рейнъ.

Въ это же время нападенія Каттовъ, производившихъ разбои въ Верхней-Германіи, устрашили тамошнихъ жителей. Потому легатъ Луцій Помпоній послалъ союзныя когорты Вангіоновъ и Неметовъ, присоединивъ къ нимъ съ фланговъ конницу, и приказалъ предупредить разбои или напасть въ расплохъ на разсѣяннаго непріятеля. Войска искустно исполнили распоряженія полководца, раздѣлившись на два отряда. Лѣвый нагналъ разбойниковъ, уже возвращавшихся съ добычи и окружилъ ихъ, когда они послѣ безпутнаго пира улеглись спать. Радость была тѣмъ сильнѣе, что при этомъ возвратили нѣсколькихъ плѣнниковъ, бывшихъ въ плѣну со времени пораженія Вара, то есть сорокъ лѣтъ сряду.

28.

Другой отрядъ взялъ правѣе, пошолъ кратчайшимъ путемъ, встрѣтилъ непріятеля, который осмѣлился вступить въ битву, нанесъ ему сильное пораженіе и, покрытый добычей и славой, возвратился къ горѣ Тауну, гдѣ Помпоній съ легіо-

нами ждалъ, авось Катты, горя мщеніемъ, дадутъ ему случай сразиться. А они, боясь, чтобы не окружили ихъ съ одной стороны Римляне, съ другой Херуски, съ которыми были въ вѣчной враждѣ, отправили въ Римъ пословъ и заложниковъ. Помпонія наградили тріумфальною почестью, хотя предъ потомствомъ главная слава его состояла въ хорошихъ стихахъ.

29.

Въ тоже время Ванній, котораго Друзъ Цезарь далъ Свевамъ въ цари, изгнанъ изъ царства. Въ началѣ его правленія народъ любилъ его и славилъ, но потомъ привычка повелѣвать сдѣлала его гордымъ и породила ненависть у сосѣдей и раздоры у своихъ. Зачинщиками были Вибилій, царь Гермундуровъ, и Вангій и Сидъ, сыновья сестры Ваннія. Клавдій, не смотря на частыя просьбы, не вмѣшался съ оружіемъ въ эту ссору варваровъ, а обѣщалъ только Ваннію безопасное убѣжище, въ случаѣ, если его изгонятъ, между тѣмъ написалъ однакожъ, къ Публію Ателлію Гистру, который управлялъ Панноніей, чтобы онъ разставилъ по Дунаю легіонъ и войска, набранныя въ самой провинціи, на помощь побѣжденнымъ и на отпоръ побѣдителей, если, увлеченные успѣхомъ, они вздумаютъ и съ нами нарушить миръ. А уже безчисленное множество Лигійцевъ и другихъ народовъ стекалось туда, наслышавшись о богатствахъ, которыя Ванній тридцать лѣтъ сряду умножалъ грабежемъ и налогами. У него же была только своя пѣхота, да конница изъ Сарматовъ Языговъ, и не могъ онъ мѣряться съ множествомъ враговъ, а положилъ защищаться въ крѣпостяхъ и стараться продолжить ходъ войны.

30.

Но Языги, не имѣя терпѣнія сидѣть въ осадѣ, разбрелись по сосѣднимъ полямъ и заставили его сразиться, привлекши на

себя и Лигія и Гермундура. Вышедъ изъ крѣпости, Ванній бросился въ битву. Онъ проигралъ ее, но проигралъ со славою, потому что самъ сражался и былъ раненъ спереди. Онъ убѣжалъ на флотъ, стоявшій на Дунаѣ. За нимъ вскорѣ послѣдовали его кліенты и разселены были въ Панноніи, гдѣ имъ дали земель. Вангій и Сидъ раздѣлили между собою царство и остались намъ вѣрны. Подданные ихъ, вслѣдствіе ли своего характера или ихъ царствованія, сколько любили ихъ, пока они домогались могущества, столько же стали ненавидѣть, когда они его достигли.

31.

И въ Британніи пропреторъ Публій Осторій засталъ смуты. Непріятели вторгнулись въ землю нашихъ союзниковъ тѣмъ съ большею дерзостію, что не ожидали, чтобы новый полководецъ рѣшился вести на нихъ незнакомое войско въ началѣ зимы. Осторій, зная, что страхъ и увѣренность зависятъ отъ первыхъ минутъ, быстро устремляетъ когорты. Разбивъ тѣхъ, которые сопротивлялись, сталъ онъ преслѣдовать разбѣжавшихся, дабы они снова не собрались, и, боясь невѣрнаго и смутнаго мира, который бы не далъ покоя ни полководцу, ни солдатамъ, приказалъ обезоруживать подозрительныхъ людей и ставить цѣпь укрѣпленій по рѣкамъ Ауфонѣ и Сабринѣ. Противъ этой мѣры въ особенности возстали Ицены, сильный народъ, не истощенный войною, потому что поддался намъ добровольно. По ихъ зачинанію всѣ сосѣдніе народы избрали мѣсто битвы, огражденное природнымъ неправильнымъ валомъ и къ которому доступъ былъ такъ тѣсенъ, что конница не могла туда пробраться. Римскій полководецъ, безъ легіоновъ, съ одними союзными войсками, рѣшается прорвать это укрѣпленіе и, распредѣливъ когорты, приказываетъ конницѣ спѣшиться. Тог-

да, по данному знаку, они переходятъ чрезъ валъ, и окружаютъ непріятеля въ его же собственной засадѣ. Сознавая что они возмутители, и видя, что нѣтъ выхода, враги оказываютъ чудеса храбрости. Въ этомъ сраженіи сынъ легата Маркъ Осторій заслужилъ себѣ гражданскій вѣнецъ [1]).

32.

Пораженіе Иценовъ сдержало тѣхъ, которые еще колебались между войною и миромъ, а войско пошло на Канговъ. Опустошили поля, набрали много добычи, но непріятель не рѣшился вступить въ бой, ограничиваясь только мелкими и неожиданными нападеніями, за которыя и былъ наказанъ. Войска подходили уже къ Ирландскому морю, какъ раздоры между Бригантами заставили полководца повернуть назадъ. Онъ не хотѣлъ покорять новыя страны, не укрѣпивъ совершенно прежнія завоеванія. Возмутителей было не много; ихъ убили, остальныхъ простили и Бриганты успокоились. Силуровъ же не могла удержать отъ войны ни строгость, ни милость; для ихъ обузданія нужны были постоянные лагери легіоновъ. Чтобы покончить съ ними поскорѣе, переселили въ Камулодунумъ, на завоеванной землѣ, сильный отрядъ ветерановъ, для укрощенія возмутителей и для ознакомленія союзниковъ съ наблюденіемъ законовъ.

33.

Тогда уже пошли на Силуровъ, которыхъ извѣстная неустрашимость усугублялась тѣмъ, что ими начальствовалъ Каракъ-такъ, прославившійся множествомъ подвиговъ и неудачь, и сто-

---

[1]) Этотъ вѣнецъ, за спасеніе гражданина въ сраженіи, былъ украшенъ дубовыми листьями.

явшій во главѣ всѣхъ британскихъ полководцевъ. На его сторонѣ была хитрость и знаніе мѣстности, и, будучи слабѣе насъ числомъ солдатъ, онъ перенесъ войну къ Ордовикамъ, соединился со всѣми, кто боялся мира съ Римлянами, и отважился на рѣшительную битву, избравъ такое мѣсто, что входъ и выходъ, все было для насъ неудобно, а для его войскъ хорошо. Мѣсто это было окружено крутыми горами, а гдѣ спускъ былъ не такъ крутъ, онъ приказалъ набросать камней въ видѣ вала; впереди текла рѣка съ невѣрнымъ бродомъ; вооруженные отряды охраняли укрѣпленія.

34.

Предводители разныхъ народовъ ходили вокругъ, убѣждали, ободряли духъ солдатъ, уменьшая опасность и преувеличивая надежды, употребляя всѣ средства, воспламеняющія храбрость. А Карактакъ, быстро переходя съ мѣста на мѣсто, представлялъ имъ этотъ день и предстоящую битву началомъ отвоеванной свободы, или вѣчнаго рабства; припоминалъ имена предковъ, отразившихъ диктатора Цезаря, спасшихъ своею доблестью народъ отъ меча и дани, женщинъ и дѣтей отъ поруганія. Толпа одобрительно волновалась при каждомъ словѣ; каждый клялся своими богами, что ни копья, ни раны не заставятъ его отступить ни на шагъ.

35.

Римскій полководецъ призадумался при видѣ такаго одушевленія; страшны ему были эта преграда рѣки, этотъ воздвигнутый валъ, эти крутыя вершины, все мрачное и усаженное непріятелями. Но солдаты требовали битвы, восклицая, что противъ храбрости ничто не устоитъ. Префекты и трибуны говорили въ томъ же духѣ и возбуждали пылъ въ войскѣ. Тогда

Осторій, изслѣдовавъ, гдѣ были непроходимыя мѣста, гдѣ можно было пробраться, повелъ одушевленное войско и безъ труда перешолъ рѣку. Дошли до вала, и, пока сражались метательнымъ оружіемъ, съ нашей стороны была бóльшая часть раненыхъ и почти всѣ смертельно. Но когда посредствомъ черепахи разнесли груду набросанныхъ кое какъ камней, и начался рукопашный бой безъ перевѣса на ихъ сторону, варвары должы были отступить на высоты. Но и туда взобрались и легко и тяжеловооруженные солдаты: одни стремительно пускали стрѣлы, другіе напирали сжатымъ строемъ. Смѣшались ряды Британцевъ, не защищенныхъ ни шлемами, ни панцырями; кто держался противъ союзныхъ войскъ, падалъ подъ ударами мечей и пикъ легіоновъ; кто отражалъ легіоны, сраженъ былъ сѣкирами и копьями союзниковъ. Побѣда была совершенная. Жена и дочь Карактака взяты въ плѣнъ; братья сдались безъ всякихъ условій.

36.

Самъ Карактакъ—несчастному нигдѣ нѣтъ пріюта,—просилъ убѣжища у царицы Бригантовъ Картисмандуи, но былъ скованъ и переданъ побѣдителю, девять лѣтъ спустя послѣ начала войны въ Британіи. Слава его перешла за предѣлы острова, распространилась по ближнимъ провинціямъ, гремѣла даже въ Италіи, и всѣ горѣли нетерпѣніемъ видѣть человѣка, который столько лѣтъ презиралъ наше оружіе. Даже и въ Римѣ извѣстно было имя Карактака, и Цезарь, чтобы возвеличить собственную славу, старался еще возвысить его достоинства. Народъ былъ созванъ, какъ будто на какое нибудь удивительное зрѣлище. Преторіанскія когорты разставлены были во всемъ вооруженіи на полѣ, противъ лагеря. Торжественно провели царскихъ кліентовъ, пронесли его цѣпи, оже-

релья, все, что пріобрѣлъ онъ своими завоеваніями, потомъ шли его братья, жена и дочь, и наконецъ онъ самъ. Всѣ отъ страха униженно умоляли о пощадѣ; не таковъ былъ Карактакъ; ни словомъ, ни взглядомъ не унизился онъ до просьбы и, подошедши къ трибуналу, сказалъ:

37.

— Если бы скромность желаній моихъ соотвѣтствовала моему рожденію и счастію, то я пришелъ бы въ этотъ городъ скорѣе другомъ, нежели плѣнникомъ, и, какъ потомокъ знаменитыхъ людей, какъ повелитель многихъ народовъ, я бы не подвергся презрѣнію, со мною заключили бы дружественный договоръ. Судьба меня унизила — тебя превознесла. Были у меня и кони, и солдаты, и оружіе, и богатства: что же мудренаго, что я не хотѣлъ ихъ лишиться? Если вы хотите всѣми повелѣвать, изъ этого еще не слѣдуетъ, что всѣ должны принять рабство. Если бы я тотчасъ сдался, это бы не послужило ни къ моему счастію, ни къ твоей славѣ. Казни меня, и я тотчасъ буду забытъ; сохрани мнѣ жизнь — и я буду вѣчнымъ примѣромъ твоего великодушія.

Цезарь отвѣчалъ на это прощеніемъ и его, и жены, и братьевъ. Освобожденные отъ оковъ, подошли они къ Агриппинѣ, смотрѣвшей на все не далеко оттуда съ возвышенія, и осыпали ее тѣми же благодарностями и благословеніями, какъ и государя. Странно было видѣть, въ противность всѣмъ древнимъ обычаямъ, что женщина сидѣла въ главѣ римскихъ войскъ. Но сама она говорила, что должна раздѣлять власть въ имперіи, основанной ея предками.

38.

Сенаторы были созваны и разглагольствовали въ великолѣпныхъ выраженіяхъ о взятіи въ плѣнъ Карактака, превоз-

нося этотъ подвигъ и сравнивая его съ тѣмъ, когда Публій Сципіонъ показывалъ народу римскому Сифакса, Луцій Павелъ—Персея, другіе—побѣжденныхъ царей. Осторію присудили тріумфальныя украшенія. Впрочемъ, его дѣла только до этого времени шли удачно, а потомъ счастіе ему измѣнило; оттого ли, что, удаливъ Карактака, онъ полагалъ, что война окончилась и ослабилъ дисциплину, оттого ли, что непріятели, сожалѣя о такомъ царѣ, горѣли жаждою мщенія. Они окружили префекта лагеря и когорты легіоновъ, которыя были оставлены у Силуровъ для сооруженія крѣпостей, и если бы вскорѣ не подоспѣла помощь изъ ближнихъ селеній и укрѣпленій, все войско должно бы погибнуть. Впрочемъ, все таки префектъ, восемь центуріоновъ и храбрѣйшіе солдаты поплатились жизнію. Вскорѣ послѣ того они обратили въ бѣгство нашихъ фуражировъ и посланную имъ на помощь конницу.

39.

Тогда Осторій послалъ легкія когорты, но и тѣ не могли остановить бѣгства, нужно было пустить въ дѣло легіоны. Только ихъ сила уравняла сраженіе, которое вскорѣ начало клониться въ нашу пользу. Впрочемъ, такъ какъ день склонялся къ вечеру, то непріятели успѣли скрыться съ незначительнымъ урономъ. И начались безпрестанныя стычки по лѣсамъ, по болотамъ; совершенныя побоища разбойниковъ: встрѣтятся ли случайно или съ умысломъ прослѣдятъ врага, бьются ли слѣпо или обдуманно, изъ ненависти или изъ за добычи, по распоряженію начальства, или безъ всякой команды. Силуры бились съ необыкновеннымъ упорствомъ, потому что до нихъ дошли слова полководца:

— Имя Силуровъ должно быть стерто съ лица земли, такъ какъ уже это свершилось однажды съ Сугамбрами, которые были уничтожены и переселены въ Галлію.

Они перехватили двѣ вспомогательныя когорты, высланныя корыстолюбивыми префектами на фуражировку безъ предосторожностей; стали вовлекать въ возстаніе сосѣдніе народы, расточая имъ добычу и плѣнниковъ. Наконецъ Осторій, разстроенный этими трудными заботами, окончилъ жизнь. И радовались враги, что умеръ страшный вождь, хотя и не на полѣ сраженія, но навѣрное отъ войны.

40.

Цезарь, узнавъ о смерти легата, и не желая оставить провинцію безъ начальника, назначилъ туда Авла Дидія. Быстро отправился онъ на мѣсто, но уже нашелъ дѣла не въ порядкѣ: былъ разбитъ въ сраженіи легіонъ подъ начальствомъ Манлія Валента; непріятели преувеличивали потерю Римлянъ, чтобы запугать новаго полководца, а онъ, въ свою очередь, преувеличивалъ слышанное, чтобы пріобрѣсти себѣ болѣе славы, если приведетъ дѣла въ порядокъ, и приготовить извиненіе, если ни въ чемъ не успѣетъ. И это пораженіе нанесли намъ Силуры; набѣги ихъ простирались уже очень далеко, когда прибылъ Дидій и прогналъ ихъ.

По взятіи въ плѣнъ Карактака, самый знающій полководецъ у непріятелей былъ Венузій, Бригантинецъ, о которомъ я уже упоминалъ выше. Долго былъ онъ вѣренъ и охраняемъ римскимъ оружіемъ; онъ былъ женатъ на царицѣ Картисмандуѣ. Вскорѣ они перессорились, развелись, загорѣлась между ними война, въ которую замѣшали и насъ. Впрочемъ, сначала они спорили только между собою. Картисмандуа посредствомъ хитрости захватила брата и родственниковъ Венузія; это раздражило непріятелей, стыдившихся сверхъ того повиноваться женщинѣ; избранная толпа молодыхъ и сильныхъ смѣльчаковъ вторглась въ ея землю; мы это предвидѣли и послали ей на помощь

когорты. Произошло жаркое сраженіе, сначала нерѣшительное, но окончившееся очень удачно. Такой же исходъ имѣла другая битва, въ которой начальствовалъ легіономъ Цезій Назика. Дидій, дряхлый старикъ, осыпанный почестями, считалъ достаточнымъ дѣйствовать и отражать непріятеля чрезъ подчиненныхъ. Эти дѣла двухъ пропреторовъ, Осторія и Дидія, происходили въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ; я изложилъ ихъ вмѣстѣ, потому что раздѣленные, они бы не такъ глубоко врѣзались въ память. Теперь возвратимся къ порядку нашего разсказа.

805,—52.

—

41.

Въ пятое консульство Тиберія Клавдія съ Сервіемъ Корнеліемъ Орфитомъ, поспѣшили надѣть на Нерона *мужескую тогу* [1]), чтобы онъ казался уже способнымъ управлять дѣлами. Цезарь, склонившись на льстивыя рѣчи сенаторовъ, согласился, чтобы Неронъ вступилъ въ консульство на двадцатомъ году, чтобы назначенъ былъ заранѣе, а за городомъ имѣлъ бы проконсульскую власть; наконецъ, чтобы названъ былъ главою юношества. Отъ имени Нерона роздали подарки солдатамъ и народу, и на играхъ въ циркѣ, которыя давались, чтобы задобрить толпу, Британникъ явился въ претекстѣ, Неронъ въ тріумфальной одеждѣ; пусть, молъ, народъ видитъ одного въ императорскихъ украшеніяхъ, другаго въ дѣтскомъ платьѣ, и рѣшитъ, что̀ кого ожидаетъ. Кто только изъ центуріоновъ и трибуновъ соболѣзновалъ объ участи Британника, тотчасъ всѣ были удалены подъ вымышленными предлогами, иные еще съ почетомъ; прогнали даже неподкупной вѣрности отпущенни-

(1 Мужескую тогу надѣвали 14 лѣтъ: Нерону было только 13.

ковъ, вотъ по какому случаю. Встрѣтившись однажды съ Британникомъ, Неронъ привѣтствовалъ его по имени, но тотъ отвѣчалъ, называя Нерона Домиціемъ. Раздраженная Агриппина жалуется мужу на это начало вражды.

— Это значитъ, говоритъ она, смѣяться надъ усыновленіемъ; домашнимъ образомъ уничтожать распоряженія сената, приказанія народа: надо наказать за такое злостное направленіе наставниковъ, иначе оно обратится всѣмъ на пагубу.

Клавдій, ужаснувшись этихъ мнимыхъ преступленій, посылаетъ въ изгнаніе и на смерть всѣхъ лучшихъ воспитателей сына и приставляетъ къ нему новыхъ, избранныхъ мачихою.

12.

Однакожъ Агриппина все таки не дерзала нанести послѣдній ударъ, пока надъ преторіанскими когортами начальствовали Лузій Гета и Руфій Криспинъ; они помнили Мессалину, думала она, и преданы ея дѣтямъ. И вотъ Клавдій по наговорамъ жены убѣдился, что властолюбіе двухъ начальниковъ разъединяетъ войско, что дисциплина будетъ гораздо сильнѣе, если командовать станетъ одинъ; начальство надъ когортами перешло къ Бурру Афранію, человѣку большой военной репутаціи, но, къ сожалѣнію, знавшему, кому онъ обязанъ своимъ возвышеніемъ. Агриппина не забывала заботиться и о собственномъ блескѣ: выхлопотала себѣ разрѣшеніе въѣзжать въ капитолій на колесницѣ, что издревле позволено было только жрецамъ при священнодѣйствіи, и теперь увеличило почтеніе къ этой женщинѣ, которая до сихъ поръ представляетъ единственный примѣръ дочери, сестры, супруги и матери императоровъ.

Между тѣмъ Юній Лупъ, сенаторъ, обвинилъ въ оскорбленіи величества и въ замыслахъ овладѣть верховною властью

самаго преданнаго агента Агриппины, Вителлія, не смотря на то, что онъ былъ въ полной милости и стоялъ уже у дверей гроба. Такъ непрочно земное могущество! А Клавдій уже готовъ былъ убѣдиться въ справедливости обвиненія, и только просьбы, а еще болѣе угрозы Агриппины заставили его изгнать обвинителя, такъ какъ Вителлій былъ доволенъ этимъ удовлетвореніемъ.

43.

Въ этомъ году совершилось много чудесъ. Зловѣщія птицы садились на капитолій; частыя землетрясенія сокрушали дома, и какъ народъ, опасаясь еще большихъ бѣдствій, столпился на улицахъ, то многіе безсильные были раздавлены. Неурожай и голодъ были также приняты за дурное предзнаменованіе. Народъ не ограничился тайными жалобами. Однажды Клавдій судилъ на форумѣ, какъ его окружила съ криками буйная толпа и оттѣснила къ самой крайней части площади; тутъ уже отрядъ солдатъ разогналъ разъяренную чернь. Въ Римѣ оставалось съѣстныхъ припасовъ всего на пятнадцать дней; но по великой милости боговъ зима была умѣренна и можно было помочь горю. А вѣдь прежде изъ Италіи вывозили для легіоновъ хлѣбъ въ отдаленныя провинціи; Италія и теперь по прежнему плодородна, но мы предпочитаемъ воздѣлывать африканскую и египетскую почву, и жизнь римскаго народа зависитъ отъ случайностей моря.

44.

Въ томъ же году война между Арменцами и Иберійцами была причиною сильной брани между Парѳянами и Римлянами. Парѳянами правилъ тогда Вологезъ, сынъ греческой куртизанки, вступившій на престолъ съ согласія братьевъ. У Ибе-

рійцевъ былъ Фарасманъ, по праву наслѣдства, у Арменцовъ братъ его Митридатъ, которому мы помогали. У Фарасмана былъ сынъ Радамистъ, стройнаго роста, необыкновенной силы, искусный во всѣхъ національныхъ упражненіяхъ и пользовавшійся славою у всѣхъ сосѣднихъ народовъ. Онъ такъ часто и невоздержно жаловался на то, что отецъ его уже старъ и унижаетъ Иберію, что всѣ разгадали его властолюбивые замыслы. Фарасманъ боялся, при своей дряхлости, этого могущественнаго молодаго человѣка, сильнаго народною любовью, и старался отвлечь его къ другимъ видамъ, указывая на Арменію, припоминая, что самъ онъ изгналъ оттуда Пареянъ и отдалъ ее Митридату; но лучше, говорилъ онъ, не прибѣгать къ явному насилію, а, заманивъ его хитростію, напасть въ расплохъ. И Радамистъ, какъ будто бы разсорившись съ отцомъ и не въ состояніи будучи переносить ненависть мачихи, ѣдетъ къ дядѣ, который принялъ его такъ ласково и обходительно, какъ будто бы онъ былъ его собственный сынъ. И между тѣмъ какъ Митридатъ, ничего не подозрѣвая, осыпалъ его милостями, Радамистъ увлекалъ въ возстаніе Арменскихъ вельможъ.

45.

Подъ предлогомъ примиренія возвратившись къ отцу, онъ разсказываетъ ему объ успѣхѣ своихъ интригъ, и говоритъ, что остальное надо довершить оружіемъ. Между тѣмъ Фарасманъ придумываетъ предлогъ къ войнѣ, что будто бы, во время войны его съ Албанскимъ царемъ, онъ просилъ помощи у Римлянъ, а братъ этому воспротивился; что за такую обиду онъ отмститъ ему раззореніемъ. Онъ поручаетъ сыну сильныя войска; Радамистъ внезапно вторгается въ земли Митридата, который въ страхѣ не рѣшается держаться въ открытомъ полѣ, и прогоняетъ его въ крѣпость Горнеи, мѣсто безопас-

ное, гдѣ стоялъ римскій гарнизонъ подъ начальствомъ префекта Целія Полліона и центуріона Касперія. Машины и веденіе осады крѣпостей были вовсе неизвѣстны варварамъ, а мы превосходно изучили эту часть военнаго искусства, и Радамистъ, послѣ нѣсколькихъ безполезныхъ и неудачныхъ приступовъ, обложилъ городъ. Видя, что силою ничего нельзя взять, онъ подкупилъ корыстолюбиваго префекта, не смотря на сопротивленіе Касперія, заклинавшаго не губить царя и не отнимать у него преступнымъ и корыстнымъ образомъ Арменіи, дарованной ему римскимъ народомъ. Но Полліонъ все опирался на многочисленность непріятелей, Радамистъ на повелѣніе отца, и Касперій, заключивъ перемиріе, уѣхалъ убѣждать Фарасмана прекратить войну, и, если это не удастся, дать знать правителю Сиріи, Титу Уммидію Квадрату, о томъ, что происходитъ въ Арменіи.

46.

Какъ только уѣхалъ центуріонъ, префектъ, какъ будто освободившись отъ тягостнаго присмотра, сталъ убѣждать Митридата заключить договоръ.

— Братья должны жить мирно, говорилъ онъ; къ тому же Фарасманъ старшій; и сталъ перечислять еше другія связывавшіе ихъ узы: ты женатъ на дочери Фарасмана, ты тесть Радамиста. Иберійцы теперь сильнѣе, а не отказываются отъ мира; вѣроломство же Арменцевъ всѣмъ извѣстно. У насъ осталась только крѣпость безъ всякихъ съѣстныхъ припасовъ; нечего и колебаться въ выборѣ между войною и условіями, которыя прекратятъ кровопролитіе.

Митридатъ не соглашался, не довѣрялъ совѣтамъ префекта, оскорбившаго одну изъ его наложницъ, и считалъ его человѣкомъ, способнымъ на все изъ за денегъ. Между тѣмъ Касперій пріѣхалъ къ Фарасману и требовалъ, чтобы Ибе-

рійцы оставили осаду. Фарасманъ давалъ ему вслухъ уклончивые и часто благопріятные отвѣты, а между тѣмъ тайно послалъ сказать Радамисту, чтобы онъ какъ можно скорѣе покончилъ осаду. Набавили денегъ префекту, и Полліонъ, подкупивъ тайнымъ образомъ солдатъ, уговариваетъ ихъ требовать мира и угрожать, что, въ противномъ случаѣ, они уйдутъ изъ крѣпости. Митридатъ, уступая необходимости, назначилъ день и мѣсто для заключенія договора и выѣхалъ изъ укрѣпленія.

47.

Радамистъ началъ съ того, что бросился къ нему въ объятія, представился почтительнымъ сыномъ, называлъ его тестемъ и отцомъ, клялся не употреблять противъ него ни желѣза, ни яда, и увлекъ его въ сосѣднюю рощу, гдѣ, говорилъ онъ, приказалъ приготовить жертвоприношеніе, чтобы договоръ былъ совершонъ въ присутствіи боговъ. Есть обычай у царей, когда они заключаютъ договоры, скрещать правыя руки и связывать большіе пальцы тугимъ узломъ; когда кровь достаточно накопится въ оконечностяхъ, ихъ слегка укалываютъ, и цари другъ у друга высасываютъ нѣсколько капель крови. Въ этомъ заключается таинство договора, какъ бы освященнаго взаимною кровью. Исполнитель этого обряда въ настоящемъ случаѣ, какъ бы споткнувшись, упалъ и, схвативъ Митридата за колѣни, повалилъ его. Толпа бросилась, наложила на него цѣпи, и повела скованнаго по ногамъ, что считается величайшимъ позоромъ у варваровъ. Чернь, которой было тяжело въ его царствованіе, стала осыпать его бранью и побоями; впрочемъ были люди, которыхъ тронула такая превратность счастія. Жена съ малолѣтными дѣтьми шла за нимъ, наполняя воздухъ рыданіями. Ихъ разсадили въ отдѣльные крытые экипажи, въ ожиданіи приказаній Фарасмана. Властолюбіе въ этомъ человѣкѣ было сильнѣе родственной любви къ

брату и дочери, онъ готовъ былъ на всякое злодѣяніе, однакожъ не хотѣлъ видѣть казнь и приказалъ убить Митридата не при себѣ. Радамистъ, какъ бы помня данную клятву, не поразилъ сестру и дядю ни желѣзомъ, ни ядомъ, а, разложивъ ихъ на землѣ, приказалъ завалить множествомъ тяжелой одежды. Сыновья Митридата осмѣлились оплакивать убійство родителей, и были казнены.

48.

Квадратъ, узнавъ о томъ, какъ выдали Митридата, какъ убійцамъ его досталось царство, созываетъ совѣтъ, излагаетъ дѣло и спрашиваетъ: нужно ли отомстить? Не многіе заботились о національной чести; бо̀льшая часть основывала свое мнѣніе на безопасности.

— Всякое преступленіе на чужой землѣ должно радовать насъ; нужно даже стараться разсѣвать между ними сѣмена раздора и подражать тѣмъ римскимъ полководцамъ, которые дарили эту же Арменію то тому, то другому, какъ будто бы изъ великодушнаго безкорыстія, а на дѣлѣ, чтобы поселить между варварами смуты. Пусть Радамистъ владѣетъ насильственнымъ пріобрѣтеніемъ, его будутъ ненавидѣть и презирать; это гораздо лучше, какъ еслибы онъ пріобрѣлъ царство со славою.

Это мнѣніе взяло верхъ. Впрочемъ, чтобы не явно было покровительство преступленію, да и боясь, чтобы Цезарь не предписалъ противное, послали сказать Фарасману, чтобы онъ вывелъ войска свои изъ предѣловъ Арменіи и отозвалъ сына.

49.

Былъ въ Каппадокіи прокураторъ Юлій Пелигнъ, презрѣнное созданіе, котораго физическое безобразіе равнялось низости душевной. Клавдій его жаловалъ, потому что, когда онъ

былъ еще частнымъ человѣкомъ, Пелигнъ своими шутовскими разговорами сокращалъ часы его тупого бездѣйствія. Созвавъ провинціальныя вспомогательныя войска, идетъ онъ, будто бы отвоевывать Арменію, нанося больше вреда союзникамъ, нежели врагамъ; свои начали его оставлять, варвары набѣгали со всѣхъ сторонъ, и, видя свое безсиліе, пришелъ онъ къ Радамисту. Радамистъ задарилъ его, и онъ прежде всѣхъ сталъ ему совѣтовать вѣнчаться на царство, и присутствовалъ при его коронованіи какъ первый виновникъ и свидѣтель. Когда распространилась молва объ этомъ низкомъ поступкѣ, боялись, чтобы по Пелигну не стали судить обо всѣхъ Римлянахъ, и послали легата Гельвидія Приска съ легіономъ, съ тѣмъ, чтобы онъ, какъ знаетъ, прекратилъ междоусобія. Быстро перешелъ Гельвидій черезъ гору Тавръ, и дѣйствуя болѣе кротостію нежели силою, уже началъ было успокоивать смуты, какъ вдругъ приказываютъ ему возвратиться въ Сирію, дабы не возгорѣлась еще война съ Пареянами.

50.

Вологезъ, думая, что пришло время вторгнуться въ Арменію, которою когда то владѣли его предки, а теперь преступнымъ образомъ овладѣлъ чужестранецъ, собираетъ войска и хочетъ посадить на армянскій престолъ брата своего Тиридата, дабы всѣ члены его семейства имѣли владѣнія. При одномъ только слухѣ, что идутъ Пареяне, Иберійцы безъ боя обратились въ бѣгство и города Арменіи Артаксата и Тигранocерта сдались. Но жестокая зима, недостаточность съѣстныхъ припасовъ, заразительная болѣзнь, которая отъ этого произошла — все это заставило Вологеза покинуть начатое: только что вышелъ онъ изъ Арменіи, Радамистъ снова въ нее вторгнулся, яростнѣе прежняго, какъ противъ измѣнниковъ, готовыхъ при случаѣ снова предать его. Хоть и привыкли

Арменцы къ слѣпому повиновенію, но лопнуло наконецъ и ихъ терпѣніе, и съ оружіемъ въ рукахъ окружили они дворецъ.

51.

Радамистъ спасся только быстротою своихъ коней, умчавшихъ и его и жену. Будучи беременна, изъ любви къ мужу и изъ страха къ врагамъ, она кое какъ переносила сначала это бѣгство; но вскорѣ быстрая ѣзда и сотрясеніе тѣла заставили ее умолять мужа, чтобы онъ спасъ ее отъ позорнаго плѣна честною смертію. Радамистъ обнялъ ее, поднялъ, старался ободрить, то удивляясь силѣ ея духа, то боясь, чтобы она не досталась другому, если онъ ее покинетъ. Наконецъ, въ порывѣ страсти, какъ человѣкъ, привыкшій къ злодѣяніямъ, онъ обнажаетъ мечь, поражаетъ ее, тащитъ раненную къ берегу Аракса и бросаетъ въ рѣку, дабы самый трупъ ея никому не достался; а самъ мчится въ Иберію, къ отцу. Между тѣмъ легкое теченіе прибило Зенобію (такъ звали его жену) къ берегу; какіе то пастухи замѣтили ее и увидѣли, что она еще дышетъ; догадываясь по изяществу формъ о ея знатности, они перевязываютъ ей рану, даютъ ей свои деревенскія лекарства; узнавъ, какъ ее зовутъ и что съ нею было, они доставляютъ ее въ городъ Артаксату, откуда, на общественный счетъ препроводили ее къ Тиридату. Онъ принялъ ее вѣжливо и обращался съ нею какъ съ царицей.

806,—53.

—

52.

Въ консульство Фауста Суллы и Сальвія Отона, сосланъ былъ Фурій Скрибоніанъ, за то что спрашивалъ у Халдеевъ о кончинѣ государя. Въ это преступленіе впутали мать его

Юнію, которая была сослана еще прежде за другую вину и не спокойно переносила ссылку. Отецъ Скрибоніана Камиллъ возмущался въ Далмаціи, и Цезарь считалъ очень милостивымъ съ своей стороны во второй разъ пощадить преступный родъ. Но не долго жилъ изгнанникъ: иные говорятъ, что онъ просто умеръ скоропостижно, другіе, что былъ отравленъ. Состоялся жестокій и безполезный указъ сената объ удаленіи изъ Италіи астрологовъ. Клавдій сказалъ рѣчь, въ которой хвалилъ сенаторовъ, добровольно оставлявшихъ это званіе по бѣдности, и выключилъ изъ списка тѣхъ, которые, оставаясь въ сенатѣ, къ бѣдности присоединяли безстыдство.

53.

Между тѣмъ сенаторы разсуждали о наказаніи женщинъ, выходившихъ замужъ за рабовъ, и постановили, что если это случится безъ вѣдома господина, онѣ будутъ считаться невольницами, если же съ согласія, то будутъ на правахъ вольноотпущенныхъ. Назначенный въ консулы Барея Соранъ предложилъ наградить Палласа, котораго Цезарь назвалъ авторомъ этого постановленія, преторскими украшеніями и 15 милліонами сестерцій. Сципіонъ Корнелій прибавилъ:

— Надо его публично благодарить за то, что онъ, потомокъ Аркадскихъ царей, презрѣлъ свое древнее происхожденіе для блага общественнаго и скромно сталъ въ числѣ слугъ государя.

Клавдій увѣрялъ, что Палласъ довольствуется почестями и желаетъ остаться по прежнему бѣденъ; и вырѣзали на мѣди постановленіе сената, въ которомъ превозносилось античное безкорыстіе отпущенника, владѣвшаго капиталомъ въ 300 милліоновъ сестерцій.

54.

Братъ его Феликсъ, уже давно управлявшій Іудеею, дѣйствовалъ не такъ безкорыстно. Надѣясь на покровительство брата, онъ думалъ, что можетъ безнаказанно совершать всякія злодѣянія. Правда, Іудеи было взбунтовались..... Когда пришла вѣсть о убіеніи Кая, повелѣніе его не приводилось въ исполненіе, но все еще боялись, чтобы другой государь не возобновилъ его. А Феликсъ несвоевременными средствами разжигалъ ропотъ, при помощи Вентидія Кумана, управлявшаго частью провинціи. Куману при раздѣлѣ достались Галилеи, Феликсу — Самаритяне; племена, бывшія и прежде во враждѣ, но теперь, изъ презрѣнія къ правителямъ, давшія полную волю взаимной ненависти. Начались безпрестанныя стычки, стали они насылать другъ на друга шайки разбойниковъ, разставлять засады, случались даже правильныя сраженія, а добычу относили къ прокураторамъ. Прокураторы были очень довольны; но вскорѣ опасность усилилась, надо было вывести въ дѣло войска: солдаты были разбиты и въ провинціи разгорѣлась бы война, еслибы не подоспѣлъ на помощь Квадратъ, правитель Сиріи. Не долго думая, онъ предалъ смерти всѣхъ Іудеевъ, которые убили римскихъ солдатъ; только не рѣшался онъ, какъ поступить съ Куманомъ и Феликсомъ, потому что Клавдій, узнавъ о причинахъ возстанія, поручилъ ему совершить приговоръ надъ прокураторами. Квадратъ съ намѣреніемъ посадилъ Феликса между судьями, чтобы, видя его на трибуналѣ, обвинители испугались. За все поплатился одинъ Куманъ, и порядокъ въ провинціи былъ возстановленъ.

55.

Не много времени спустя, дикіе народы Киликіи, по имени Клитійцы, возмущавшіеся часто и прежде, укрѣпились лаге-

ремъ на крутыхъ высотахъ горъ, подъ предводительствомъ Трозобора. Сбѣгая оттуда на берега моря и въ города, они дерзко нападали на земледѣльцевъ и горожанъ, а еще больше на купцовъ и моряковъ. Они осадили городъ Анемуръ, и высланная изъ Сиріи конница, подъ предводительствомъ Курція Севера, была разбита, потому что гористая мѣстность была удобна для пѣшихъ, но вовсе не выгодна для дѣйствія конницы. Царь этой береговой страны Антіохъ, разсоривши между собою варваровъ льстивыми угожденіями народу и обманомъ предводителей, казнилъ Трозобора и немногихъ главнѣйшихъ зачинщиковъ, а остальныхъ простилъ.

56.

Въ это же время прорѣзана была гора между Фуцинскимъ озеромъ и рѣкою Лирисомъ, и дабы показать великолѣпный трудъ большей массѣ народа, приготовили на этомъ самомъ озерѣ зрѣлище морской битвы, по примѣру Августа, который когда то приказалъ вырыть прудъ за Тибромъ и далъ на немъ битву, хотя въ меньшихъ размѣрахъ и съ легчайшими судами. Клавдій соорудилъ трехъ - и четырехъ - палубные корабли, на которые посадилъ 19,000 вооруженныхъ людей, разставилъ вокругъ берега плоты, которые должны были препятствовать бѣгству, однакожъ такъ, что оставалось довольно мѣста для дѣйствія веслами и рулемъ, для аттаки кораблей и всѣхъ ихъ военныхъ движеній. На плотахъ разставлены были преторіанскія когорты и эскадроны, передъ которыми стояли возвышенія съ балистами и катапультами. Остальная часть озера наполнена была матросами на крытыхъ корабляхъ. Всѣ берега, холмы и вершины горъ, на подобіе театра, наполнены были безчисленною толпою народа изъ ближайшихъ городовъ, и даже изъ самаго Рима, по страсти къ зрѣлищамъ, или

изъ желанія угодить государю. Онъ самъ председательствовалъ въ богатомъ военномъ одѣяніи; не подалеку отъ него Агриппина въ шитой золотомъ хламидѣ. Сражались одни преступники, но съ храбростью настоящихъ воиновъ. Когда уже много было ранено, ихъ отпустили.

57.

Когда кончилось зрѣлище, открыли шлюзы, и увидѣли, какъ небрежна была работа: каналъ былъ недостаточно глубокъ и средняя, самая глубокая часть озера не могла истекать. Черезъ нѣсколько времени снова принялись его рыть, снова созвали толпу, дали гладіаторскія игры, и навели мосты для пѣшаго побоища. Близъ шлюзовъ приготовленъ былъ обѣдъ; но сильно перепугалась толпа, когда воды, прорвавшись, увлекли за собою все, что было поближе, и съ ужаснымъ трескомъ и шумомъ потрясли окрестности. Агриппина, желая воспользоваться трепетомъ Клавдія, обвинила Нарцисса, строителя всего этого предпріятія, въ алчности и грабительствѣ: Нарциссъ не смолчалъ и жаловался на безграничное властолюбіе безсильной женщины.

807,—54.

—

58.

Въ консульство Децима Юнія и Квинта Гатерія Неронъ‘ имѣя 16 лѣтъ отъ роду, вступилъ въ бракъ съ Октавіей, дочерью Цезаря. Чтобы дать ему средство сколько нибудь отличиться краснорѣчіемъ, показать что онъ занимается чѣмъ нибудь дѣльнымъ, поручили ему говорить за Троянцевъ. Краснорѣчиво изложилъ онъ происхожденіе Римлянъ изъ Трои, упомянулъ о томъ, что Эней родоначальникъ Юліевъ, припомнилъ и другія древнія преданія, граничащія съ баснею, и достигъ

того, что Троянцамъ простили всѣ налоги. По его же заступничеству: колоніи Бононской, пострадавшей отъ огня, дано было 10 милліоновъ сестерцій; Родосцамъ возвращена свобода, которую безпрестанно то отнимали у нихъ, то возстановляли, смотря по тому, предавались ли они внутреннимъ смутамъ или помогали намъ во внѣшнихъ войнахъ; жителямъ Апамеи, разрушенной землетрясеніемъ, прощена подать на пять лѣтъ.

59.

А Клавдій, по интригамъ Агриппины, предавался жестокостямъ. Ее соблазняли сады Статилія Тавра, извѣстнаго богача, — и подослала она обвинителя Тарквитія Приска. Онъ былъ при Таврѣ легатомъ, когда тотъ въ званіи проконсула управлялъ Африкой; возвратившись оттуда обвинилъ его во взяткахъ, но преимущественно въ волхвованіяхъ. Тавръ не могъ переносить ложныхъ обвиненій и постыдной участи и прекратилъ свою жизнь до приговора сената. Тарквитій все таки былъ исключенъ изъ сената: сенаторы, негодуя на подобнаго доносчика, одержали верхъ надъ происками Агриппины.

60.

Въ этомъ году государь часто говаривалъ, что рѣшеніе дѣлъ прокураторами должно имѣть такую же силу, какъ его собственное; и чтобы не думали, что это случайныя слова, сенатъ подтвердилъ ихъ указомъ, полнѣе и точнѣе прежняго. Уже Августъ приказалъ всадникамъ, правившимъ Египтомъ, вѣдать судъ, и рѣшенія ихъ сравнялъ съ рѣшеніями чиновниковъ въ Римѣ; послѣ того на нихъ возложено было, въ провинціяхъ и въ Римѣ, еще много другихъ дѣлъ, которыми до тѣхъ поръ завѣдывали преторы. Клавдій отдалъ имъ все право

суда, за которое столько разъ происходили возстанія и побоища, когда по закону Sempronia всадники стали судьями, когда законы Сервиліанскіе возвратили судъ сенату, когда Марій и Сулла воевали между собою главнымъ образомъ за это же право. Но то была борьба сословій; побѣдители становились во главѣ государства. Кай Оппій и Корнелій Бальбъ въ первый разъ по волѣ Цезаря получили право рѣшать вопросъ о войнѣ и о мирѣ. Стоитъ ли упоминать о Матіяхъ, Ведіяхъ и другихъ римскихъ всадникахъ, которымъ даны были чрезмѣрныя права, когда Клавдій сравнялъ съ собственною властью, съ законами, отпущенниковъ, управлявшихъ его частными дѣлами?

61.

Потомъ предложилъ онъ освободить отъ податей жителей Коса и разглагольствовалъ о ихъ древности.

— Древнѣйшіе обитатели этого острова, говорилъ онъ, были Аргивяне, а можетъ быть и Кой[1]), отецъ Латоны; въ послѣдствіи пріѣхалъ туда Эскулапъ и научилъ ихъ медицинѣ, которою прославились его потомки.

Тутъ началъ онъ перечислять ихъ поимянно, говоря, кто когда жилъ. Потомъ продолжалъ:

— Ксенофонтъ, котораго познаніями я самъ пользуюсь, изъ того же рода, и по его просьбѣ нужно впредь избавить жителей Коса отъ платежа податей, дабы они могли исключительно предаться поклоненію своего божества.

Нѣтъ сомнѣнія, что они оказали много услугъ римскому народу, участвовали какъ союзники во многихъ побѣдахъ, но Клавдій, по врожденной безпечности, дѣйствуя въ угожденіе одному лицу, не позаботился скрыть это подъ видомъ общеполезной цѣли.

---

[1]) Кой, одинъ изъ Титановъ.

62.

Византійцы, получивъ позволеніе говорить въ сенатѣ о тягости налоговъ, упомянули обо всемъ, начиная отъ союза, заключеннаго съ нами во время войны съ македонскимъ царемъ, котораго, какъ самозванца, называли Лжефилиппомъ. Они упоминали о войскахъ, посланныхъ противъ Антіоха, Персея, Аристоника; о помощи, поданной Антонію, когда онъ воевалъ съ пиратами, Суллѣ, Лукуллу, Помпею; о послѣднихъ услугахъ Цезарямъ, такъ какъ городъ ихъ лежитъ на перепутьи, для сухопутныхъ войскъ и для флота и съѣстныхъ припасовъ.

63.

Греки основали Византію въ самомъ тѣсномъ мѣстѣ пролива между Европою и Азіей. Говорятъ, что на вопросъ, гдѣ имъ основать городъ, пиѳійскій Аполлонъ отвѣчалъ: «Противъ земли слѣпцовъ.» Эта аллегорія означала Халкедонцевъ, прибывшихъ сюда прежде всѣхъ и, не смотря на свободный выборъ мѣста, избравшихъ самое невыгодное. Византійская почва плодородна, море богато рыбами, которыя въ безчисленномъ множествѣ выплываютъ изъ Чернаго моря, и, пугаясь наклонныхъ подводныхъ скалъ, удаляются отъ противоположнаго берега, и вступаютъ въ Византійскую бухту. По этимъ причинамъ Византія тотчасъ стала богатымъ торговымъ городомъ. Но отягощенная чрезмѣрными податями, она стала просить объ уничтоженіи, или, по крайней мѣрѣ, облегченіи ихъ; Клавдій поддерживалъ Византійцевъ, припоминая, какъ раззорила ихъ недавно Ѳракійская и Босфорская война. Ихъ на пять лѣтъ избавили отъ податей.

808,—55.

—

64.

Въ консульство Марка Азинія и Манія Ацилія безпрестанныя чудеса возвѣщали пагубный переворотъ въ государствѣ. Отъ огня небеснаго загорались значки и палатки солдатъ; рой пчелъ сѣлъ на кровлю капитолія; раждались уроды: свинья принесла дѣтеныша съ ястребиными когтями. Въ числѣ недобрыхъ предзнаменованій упоминали также объ уменьшеніи числа чиновниковъ, такъ какъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ скончались квесторъ, эдиль, трибунъ, преторъ и консулъ. Но болѣе всѣхъ устрашилась Агриппина, когда Клавдій въ пьяномъ видѣ сказалъ:

— Видно мнѣ на роду написано сносить безпутства женъ моихъ, а потомъ наказывать ихъ.

Она рѣшилась дѣйствовать поспѣшно. Еще прежде погубила она Домицію Лепиду просто по женской враждѣ. Лепида, дочь меньшой Антоніи, племянница Августа, старшая двоюродная сестра Агриппины и сестра мужа ея Кнея, считала себя равною Агриппинѣ. Мало разнились онѣ между собою и по богатству, возрасту и красотѣ; обѣ безстыдныя, наглыя, преступныя, онѣ соперничали въ порокахъ не менѣе какъ въ удачахъ. Но главная причина вражды заключалась въ томъ, кто будетъ имѣть болѣе вліянія на Нерона: тетка или мать. Лепида своими ласками и подарками привязала къ себѣ дѣтское его сердце, оттолкнутое строгою и суровою матерью, хлопотавшею о томъ, чтобы доставить сыну верховную власть, но не хотѣвшую терпѣть эту власть надъ собою.

65.

Лепиду обвинили въ томъ, что она хотѣла заговорить колдовствами супружеское счастіе государя и нарушала миръ

Италіи толпами необузданныхъ рабовъ своихъ, собранными въ Калабріи. Ее приговорили къ смерти, не смотря на сопротивленіе Нарцисса, который, боясь все болѣе и болѣе Агриппины, сказалъ будто бы друзьямъ своимъ:

— Мнѣ все равно погибнуть, Британникъ или Неронъ овладѣетъ престоломъ, но Цезарь такъ облагодѣтельствовалъ меня, что я долженъ отдать за него жизнь. Подалъ же я доносъ на Мессалину и Силія, теперь представляются такіе же пункты обвиненія, если одолѣетъ Неронъ. Если же наслѣдство достанется Британнику, я ничѣмъ не заслужилъ его милости. Но дать мачихѣ свободу раздирать весь дворъ интригами, это было бы хуже, нежели умолчать о безпутствѣ первой жены; впрочемъ и въ безпутствѣ она едва ли уступитъ Массалинѣ; она связалась съ Палласомъ, и всякій видитъ, какъ пожертвовала она приличіемъ, стыдомъ, честью — словомъ, всѣмъ своему властолюбію.

Произнося такія слова, онъ обнималъ Британника, молилъ боговъ, чтобы дозволили ему какъ можно скорѣе возмужать, обращалъ руки то къ небу, то къ нему:

— Рости на изгнаніе враговъ отца твоего, на отмщеніе убійцамъ матери!

66.

Среди такихъ безпокойствъ и заботъ Нарциссъ заболѣлъ и, для возстановленія силъ благорастворенiемъ воздуха и цѣлебностію водъ, уѣхалъ въ Синуессу. Тогда Агриппина, уже давно рѣшившаяся на преступленіе, поспѣшила воспользоваться случаемъ и, не имѣя недостатка въ сообщникахъ, думала только о томъ, какой ядъ избрать. Сильный и быстрый могъ бы обнаружить злодѣяніе; медленный и изнурительный заставлялъ опасаться, чтобы Клавдій при послѣднемъ издыханіи не догадался объ обманѣ и не возвратилъ сыну свою любовь.

Надо было выбрать что нибудь такое, что̀ бы разстроило его разсудокъ, но не причинило бы скорой смерти. Обратились къ извѣстной въ приготовленіи ядовъ Локустѣ, недавно обвиненной въ отравленіи, и долго бывшей орудіемъ правительства. Эта женщина приготовила изобрѣтенный ею ядъ, и евнухъ Галотъ, подававшій Клавдію кушанья и пробовавшій ихъ предварительно, подалъ его.

67.

Все такъ скоро было узнано, что современные писатели разсказываютъ, какъ ядъ былъ влитъ во вкусный грибной соусъ, какъ сначала дѣйствіе его было не понято, по тупоумію ли Клавдія, или потому, что онъ былъ пьянъ; какъ думали, что его спасло быстрое изверженіе. Агриппина, въ ужасѣ, боясь страшныхъ послѣдствій, презрѣла гласность обвиненій и прибѣгла къ врачу Ксенофонту, котораго уже заранѣе склонила на свою сторону. Ксенофонтъ, какъ бы желая облегчить рвоту, ввелъ, какъ полагаютъ, въ глотку Клавдія перо, намоченное быстрымъ ядомъ. Онъ зналъ, что великое преступленіе не свершается безъ опасности, но награждается въ случаѣ удачи.

68.

Между тѣмъ созвали сенатъ; консулы и жрецы молились о здравіи государя, а его уже бездыханное тѣло прикрывали одеждами и обкладывали припарками, чтобы дать время Нерону овладѣть престоломъ. Агриппина прежде всего, какъ будто не помня себя отъ скорби и стараясь гдѣ бы то ни было найти утѣшеніе, держала въ объятіяхъ своихъ Британника, называла его живымъ портретомъ отца и употребляла всѣ средства, чтобы онъ не вышелъ изъ спальни. Она призвала туда же сестеръ его Антонію и Октавію, у всѣхъ входовъ

поставила часовыхъ, и безпрестанно объявляла, что государю легче, чтобы солдаты не теряли надежды и ждали перемѣны къ лучшему по предсказанію астрологовъ.

69.

Наконецъ, въ третій день октябрскихъ идъ, въ полдень, внезапно растворяются ворота дворца, и Неронъ, въ сопровожденіи Бурра, выходитъ къ когортѣ, которая по обыкновенію была на караулѣ. Тамъ, по знаку префекта, принимаютъ его съ радостными восклицаніями и онъ садится въ носилки. Говорятъ, что нѣкоторые въ недоумѣніи спрашивали, гдѣ же Британникъ? Но видя, что ихъ никто не поддерживаетъ, они присоединились къ большинству. Нерона принесли въ лагерь. Сказавъ приличную обстоятельствамъ рѣчь, онъ обѣщалъ войскамъ такіе же подарки, какіе давалъ его отецъ, и привѣтствованъ императоромъ. За солдатскимъ рѣшеніемъ послѣдовало сенатское; немедленно признали его и провинціи. Клавдію возданы божескія почести, похороны его были также торжественны, какъ похороны Августа: Агриппинѣ страхъ хотѣлось сравняться въ великолѣпіи съ своей прабабкой Ливіей. Завѣщанія не читали, боясь возбудить въ народѣ неудовольствіе и негодованіе за предпочтеніе пасынка родному сыну.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ.

Отъ осн. Рима 808 — 812 года. По Р. Х. 55 — 59.

808,—55.

1.

Новое царствованіе началось смертью Юнія Силана, проконсула Азіи. Это сдѣлалось по проискамъ Агриппины безъ вѣдома Нерона. Не гордость или заносчивость была причиною его погибели: онъ былъ слабодушенъ и до того презираемъ другими правителями, что Кай Цезарь обыкновенно называлъ его золотымъ скотомъ; но Агриппина погубила брата его, Луція Силана, и страшилась мщенія, тѣмъ болѣе, что въ народѣ поговаривали, что Нерону, только что вышедшему изъ дѣтства и овладѣвшему верховной властью посредствомъ преступленія, надо предпочесть человѣка уже зрѣлыхъ лѣтъ, безпорочнаго, благороднаго и, на что въ то время особенно обращали вниманіе, потомка Цезарей. Силанъ былъ правнукъ Августа: этого было достаточно, чтобы убить его. Исполнителями приказанія были Публій Целеръ, римскій всадникъ, и отпущенникъ Гелій, управители частныхъ имѣній государя въ Азіи. Они отравили проконсула на пиру, и такъ открыто, что всѣ это видѣли. Съ неменьшею поспѣшностью приставили крѣпкую стражу къ Нарциссу, отпущеннику Клавдія, о ссорахъ котораго съ Агриппиной я уже говорилъ, и заставили его лишить себя жизни. Это было сдѣлано противъ воли Нерона; его доселѣ скрытые еще пороки имѣли много общаго съ корыстолюбіемъ и расточительностью Нарцисса.

2.

Убійства продолжались бы, еслибы не вступились въ дѣло Афраній Бурръ и Анней Сенека. Эти воспитатели императорской юности, жившіе въ совершенномъ между собою согласіи, что такъ рѣдко бываетъ при раздѣлѣ власти, были люди одинаково достойные, хотя въ разныхъ отношеніяхъ: Бурръ, по своимъ военнымъ знаніямъ и по строгой нравственности; Сенека, какъ учитель краснорѣчія и общежительный человѣкъ. Оба они заботились о томъ, какъ бы воздержать юнаго государя отъ разврата, и чтобы не испугать его сухою добродѣтелью, позволяли ему кое какія наслажденія. Оба они боролись съ гордостью Агриппины, которая за одно съ Палласомъ, защитникомъ преступнаго брака Клавдія и пагубнаго для него усыновленія Нерона, необузданно предавалась своимъ властолюбивымъ планамъ. Но не въ натурѣ Нерона было повиноваться слугамъ, и Палласъ, вышедши своею заносчивостью за предѣлы вольноотпущеннаго, сталъ ему ненавистенъ. Однакожъ всенародно воздавались Агриппинѣ почести, и Неронъ, когда трибунъ по военному обычаю пришелъ спросить у него пароль, назначилъ: *Лучшая мать*. Сенатъ далъ ей двухъ ликторовъ, сдѣлалъ ее жрицею Клавдія, и постановилъ торжественно хоронить его, а потомъ боготворить.

3.

Въ день похоронъ Неронъ сказалъ надгробную рѣчь. Пока говорилъ онъ о древности рода его, вычислялъ консульства и тріумфы предковъ, всѣ слушали его одобрительно; снисходительно приняли даже похвалы учености покойнаго, замѣчаніе, что въ его царствованіе не было никакихъ внѣшнихъ бѣдствій;

но когда онъ сталъ говорить о дальновидности и мудрости Клавдія, никто не могъ удержаться отъ смѣха, не смотря на то, что рѣчь была весьма краснорѣчиво составлена Сенекою. Это былъ человѣкъ пріятнаго ума и умѣлъ угодить современному вкусу. Старики, охотно сравнивающіе настоящее съ прошедшимъ, замѣчали, что изъ всѣхъ государей Неронъ первый прибѣгалъ къ чужому краснорѣчію. Диктаторъ Цезарь не уступалъ лучшимъ ораторамъ; рѣчь Августа лилась быстро и плавно—истинно царское краснорѣчіе; Тиберій обладалъ отмѣннымъ искуствомъ взвѣшивать всякое слово, чтобы сильнѣе выразить, или затмить мысль. Даже безуміе Кая Цезаря не лишало его краснорѣчія, и у Клавдія, когда онъ заранѣе приготовлялся, можно найти красоту слога. А Неронъ, еще въ юныхъ лѣтахъ, обратилъ свой живой характеръ на другіе предметы: рѣзную работу, живопись, пѣніе, управленіе лошадьми; иногда показывалъ онъ свои знанія, составляя стихи.

4.

Когда кончились всѣ скорбные обряды, онъ вошолъ въ сенатъ и сказалъ, что, избранный властью сената и съ согласія войскъ, онъ не имѣетъ недостатка въ совѣтахъ и примѣрахъ, какъ надо хорошо править государствомъ.

—Юность моя была изъята отъ вліянія гражданскихъ смутъ и семейныхъ раздоровъ; я не приношу съ собою ни ненависти, ни оскорбленія, ни мести.

За симъ онъ изложилъ характеръ будущаго правленія, стараясь въ особенности избѣгнуть того, что было ненавистно въ предшествовавшемъ.

— Я не стану судить всѣ дѣла, или, заперши внутри дворца обвинителей и обвиненныхъ, увеличивать власть какого нибудь любимца; не будетъ при мнѣ доступа деньгамъ или вла-

столюбію; я отдѣлю свой собственный домъ отъ государства. Сенатъ получитъ прежнія права, Италія и сенатскія провинціи предстанутъ предъ консульскій трибуналъ. Консуламъ предоставляю право давать доступъ въ сенатъ. Себѣ оставляю только начальство надъ арміей.

5.

Онъ сдержалъ слово. Сенатъ издалъ много указовъ по собственному усмотрѣнію, какъ то: чтобы адвокаты не брали денегъ и подарковъ, чтобы назначеннымъ въ квесторы не вмѣнялось въ обязанность давать гладіаторскія игры. И указы эти прошли, не смотря на сопротивленіе Агриппины, говорившей, что ими нарушаются постановленія Клавдія. А сенатъ собирался во дворцѣ, чтобы она могла все слышать, скрываясь за занавѣсью двери, находившейся позади сенаторовъ. Она даже вздумала было, по случаю представленія армянскихъ пословъ, которые пришли просить заступничества Нерона для своего народа, взойти на императорское возвышеніе и предсѣдать съ нимъ вмѣстѣ. Всѣ испугались и не знали что дѣлать; но Сенека шепнулъ Нерону, чтобы онъ пошелъ на встрѣчу матери. Такъ подъ видомъ почтительности избавился онъ отъ униженія.

6.

Къ концу года распространились непріятные слухи, что Парояне снова вторгнулись въ Арменію и овладѣли ею, изгнавъ Радамиста, который нѣсколько разъ овладѣвалъ этимъ царствомъ и былъ прогоняемъ, пока не отказался совершенно отъ войны. И въ Римѣ, всегда жадномъ потолковать о новостяхъ, пошли толки.

— Какъ справится семнадцатилѣтній государь съ такой громадой? какъ отклонитъ онъ опасность? что ждать отъ человѣка, которымъ правитъ женщина? видно онъ и сраженія, и осаду городовъ, словомъ, все веденіе войны поручитъ своимъ учителямъ?

Другіе возражали:

— Все таки это лучше, какъ если бы дряхлый отъ старости и безпутства Клавдій призванъ былъ къ военнымъ трудамъ и заботамъ, и сталъ бы повиноваться приказаніямъ рабовъ. Бурръ и Сенека во многихъ отношеніяхъ люди опытные; а что касается до молодости императора, то ему немного осталось дорости: Кней Помпей началъ гражданскую войну 18-ти лѣтъ, а Цезарь Октавіанъ 19-ти. На верховномъ постѣ гораздо важнѣе нравственное вліяніе и совѣты, нежели мечь и физическая сила. Мы увидимъ, окруженъ ли онъ честными друзьями или нѣтъ, смотря по тому, кого изберетъ онъ въ полководцы: человѣка достойнаго, не обращая вниманія на зависть, или придворнаго богача интриганта.

7.

Покуда въ народѣ шли эти и подобные толки, Неронъ приказываетъ придвинуть къ Арменіи какъ свѣжія войска, набранныя въ ближайшихъ провинціяхъ для пополненія восточныхъ легіоновъ,такъ и самые эти легіоны. Двумъ старымъ царямъ, Агриппѣ и Антіоху, приказываетъ снарядить войско для вторженія къ Парѳянамъ и навести мосты на рѣку Евфратъ. Онъ поручаетъ Малую Арменію Аристобулу, а страну Софенъ — Согему, давъ имъ царскій титулъ. Въ тоже время появился соперникъ Вологезу въ лицѣ его собственнаго сына Вардана, и Парѳяне должны были очистить Арменію, какъ бы откладывая войну до болѣе удобнаго времени.

8.

Но въ сенатѣ все это было преувеличено, нѣкоторые предложили воздать благодарность богамъ, и въ продолженіе церемоніальныхъ дней государю носить тріумфальную одежду, въѣхать въ Римъ съ торжествомъ, а статую его, одинаковой величины со статуею Марса Мстителя, поставить въ храмѣ этого бога. Въ этомъ проявилась не одна обыкновенная лесть; на сенаторовъ радостно подѣйствовало назначеніе Домиція Корбулона въ Арменію: теперь, казалось имъ, открытъ путь настоящимъ заслугамъ. Восточныя войска были распредѣлены такимъ образомъ, что часть вспомогательныхъ съ двумя легіонами оставалась въ Сиріи подъ начальствомъ легата Квадрата Уммидія; столько же Римлянъ и союзниковъ было у Корбулона, да сверхъ того когорты и эскадроны, зимовавшіе въ Каппадокіи; союзнымъ царямъ приказано было повиноваться тому и другому, смотря по ходу войны. Но они охотнѣе слушались Корбулона: желая возвысить свою славу, отъ которой всегда зависятъ первые успѣхи, онъ поѣхалъ ближайшимъ путемъ въ Эгею, городъ Киликіи, гдѣ встрѣтилъ Квадрата. Квадратъ также поспѣшилъ туда, боясь, если Корбулонъ успѣетъ заранѣе принять войска въ Сиріи, чтобы онъ не привлекъ исключительное вниманіе на себя, будучи статнаго роста, краснорѣчивъ, и, кромѣ опыта и знаній, обладая искуствомъ придавать себѣ значеніе даже въ мелочахъ.

9.

И тотъ и другой послали къ Вологезу сказать, что лучше бы онъ предпочелъ миръ войнѣ и, давъ заложниковъ, продолжалъ пребывать, по примѣру древнихъ, въ благоговѣніи къ римскому

народу. И Вологезъ, для того ли, чтобы на свободѣ лучше приготовиться къ войнѣ, или чтобы удалить отъ себя въ качествѣ заложниковъ подозрительныхъ соперниковъ, выдалъ благороднѣйшихъ Арзацидовъ. Ихъ принялъ центуріонъ Гистей, посланный Уммидіемъ съ этою цѣлью къ царю и прибывшій туда по случаю прежде всѣхъ. Корбулонъ, узнавъ объ этомъ, отправляетъ префекта когорты Аррія Вара и приказываетъ взять заложниковъ къ себѣ. Начался споръ между префектомъ и центуріономъ, и чтобы не быть долго позорищемъ варварамъ, они отдали свою ссору на рѣшеніе самимъ заложникамъ и находившимся при нихъ посламъ. Тѣ предпочли Корбулона, основываясь на славѣ его и на томъ участіи, которое онъ умѣлъ вселять къ себѣ даже въ непріятеляхъ. Перессорились полководцы. Уммидій жаловался, что у него отняли начатое имъ самимъ; Корбулонъ утверждалъ напротивъ, что царь не прежде согласился дать заложниковъ, какъ по его прибытіи; что онъ, избранный въ предводители на войнѣ, превратилъ его надежды въ страхъ. Неронъ, желая помирить враждующихъ, приказалъ обнародовать, что «по случаю удачно веденной войны Квадратомъ и Корбулономъ, къ императорскимъ связкамъ прибавляется лавровая вѣтка».

Я соединилъ здѣсь то, что происходило и при слѣдующихъ консулахъ.

10.

Въ этомъ году Цезарь испросилъ у сената статую отцу своему Кнею Домицію и консульскія украшенія своему опекуну Асконію Лабеону, а когда кто-то предложилъ отлить изъ серебра или золота статую его самаго, онъ отказалъ. Сенаторы вздумали было считать новый годъ съ декабря, потому что Неронъ родился въ этомъ мѣсяцѣ, — но онъ приказалъ сохранить древній священный обычай и начинать годъ съ ян-

варскихъ календъ. Не позволилъ онъ преслѣдовать Корината Целера, сенатора, обвиненнаго рабомъ, равно какъ и всадника Юлія Денза, которому вмѣняли въ преступленіе преданность къ Британнику.

809 — 56.

11.

Въ консульство Клавдія Нерона и Луція Антистія, во время присяги чиновниковъ, Неронъ запретилъ своему товарищу Антистію присягать себѣ: сенаторы разсыпались въ похвалахъ, чтобы юношескій духъ, поощренный въ маломъ, стремился поступать также и въ важныхъ дѣлахъ. Послѣ этого оказалъ онъ милость Плавтію Латерану, который былъ исключенъ изъ сената за связь съ Мессалиной. Неронъ возвратилъ ему сенаторское достоинство. Онъ безпрестанно обязывался миловать, въ рѣчахъ, которыя Сенека обнародывалъ голосомъ государя, желая показать, какъ хорошо онъ воспитывалъ его, или просто блеснуть талантомъ.

12.

Между тѣмъ власть Агриппины мало по малу поколебалась. Неронъ влюбился въ отпущенницу Акте и принялъ къ себѣ въ повѣренные двухъ красивыхъ собою молодыхъ людей, Отона и Клавдія Сенеціона. Отонъ происходилъ отъ консулярской фамиліи, Сенеціонъ былъ сынъ Клавдіева отпущенника. Мать и не знала объ этомъ, а потомъ напрасно старалась отдалить ихъ; вліяніе ихъ было прочно: оно основывалось на взаимныхъ наслажденіяхъ и тайномъ развратѣ. Впрочемъ самые строгіе друзья государя не противились этой связи съ женщиной темной, никого не обижавшей и удовлетворявшей желаніямъ его; онъ питалъ отвращеніе къ женѣ своей

Октавіи, не смотря на ея знатное происхожденіе и извѣстную скромность; потому ли, что запрещенный плодъ вкуснѣе, или просто, потому что такъ было назначено судьбою. Боялись, если запретить ему связь съ Акте, чтобы не сталъ онъ развращать знатныхъ Римлянокъ.

13.

Агриппина, какъ женщина, стала разсыпаться въ жалобахъ, что ее промѣняли на отпущенницу, что ей въ невѣстки прочатъ служанку, и тому подобное. Вмѣсто того, чтобы пообождать, пока сынъ раскается или пресытится, она стала преслѣдовать его безпрестанными упреками, и только распаляла страсть. Наконецъ, совершенно покорясь влеченію своихъ чувствъ, онъ оставилъ всякое почтеніе къ матери и отдался Сенекѣ. Одинъ изъ его родственниковъ, Анней Серенъ, представился влюбленнымъ въ эту отпущенницу и прикрывалъ первую страсть юноши своимъ именемъ; что втайнѣ дѣлалъ Неронъ для Акте, то въявѣ приписывалось Серену. Тогда Агриппина, измѣнивъ политику, стала подступать къ сыну съ ласками, стала предлагать ему даже собственную спальню и собственное ложе, лишь бы только скрыть то, что неизбѣжно въ такой молодости и на верху могущества. Она винилась даже въ неумѣстной строгости, и предлагала ему денегъ изъ собственной казны, не уступавшей казнѣ императорской: прежде не было мѣры въ строгости, а тутъ стала во всемъ потакать. Эта перемѣна не скрылась отъ глазъ Нерона; близкіе его друзья боялись и умоляли остерегаться интригъ женщины, которая всегда была жестока, а теперь еще стала притворщицей. Случайно въ эту пору Неронъ, разсматривая украшенія женъ и родственницъ государей, выбралъ одно изъ одѣяній и драгоцѣнныя каменья и послалъ въ подарокъ матери. Онъ не скупился, выбралъ что было получше, чему завидо-

вали другія и предупредилъ ея желанія. Но Агриппина воскликнула:

— Онъ не даритъ мнѣ это, а отнимаетъ у меня все остальное. Сынъ удѣляетъ мнѣ часть, когда чрезъ меня владѣетъ всѣмъ!

Нашлись люди, которые передали эти слова Нерону, толкуя ихъ въ самую дурную сторону.

14.

Неронъ, разсердившись на тѣхъ, кто разжигалъ въ Агриппинѣ властолюбіе, отставляетъ Палласа отъ той должности, которую далъ ему Клавдій и гдѣ онъ распоряжался произвольно, какъ царь. Разсказываютъ, что, видя какъ выходилъ Палласъ въ сопровожденіи многочисленной толпы, Неронъ остроумно замѣтилъ:

— Палласъ идетъ торжественно отрекаться.

Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что Палласъ выхлопоталъ, чтобы его не допрашивали о прошедшемъ, и чтобы счеты его съ республикой считались поконченными. Тутъ уже Агриппина не выдержала и разразилась страшными угрозами. Въ глаза самому Нерону кричала она:

— Британникъ уже въ совершенныхъ лѣтахъ. Онъ настоящій, достойный наслѣдникъ отцовскаго престола, которымъ овладѣлъ чужой, непрошеный пріемышъ, чтобы оскорблять свою мать! Пусть обнаружатся всѣ несчастія императорскаго дома, пусть всѣ знаютъ какъ я вышла замужъ, какъ отравила Клавдія. Благодарю боговъ, они помогли мнѣ сохранить жизнь пасынка. Я пойду съ нимъ въ лагерь. Увидимъ, кто одолѣетъ, дочь Германика, или дряхлый Бурръ и ссыльный Сенека, которые пришли добиваться верховнаго начальства надъ родомъ человѣческимъ, одинъ съ своею искалѣченною рукой, другой съ своимъ красноглагольствіемъ!

И съ жаромъ простирала она руки, расточала ругательства, заклинала тѣни Клавдія и Силановъ, припоминала свои безполезныя преступленія.

15.

Испугался Неронъ. Британнику на дняхъ должно было исполниться 14 лѣтъ. Долго передумывалъ онъ о негодованіи матери, о характерѣ Британника, который недавно высказался при незначительномъ правда случаѣ, но сильно способствовавшемъ любви къ нему народной. Во время праздниковъ въ честь Сатурна, между прочими играми, свойственными ихъ возрасту, они бросили жребій, кому быть царемъ. Эта доля досталась Нерону. Онъ давалъ всѣмъ различныя приказанія, которыя ничего не стоило выполнить. Когда очередь дошла до Британника, онъ велѣлъ ему встать, выйти на средину и пропѣть что-нибудь, надѣясь посмѣяться насчетъ ребенка, небывавшаго даже и на трезвыхъ сходкахъ, не то что въ этой буйной ватагѣ; но Британникъ невозмутимо началъ пѣснь, въ которой ясно намекалось на то, какъ его лишили наслѣдственнаго престола и правъ. Всѣ очевидно были тронуты: ночь и хмѣль уменьшили притворство. Неронъ понялъ, что его не любятъ, и ненависть его къ Британнику усилилась. Угрозы Агрипинны росли, Британника не въ чемъ было обвинить, явно убить брата онъ не рѣшался, — и прибѣгнулъ къ тайнымъ мѣрамъ. Онъ приказываетъ приготовить ядъ чрезъ Полліона Юлія, трибуна преторіанской когорты, у котораго подъ стражей находилась знаменитая отравительница Локуста, приговоренная къ казни. Уже давно позаботились о томъ, чтобы окружить Британника людьми, незнавшими ни чести, ни вѣрности. Первый ядъ подали ему его же воспитатели, но онъ вышелъ тотчасъ же вмѣстѣ съ изверженіемъ и вовсе не подѣйствовалъ; а быть можетъ и примѣшали туда чего-нибудь,

чтобы ослабить его дѣйствіе. Но Нерона томила жажда преступленія; онъ распекъ трибуна, грозилъ Локустѣ казнью, говоря, что они боятся молвы, подготовляютъ себѣ оправданія и подвергаютъ его опасности. Они обѣщали, что смерть будетъ также мгновенна, какъ отъ клинка. Ядъ сварили возлѣ спальни Цезаря и предварительно испробовали его быстрое дѣйствіе.

16.

Былъ обычай, чтобы дѣти государей обѣдали, сидя за особеннымъ столомъ съ сверстниками знатнѣйшихъ фамилій, въ присутствіи ихъ родственниковъ, и кушанья имъ подавались умѣреннѣе. Такъ обѣдалъ Британникъ; и какъ блюда и питье его долженъ былъ предварительно пробовать особенный служитель, то, чтобы не нарушить обычая и чтобы смерть обоихъ не обнаружила преступленія, придумали слѣдующую хитрость. Подали Британнику еще не отравленное питье, служитель его отвѣдалъ, но оно было слишкомъ горячо, и Британникъ отдалъ его простудить; тогда примѣшали къ нему отравленной холодной воды, и ядъ такъ жестоко охватилъ всѣ его члены, что онъ мгновенно лишился голоса и дыханія. Затрепетали присутствовавшіе; недальновидные разбѣжались, кто поумнѣе, остались и не сводили глазъ съ Нерона. Неронъ, не измѣнивъ своего лежачаго положенія, съ видомъ совершенной невинности сказалъ, что это ничего, что у Британника съ самыхъ первыхъ лѣтъ бывали припадки, что онъ сейчасъ долженъ придти въ себя. Агриппина пришла въ такой ужасъ, оцѣпененіе души такъ явно выразилось въ лицѣ ея, не смотря на все стараніе скрыть свои чувства, что всѣ поняли, что она столь же невинна въ этомъ преступленіи, какъ сестра Британника Октавія. Она поняла, что у нея отнята послѣдняя опора, и что Неронъ подалъ примѣръ брато-

убійства. Октавія, не смотря на свою молодость, умѣла уже скрывать и горе, и нѣжность, и всѣ чувства.

И послѣ кратковременнаго молчанія, веселый пиръ пошелъ своимъ порядкомъ.

17.

Въ одну и ту же ночь Британникъ лишонъ жизни, и похороненъ. Заранѣе приготовлены были всѣ похоронныя принадлежности въ очень скромныхъ размѣрахъ. Однакожъ похоронили его на Марсовомъ полѣ. Шелъ такой проливной дождь, что народъ видѣлъ въ немъ знакъ гнѣва боговъ за преступленіе, которое впрочемъ многіе извиняли, зная закоренѣлую вражду между братьями, и полагая, что совмѣстники верховной власти не могутъ быть дружны. Современные писатели говорятъ, что за нѣсколько дней до смерти Британника, Неронъ часто оскверналъ его юность. Послѣ этого нечего удивляться преждевременной и жестокой кончинѣ Британника, павшаго, не взирая на святость обѣда, не успѣвшаго обнять даже сестру свою; нечего удивляться, что священная отрасль Клавдія пала въ глазахъ врага, если она осквернена была прежде отравленія. Неронъ старался въ указѣ сенату оправдать поспѣшные похороны, говоря, что такъ постановили предки, чтобы скрывать отъ глазъ тяжкія потери и не усугублять горя церемоніями и надгробными словами.

— Потерявъ помощь брата, говорилъ онъ, я возлагаю всю надежду на государство; народъ и сенатъ тѣмъ болѣе должны быть мнѣ преданы, что я остался одинъ изъ всего рода, предназначеннаго къ всемірному владычеству.

И осыпалъ наградами могущественнѣйшихъ царедворцевъ.

18.

Нѣкоторые порицали людей, которые надѣвали маску стро-

гой нравственности, а тутъ стали дѣлиться между собою домами и виллами, словно добычей. Другіе думали, что Неронъ заставилъ ихъ это сдѣлать, сознавая себя преступникомъ, и думая заслужить прощеніе, если осыпетъ милостями сильнѣйшихъ вельможъ. Но никакіе подарки не могли смягчить гнѣва матери: она не покидала Октавіи, безпрестанно имѣла тайныя совѣщанія съ друзьями; сверхъ врожденной скупости стала со всѣхъ сторонъ скоплять деньги, какъ бы предвидя черный день; ласково принимала трибуновъ и центуріоновъ; чествовала еще жившіе тогда остатки знаменитыхъ именъ и талантовъ, какъ бы отыскивая предводителя и составляя партію. Узналъ объ этомъ Неронъ и отнялъ у нея почетный караулъ, который былъ при ней сначала какъ при супругѣ, потомъ какъ при матери императора, и отрядъ Германцевъ, присоединенный къ этому караулу для особеннаго почета. Чтобы отдалить отъ нея толпу придворныхъ, онъ переселилъ ее въ другой домъ, гдѣ прежде жила Антонія. Самъ онъ ходилъ ее навѣщать не иначе, какъ окруженный толпою центуріоновъ и, послѣ привѣтственнаго поцѣлуя, тотчасъ удалялся.

19.

Нѣтъ ничего превратнѣе и непостояннѣе извѣстности, не основанной на собственной силѣ. Домъ Агриппины тотчасъ опустѣлъ. Никто не приходилъ къ ней, никто не утѣшалъ ее; было нѣсколько женщинъ, да кто знаетъ, что ихъ побудило навѣщать ее: любовь или ненависть? Между ними была Юнія Силана, о которой я выше разсказывалъ, какъ Мессалина расторгла бракъ ея съ Каемъ Силіемъ; женщина знатнаго происхожденія, извѣстная красотою и безпутствомъ и долго бывшая любимицею Агриппины. Вскорѣ зародилась между ними тайная вражда, потому что Силана хотѣла выйти замужъ за бла-

тороднаго юношу Секстія Африкана, а Агриппина отклонила его отъ этого брака, называя Силану старой развратницей. Агриппина не хотѣла отбить Африкана для себя, но боялась, что все богатство бездѣтной Силаны перейдетъ къ мужу. Силана, полагая, что настал часъ мести, подсылаетъ доносчиковъ изъ своихъ кліентовъ, Итурія и Кальвизія, и обвиняетъ Агриппину не въ томъ, что она оплакивала смерть Британника, или разсказывала всѣмъ о горестной участи Октавіи, это уже было старо и пріѣлось; но будто бы она хочетъ дать престолъ Рубеллію Плавту [1]), со стороны матери происходившему отъ Августа въ равной степени съ Нерономъ, и посредствомъ замужства съ нимъ снова овладѣть верховною властью. Итурій и Кальвизій доносятъ объ этомъ Атимету, отпущеннику Нероновой тетки Домиціи. Атиметъ, радуясь случаю (Агриппина и Домиція искони были непримиримыя соперницы), уговариваетъ гистріона Париса, также отпущенника Домиціи, какъ можно скорѣе открыть Нерону заговоръ, да описать его почернѣе.

20.

Была уже глубокая ночь; Неронъ старался продлить время въ попойкѣ; какъ вдругъ вошелъ Парисъ, который обыкновенно являлся къ этому времени оживить бесѣду. На этотъ разъ онъ съ мрачнымъ видомъ изложилъ Нерону весь ходъ дѣла и такъ его испугалъ, что онъ не только хотѣлъ лишить жизни мать и Плавта, но и отрѣшить префекта Бурра, который былъ обязанъ этимъ саномъ Агриппинѣ, и, какъ думалъ Неронъ, долженъ быть на ея сторонѣ. Фабій Рустикъ

[1]) Рубеллій Плавтъ, сынъ Рубеллія Бланда, мужа Юліи, дочери Друза и внучки Тиберія.

говоритъ, что къ Цецинѣ Туску приготовлено было письмо, въ которомъ онъ назначался префектомъ когортъ, но Сенека отстоялъ своего друга. Плиній и Клувій утверждаютъ, что въ вѣрности Бурра не было никакого сомнѣнія. Правда, что Фабій любитъ при случаѣ похвалить Сенеку, котораго дружба была для него очень выгодна. Мы выдаемъ за достовѣрное только то, въ чемъ согласны всѣ писатели; въ противномъ случаѣ приводимъ, кто что именно сказалъ. Неронъ, внѣ себя, жаждалъ только смерти матери и не хотѣлъ даже откладывать; Бурръ едва могъ его успокоить обѣщаніемъ убить ее, если она дѣйствительно окажется преступна.

—Но всякому, не только что матери, должно дать средства оправдываться. Никто еще ея не обвинилъ; только одинъ человѣкъ изъ непріязненной партіи разсказалъ это дѣло. Мракъ ночи, пьяная пирушка заставятъ о всякомъ дѣлѣ судить ложно и могутъ породить пагубную поспѣшность.

21.

Неронъ успокоился, стало разсвѣтать, и пошли къ Агриппинѣ, сказать ей, въ чемъ ее обвиняютъ, чтобы она оправдалась, или готовилась къ наказанію. Порученіе это было возложено на Бурра; при немъ былъ Сенека, да нѣсколько свидѣтелей изъ отпущенниковъ. Бурръ, изложивъ преступленіе и назвавъ обвинителей, сталъ ей угрожать. Не измѣнивъ своей гордости, Агриппина отвѣчала:

—Немудрено, что Силанѣ, никогда не имѣвшей дѣтей, незнакомо чувство матери. Не думаетъ ли она, что мать можетъ мѣнять дѣтей, какъ развратная женщина любовниковъ? Оттого что Итурій и Кальвизій, растративъ все свое имѣніе, сторговались съ этой старухой, чтобы подать доносъ, меня станутъ подозрѣвать въ дѣтоубійствѣ, или на совѣсти моего

сына должна лечь моя смерть? Я благодарила бы Домицію за вражду, еслибы эта вражда основывалась на любви нашей къ моему Нерону. Нѣтъ, съ своимъ любовникомъ Атиметомъ и гистріономъ Парисомъ, она вздумала сочинять какую-то басню, годную для сцены. Она украшала рыбные садки въ своихъ Байяхъ, когда я хлопотала о томъ, чтобы сынъ мой былъ усыновленъ, получилъ проконсульскія права, назначенъ въ консулы, словомъ, пролагала ему путь къ престолу. Пусть кто нибудь осмѣлится обвинить меня, что я возмущала въ Римѣ какую-нибудь когорту, поколебала вѣрность провинцій, старалась склонить къ преступленію рабовъ или отпущенниковъ? Могла ли бы я существовать, еслибы Британникъ овладѣлъ престоломъ? Еслибы верховная власть досталась Плавту или кому-нибудь другому, противъ меня нашлись бы доносчики: но эти обвинили бы меня не въ словахъ, невоздержно сказанныхъ въ порывѣ нѣжности, но въ преступленіяхъ, которыя, только сынъ можетъ мнѣ простить.

Всѣ присутствовавшие были тронуты, старались успокоить ее, и она потребовала аудіенціи у сына. Тамъ уже она ни слова не произнесла о своей невинности, какъ будто бы въ этомъ нечего было и сомнѣваться; ни о благодѣяніяхъ своихъ, это былъ бы упрекъ; она выхлопотала наказаніе доносчикамъ и награды друзьямъ.

22.

Фенія Руфа сдѣлали префектомъ хлѣбной продажи, Аррунцію Стеллу поручили завѣдываніе играми, которыя готовилъ Неронъ, Египетъ отданъ былъ Каю Балбиллу. Въ Сирію назначили Публія Антейя, но подъ различными предлогами не выпустили изъ Рима. Силану изгнали, Кальвизія и Итурія отправили въ ссылку. Атимета приговорили къ смертной каз-

ни. Парису ничего не досталось, онъ былъ слишкомъ нуженъ для развратнаго Нерона. О Плавтѣ на этотъ разъ ничего не сказали.

23.

Вскорѣ доносятъ, что Палласъ и Бурръ замышляютъ возвести на престолъ Корнелія Суллу, человѣка знаменитаго происхожденія и родственника Клавдію, потому что онъ былъ женатъ на дочери его Антоніи. Обвиненіе это замыслилъ какой-то Петъ, извѣстный продажею конфискованныхъ имѣній; оно было очевидно ложно. Впрочемъ не столько радовались оправданію Палласа, сколько негодовали на него за спѣсь. Когда ему назвали отпущенниковъ, его будто бы сообщниковъ, онъ отвѣчалъ:

— Я дома не иначе отдаю приказанія, какъ кивнувъ головой или подавъ знакъ рукою; а если надо много толковать, я пишу, чтобы не унижаться до разговоровъ съ служителями.

Бурръ, хотя и обвиненный, находился между судьями и подалъ свое мнѣніе. Доносчика изгнали и сожгли таблицы, на которыхъ онъ выставлялъ забытые уже долги фиску.

24.

Къ концу года отмѣненъ былъ караулъ, который ставили всегда во время игръ; его отмѣнили, чтобы народу было вольнѣе, да и солдаты были бы неподкупнѣе, не вмѣшиваясь въ театральныя партіи. А вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣли попробовать, будетъ ли народъ воздерживаться отъ безчинства въ отсутствіе караула.

По приговору аруспиковъ Неронъ очистилъ городъ, потому что молнія упала на храмъ Юпитера и Минервы.

810,—57.
―――
25.

Въ консульство Квинта Волузія и Публія Сципіона извнѣ было спокойно, но въ Римѣ царствовалъ гнусный развратъ. Неронъ, въ рабской одеждѣ, чтобы его не узнали, блуждалъ по улицамъ, входилъ въ трактиры и притоны разврата съ толпою буйной молодежи, грабившей товары, выставленные на продажу, и угощавшей побоями и ранами встрѣчныхъ. Его не узнавали, такъ что случалось и ему получать удары и ходить съ избитымъ лицомъ. Вскорѣ узнали, что это Цезарь потѣшается на улицахъ; оскорбленія знатныхъ мужчинъ и женщинъ все усиливались, и кое-какіе буяны, прикрываясь именемъ Нерона, съ собственными шайками безпутствовали безнаказанно. Каждую ночь Римъ походилъ на городъ, взятый непріятелемъ. Какой-то Юлій Монтанъ, изъ сенаторовъ, но еще не получившій никакихъ наградъ, случайно столкнулся въ темнотѣ съ государемъ и бойко отразилъ его нападеніе; но узнавъ его, началъ извиняться. Неронъ принялъ это за укоризны,—и заставилъ его лишить себя жизни. Съ этихъ поръ онъ сталъ осторожнѣе, бралъ съ собою солдатъ и гладіаторовъ, которые въ началѣ драки оставались какъ бы посторонними зрителями, но если противная партія одолѣвала, должны были подавать помощь вооруженною рукою. Онъ превратилъ въ какія-то побоища театральное соперничество и вражду между покровителями гистріоновъ; онъ не только что не наказывалъ за подобныя буйства, но даже награждалъ и самъ тайкомъ участвовалъ въ нихъ или явно подстрекалъ къ свалкѣ. Все это кончилось тѣмъ, что народъ сталъ возмущаться и, чтобы предотвратить болѣе сильное возстаніе, нужно было изгнать гистріоновъ изъ Италіи и снова поставить караулъ въ театрѣ.

26.

А въ сенатѣ въ это время обсуживали вѣроломство отпущенниковъ и хлопотали о законѣ, по которому бы патроны имѣли право снова лишать свободы того, кто будетъ себя дурно вести. Кое кто хотѣлъ уже подавать мнѣніе въ этомъ смыслѣ, но консулы, не рѣшаясь прибѣгнуть къ отобранію голосовъ безъ вѣдома государя, довели до его свѣдѣнія желаніе сената. Неронъ сталъ совѣщаться съ немногими изъ приближенныхъ, согласиться ли на постановленіе? Мнѣнія были различны.

—Дерзость отпущенниковъ, говорили съ негодованіемъ одни, дошла до того, что они хотятъ равняться съ патронами, они даже безнаказанно грозятъ имъ побоями и совѣтуютъ лучше не прибѣгать къ наказанію. И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ вознаградятъ оскорбленнаго патрона? Что онъ сошлетъ отпущенника за двадцатую версту, на берегъ Кампаніи? А во всемъ остальномъ права ихъ общи и одинаковы. Нужно дать патрону оружіе, котораго бы они боялись. Ничего нѣтъ дурнаго для отпущенника, если его обяжутъ сохранять свою свободу посредствомъ того же уваженія, которымъ онъ ее пріобрѣлъ; а кто изъ нихъ провинится, того подѣломъ надо возвратить въ рабство; пусть хоть дѣйствуетъ на нихъ страхъ, если они не чувствуютъ благодѣяній.

27.

Противная партія возражала:

— Преступленія нѣкоторыхъ лицъ должны быть только имъ на пагубу, но не могутъ служить поводомъ къ уменьшенію правъ цѣлаго сословія, а сословіе это обширно разрослось: изъ него пополняются трибы, декуріи[1]) и должности чиновни-

[1]) Декуріи писцовъ и секретарей.

ками и жрецами, даже когорты въ Римѣ; большая часть всадниковъ и сенаторовъ вышли изъ него же. Отстраните отпущенниковъ, и увидите, какъ мало у насъ свободнорожденныхъ. Недаромъ предки наши отличали права сословій, но свободу постановили общую для всѣхъ. Впрочемъ есть два способа отпущенія на волю, что даетъ мѣсто раскаянію, или новому благодѣянію: кого патронъ не отпустилъ посредствомъ виндикты, тотъ остается какъ бы подъ гнетомъ рабства. Пусть каждый обдумываетъ заслуги раба и не такъ щедро даетъ то, чего уже нельзя отнять.

Это мнѣніе одержало верхъ. Цезарь написалъ въ сенатъ, чтобы разбирали въ частности каждую жалобу патрона на отпущенниковъ, но не дѣлали бы никакихъ общихъ измѣненій. Нѣсколько времени спустя, Парисъ, отпущенникъ тетки Нерона, былъ изъятъ отъ ея притязаній и объявленъ римскимъ гражданиномъ; къ стыду Нерона, онъ самъ приказалъ объявить его свободнорожденнымъ.

28.

А все еще оставался призракъ республики. Произошла ссора между преторомъ Вибулліемъ и народнымъ трибуномъ Антистіемъ, за то, что преторъ приказалъ арестовать буяновъ, покровительствовавшихъ гистріонамъ, а трибунъ ихъ отпустилъ. Сенаторы рѣшили дѣло въ пользу Вибуллія и обвинили Антистія въ своеволіи. Кстати отняли у трибуновъ право мѣшаться въ дѣла преторовъ и консуловъ, и вызывать изъ Италіи тѣхъ, съ кѣмъ можно поступать по закону. Луцій Пизонъ, назначенный въ консулы, прибавилъ, что они не должны рѣшать дѣла у себя на дому, а пени, къ которымъ они присуждаютъ виновныхъ, должны быть публично объявляемы квесторами не прежде, какъ по прошествіи четырехъ

мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ можно протестовать и отдавать приговоръ на разсмотрѣніе консуламъ. Уменьшили также власть эдилей, и опредѣлили мѣру залога, или наказанія налагаемаго курульнымъ и народнымъ эдилемъ. Трибунъ народный, Гельвидій Прискъ, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы удовлетворить своей личной враждѣ противъ квестора казначейства, Обультронія Сабина, и обвинилъ его въ безпощадной описи имѣнія бѣдняковъ. Неронъ отнялъ вѣдѣніе государственной казны у квесторовъ и отдалъ его префектамъ.

29.

Эта отрасль администраціи часто измѣнялась; Августъ дозволилъ сенату избирать префектовъ, потомъ оказались подкупы голосовъ, и стали бросать жребій между преторами; но и это не удержалось, потому что жребій выпадалъ иногда людямъ вовсе неспособнымъ. Тогда Клавдій снова отдалъ эту должность квесторамъ, и чтобы они, боясь всѣхъ вооружить противъ себя, не стали нерадиво исправлять ее, обезпечилъ ихъ впередъ почестями. Но такъ какъ служба начинается съ квесторства, то они были слишкомъ молоды. Вотъ почему Неронъ предпочелъ преторовъ, уже доказавшихъ свою опытность.

30.

Въ этомъ же году осужденъ былъ Випсаній Ленасъ, за корыстное управленіе Сардиніей. Цестія Прокула обвинили было во взяточничествѣ, но дѣло было оставлено, потому что сами доносчики отступились. Клодій Квириналъ предупредилъ ядомъ казнь, за то, что начальствуя надъ гребцами въ Равеннѣ, онъ обращался съ Римлянами, какъ съ самымъ презрѣннымъ народомъ и удручалъ всю Италію своимъ раз-

вратомъ и жестокостями. Каниній Ребилъ, одинъ изъ первыхъ законовѣдцевъ и богачей, избѣгнулъ страданій дряхлости, открывъ себѣ вены. Не думали, чтобы у него хватило на это духу, потому что извѣстно было, какому разврату онъ предавался. Луцій Волузій со славою кончилъ жизнь; онъ жилъ 93 года, нажилъ себѣ состояніе честными трудами и умѣлъ избѣжать опалы въ продолженіе нѣсколькихъ царствованій.

811, — 58.

31.

Во второе консульство Нерона съ Луціемъ Пизономъ немного случилось такого, о чемъ бы стоило упомянуть; развѣ наполнять цѣлые томы хвалебнымъ описаніемъ фундамента и балокъ, на которыхъ воздвигнулъ Неронъ амфитеатръ у Марсова поля. Эти вещи недостойны того, чтобы ихъ помѣщать въ лѣтописи такого народа, каковъ римскій; имъ мѣсто въ ежедневной хроникѣ города. Впрочемъ въ колоніяхъ Капуѣ и Нуцеріи гарнизонъ былъ увеличенъ ветеранами; народу роздана по 400 сестерцій на человѣка и 40 милліоновъ сестерцій было внесено въ общественную кассу, для поддержанія кредита. Пошлина въ $^{1}/_{25}$ цѣны при продажѣ рабовъ была уничтожена, впрочемъ болѣе на видъ, нежели въ самомъ дѣлѣ, потому что эта сумма возложена была на продавца, и потому увеличилась только цѣна для покупателей. Цезарь запретилъ прокураторамъ и правителямъ областей давать гладіаторскія игры, звѣриную травлю и вообще всякія народныя зрѣлища. Эта роскошь для народа была столь же гибельна, какъ взятки, потому что правители оправдывали себя въ излишнихъ поборахъ желаніемъ угодить народу.

32.

Изданъ еще указъ, изъ мести и для охраненія безопасности

римскихъ гражданъ, что если рабы убьютъ господина, то всѣ, остававшіеся подъ одною кровлей, хотя бы они были въ завѣщаніи отпущены на волю, должны подвергнуться смертной казни. Консулару Луцію Варію былъ отданъ санъ сенатора, котораго онъ лишенъ былъ за скупость. Помпонія Грецина, знатная женщина, бывшая замужемъ за Плавтіемъ, которому дана была овація за подвиги въ Британіи, была обвинена въ исповѣданіи чужеземныхъ суевѣрій и отдана на судъ мужу. Онъ, по древнему обычаю, въ присутствіи родственниковъ изслѣдовалъ дѣло, отъ котораго зависѣла жизнь и честь жены, и объявилъ ее невинною. Долго жила эта Помпонія и много перестрадала. Съ того часу, какъ Мессалина приказала умертвить Юлію, дочь Друза, она сорокъ лѣтъ сряду носила трауръ и была печальна. Клавдій ее не наказывалъ, и вскорѣ имя ея стало извѣстно.

33.

Много было въ этомъ году обвиненій. Между прочими, Азія подала доносъ на Публія Целера, и Цезарь, видя, что его невозможно простить, затягивалъ дѣло, пока тотъ не умеръ отъ старости. Целеръ, какъ я уже говорилъ [1]), убилъ проконсула Силана и подъ сѣнью этого преступленія скрывалъ другія. Киликійцы обвинили запятнаннаго пороками и безчестнаго Коссуціана Капитона. Онъ хотѣлъ позволить себѣ въ провинціи туже наглость, которая ему сходила съ рукъ въ Римѣ; но видя неизбѣжность приговора, перестал оправдываться и обвиненъ былъ по закону о взяткахъ. Эпрій Марцеллъ, на котораго жаловались Ликійцы, такъ дѣятельно интриговалъ, что нѣкоторые изъ его обвинителей отправлены были въ ссылку, какъ будто подали доносъ на невиннаго.

---

[1]) Глава I этой книги.

812,—59.

34.

При третьемъ консульствѣ Нерона товарищемъ его былъ Валерій Мессала. Нѣкоторые старики помнили, что прадѣдъ его, ораторъ Корвинъ, былъ также консуломъ вмѣстѣ съ Августомъ, прапрадѣдомъ Нерона; честь этого знатнаго рода еще болѣе возросла, когда ему присудили пенсію въ 500,000 сестерцій, чтобы Мессала поддерживалъ свою честную бѣдность. Неронъ назначилъ еще ежегодную пенсію Аврелію Коттѣ и Гатерію Антонину, которые промотали отцовское имѣніе на кутежъ и развратъ. Въ началѣ этого года жарко разгорѣлась война за Арменію между Парѳянами и Римлянами, война до сихъ поръ тянувшаяся вяло. Съ одной стороны Вологезъ не хотѣлъ видѣть брата своего Тиридата изгнаннымъ изъ царства, на которое самъ его посадилъ, не хотѣлъ даже, чтобы онъ получилъ это царство отъ вражей руки; съ другой стороны Корбулонъ считалъ достойнымъ величія римскаго народа возвратить прежнія завоеванія Лукулла и Помпея. А вѣроломные Армянцы приглашали къ себѣ и тѣхъ и другихъ, хотя въ самомъ дѣлѣ и по географическому положенію и по характеру были ближе къ Парѳянамъ: связанные съ ними супружествами, и не зная свободы, они охотнѣе готовы были служить этой странѣ.

35.

Но Корбулону труднѣе было бороться съ трусостью и лѣностью солдатъ, нежели съ коварствомъ непріятеля. Легіоны, находившіеся въ Сиріи, разлѣнились отъ долговременнаго мира и неохотно переносили труды римскаго солдата. Навѣрное из-

вѣстно, что въ этой арміи находились ветераны, никогда не бывавшіе въ караулѣ или на часахъ; насыпать валъ, вырыть ровъ, было для нихъ ново и дико. Безъ шлемовъ, безъ панцырей, разряженные и алчные къ деньгамъ, они состарѣлись въ городахъ. Отпустивъ стариковъ и больныхъ, Корбулонъ требовалъ свѣжихъ войскъ. Сдѣланъ былъ наборъ въ Галатіи и Каппадокіи, прислали изъ Германіи легіонъ съ причисленною къ нему конницей и вспомогательными когортами пѣхоты. Все войско удержано было въ лагерѣ, не смотря на такую жестокую зиму, что для утвержденія палатокъ надо было пробивать покрытую льдомъ землю. Солдаты отмороживали себѣ члены, часовые иногда совсѣмъ замерзали. У одного солдата, который несъ охабку хворосту, руки до того замерзли, что пристали къ дереву, отломились и упали вмѣстѣ съ нимъ. Корбулонъ въ легкой одеждѣ, съ непокрытою головой, часто присутствовалъ на ученьи и на работахъ; хвалилъ дѣятельныхъ, утѣшалъ больныхъ и всѣмъ подавалъ примѣръ. Но жестокость зимы и трудность работъ умножила число бѣглецовъ, — Корбулонъ прибѣгнулъ къ строгости. Въ другихъ войскахъ побѣги прощались въ первый и во второй разъ; тутъ же, кто покидалъ значекъ, немедленно лишался жизни. Послѣдствія показали, что такая строгость была полезнѣе милосердія; въ войскахъ Корбулона съ этихъ поръ было гораздо менѣе дезертировъ, нежели въ остальныхъ.

36.

Корбулонъ удержалъ свои войска въ лагерѣ до самой весны и расположилъ вспомогательныя когорты въ удобныхъ мѣстахъ, предписавъ имъ, не начинать военныхъ дѣйствій. Эти гарнизоны поручены были заслуженному примипиларію Пакцію Орфиту, и хотя онъ доносилъ, что варвары не приготовились,

что представляется удобный случай разбить ихъ, но Корбулонъ приказывалъ ему оставаться въ гарнизонахъ и поджидать новыхъ войскъ. Не смотря на эти приказанія, какъ только прибыли къ Орфиту изъ ближнихъ укрѣпленій конные отряды и стали безразсудно требовать битвы — онъ сразился и былъ отраженъ. Испугавшись этого пораженія, отряды, пришедшіе къ нему на помощь, обратились въ бѣгство и скрылись, каждый въ своемъ укрѣпленіи. Корбулонъ разсердился; сдѣлавъ Пакцію, префектамъ и солдатамъ строгій выговоръ, онъ приказалъ поселить ихъ за валомъ, гдѣ они и находились до тѣхъ поръ, пока все войско не вымолило у Корбулона, чтобы избавилъ ихъ отъ такого безчестія.

37.

А Тиридатъ, сверхъ собственныхъ силъ, разсчитывая на помощь брата своего Вологеза, уже не тайно, а открытою войной вторгнулся въ Арменію и опустошалъ земли тѣхъ, кто по его мнѣнію былъ намъ преданъ; пошлютъ противъ него войско — онъ увернется; быстро переходя съ мѣста на мѣсто, онъ страшенъ былъ больше своимъ именемъ, нежели силою. Корбулонъ долго искалъ случая сразиться, но видя, что тщетно, рѣшился по примѣру непріятеля расширить поле дѣйствій: раздробилъ силы и поручилъ легатамъ и префектамъ напасть въ одно время въ разныхъ мѣстахъ. Царю Антіоху онъ предписалъ напасть на сосѣднія съ нимъ области. А Фарасманъ, умертвивъ своего сына Радамиста, какъ измѣнника, чтобы доказать намъ свою преданность, съ жаромъ удовлетворялъ своей закоренѣлой ненависти къ Арменцамъ. Тутъ же въ первый разъ стали намъ помогать Инзехи, старѣйшіе союзники Римлянъ, и вторгнулись въ самыя отдаленныя мѣста Арменіи. Замыслы Тиридата вездѣ встрѣчали неудачу. Онъ послалъ ораторовъ, спросить отъ своего имени и отъ имени

всѣхъ Пароянъ, почему, не смотря на недавно данныхъ заложниковъ, на возобновленіе союза, когда слѣдовало бы ожидать новыхъ милостей, — его выгоняютъ изъ древняго владѣнія, изъ Арменіи?

— Вологезъ, прибавили послы, оттого до сихъ поръ не дѣйствуетъ, что предпочитаетъ мирную сдѣлку военной силѣ. Но если вы будете упорствовать въ войнѣ, мы вамъ докажемъ, что Арзацидовъ не покинетъ прежняя храбрость и счастіе, которыя уже не разъ послужили къ пораженію Римлянъ.

Корбулонъ хорошо зналъ, что Вологеза удерживаетъ возстаніе въ Гирканіи.

— Совѣтую Тиридату, отвѣчалъ онъ посламъ, обратиться къ Цезарю съ покорностью; онъ можетъ получить прочный престолъ и избѣгнуть кровопролитія, если покинетъ несбыточныя надежды и будетъ держаться настоящаго, которое повѣрнѣе.

38.

Такъ какъ безпрестанные переѣзды посланниковъ мѣшали покончить поскорѣе условія мира, то назначено было мѣсто и время для личнаго свиданія Тиридата съ Корбулономъ. Тиридатъ обѣщалъ ограничиться сопровожденіемъ тысячи всадниковъ, а Корбулонъ могъ привести съ собою сколько угодно человѣкъ, съ тѣмъ только, чтобы они были безъ шлемовъ и панцырей, въ мирномъ одѣяніи. Уловку варваровъ понялъ бы всякій, не только что опытный и дальновидный полководецъ. Ограниченное число свиты съ одной стороны и произвольное съ другой прикрывало обманъ; множество безоружныхъ людей безсильно противъ конныхъ искусныхъ стрѣлковъ. Не показавъ вида, что понялъ ловушку, Корбулонъ сказалъ, что о такихъ предметахъ, отъ которыхъ зависитъ общее благо,

лучше говорить въ присутствіи всѣхъ войскъ. Онъ выбралъ мѣсто, ограниченное съ одной стороны пологими холмами, гдѣ можно было разставить пѣхоту, съ другой разстилавшееся равниной, гдѣ свободно могла дѣйствовать конница. Въ назначенный день Корбулонъ заранѣе поставилъ съ фланговъ союзныя когорты и царскія вспомогательныя войска, въ центрѣ шестой легіонъ; а по наступленіи ночи присоединилъ къ нему изъ крѣпостей три тысячи солдатъ изъ третьяго легіона, подъ однимъ орломъ, чтобы думали, что тутъ только одинъ легіонъ. Тиридатъ уже на исходѣ дня показался издали, такъ что его можно было разглядѣть, но не слышать. Сходка не состоялась и римскій полководецъ приказалъ розойтись войскамъ по лагерямъ.

39.

Царь быстро удалился. Неизвѣстно, подозрѣвалъ ли онъ обманъ, видя движеніе войскъ къ разнымъ центрамъ, или хотѣлъ перехватить обозы, шедшіе къ намъ изъ Чернаго моря и города Трапезунта. Но ничего не могъ онъ сдѣлать обозамъ; они шли по горамъ, укрѣпленнымъ нашими гарнизонами, и Корбулонъ, видя, что война продолжается безъ всякаго результата, приказалъ напасть на армянскія укрѣпленія, думая по неволѣ заставить непріятеля защищаться. Самую сильную крѣпость, Воландъ, оставилъ онъ про себя, остальныя поручилъ аттаковать легату Корнелію Флакку и префекту лагеря Инстею Капитону. Осмотрѣвъ всѣ укрѣпленія и запасшись всѣмъ нужнымъ для приступа, онъ сказалъ солдатамъ:

— Непріятель скрывается, не хочетъ ни мира, ни войны; его бѣгство доказываетъ трусость и вѣроломство, выгоните же его изъ берлоги и раздѣлите славу и добычу.

Раздѣливъ все свое войско на четыре отряда, онъ строитъ одну часть черепахою, чтобы разрушать валъ, другимъ приказываетъ приставлять къ стѣнамъ лѣстницы, бросать изъ

машинъ копья и факелы; пращникамъ отводитъ мѣста, съ которыхъ они могутъ издали метать свои пули. Непріятель, аттакованный со всѣхъ сторонъ, не могъ подавать помощь на слабые пункты. Солдаты бились съ такою яростью, что не прошла еще первая треть дня, какъ осажденные были сбиты со стѣнъ, ворота разрушены, укрѣпленія взяты приступомъ и всѣ взрослые непріятели убиты. У насъ же не было ни одного убитаго, только нѣсколько легко раненныхъ. Неспособные къ военной службѣ непріятели проданы съ публичнаго торга; вся добыча отдана побѣдителямъ. Такъ же счастливо дѣйствовали легатъ и префектъ. Три крѣпости были взяты въ одинъ день, остальныя сдались, частью изъ страха, частью по доброй волѣ жителей, и Корбулонъ смѣло пошолъ на столицу Артаксату. Однакожъ повелъ онъ легіоны не кратчайшимъ путемъ, потому что въ такомъ случаѣ надо бы было подъ ударами непріятеля переходить чрезъ мостъ на Араксѣ, текущемъ подъ самымъ городомъ, но дальними обходами, чтобы перейти рѣку въ бродъ, гдѣ она поширѣ.

40.

Тиридатъ, побѣжденный стыдомъ и страхомъ, видя, что если допуститъ до осады, то ему не устоять, если же воспрепятствуетъ, то его коннымъ войскамъ нельзя будетъ развернуться въ тѣсномъ мѣстѣ, рѣшился наконецъ помѣряться силами и назначить день для сраженія, а при случаѣ мнимымъ бѣгствомъ заманить Римлянъ въ засаду. Внезапно нападаетъ онъ на римскій строй. Но нашъ полководецъ зналъ о его намѣреніи и выстроилъ войска для марша и для битвы въ одно время. Съ праваго фланга шелъ третій легіонъ, съ лѣваго шестой, въ центрѣ избранная часть десятаго; обозъ шелъ между рядами, тылъ охраняла тысяча конныхъ солдатъ, которымъ было приказано отражать непріятеля вблизи, но отнюдь

не преслѣдовать. На крайнихъ флангахъ находились вспомагательная пѣхота, стрѣлки и остальная кавалерія, которая слѣва была расположена по склону холмовъ, такъ что въ случаѣ аттаки непріятеля, онъ былъ бы отраженъ съ фронта и съ боку. Тиридатъ безпрестанно тревожилъ насъ, но не приближался на полетъ копья: онъ то угрожалъ, то какъ будто устрашался, въ надеждѣ разстроить наши ряды и разбить по одиначкѣ. Но никто не вышелъ изъ строя, кромѣ одного коннаго декуріона, который выступилъ слишкомъ горячо впередъ и упалъ подъ тучею стрѣлъ; это еще болѣе усилило дисциплину, и непріятель въ сумерки отступилъ.

41.

Корбулонъ, расположившись лагеремъ на мѣстѣ битвы, сталъ разсуждать, не идти ли ему съ легковооруженными легіонами ночью на Артаксату и обложить ее, потому что полагалъ, что Тиридатъ отступилъ туда. Но лазутчики донесли, что царь ушелъ далеко: неизвѣстно, въ Мидію, или въ Албанію, и онъ рѣшился дождаться разсвѣта, отправивъ впередъ легко вооруженныя войска, чтобы обойти городъ и начать аттаку издали. Но жители города, открывъ ворота по собственной волѣ, сдались безусловно Римлянамъ. Это послужило къ ихъ спасенію; самый же городъ былъ сожженъ, зданія разрушены до основанія, потому что нельзя было удержать его въ нашей власти безъ значительнаго гарнизона по обширности стѣнъ, а войскъ у насъ было слишкомъ недостаточно, чтобы раздѣлять ихъ на гарнизонъ и дѣйствующую армію; оставить же укрѣпленія въ цѣлости безъ гарнизона значило взять ихъ безъ всякой славы и пользы. Разсказываютъ еще, что при этомъ произошло чудо, въ которомъ видѣли знаменіе боговъ. Все, что было снаружи, ярко освѣщалось солнцемъ, внутри же стѣнъ покрылось внезапно черны-

ми тучами и пересѣкалось молніей, будто разгнѣванные боги повелѣвали предать городъ разрушенію. За это Нерона привѣтствовали императоромъ; сенатъ указалъ торжественно благодарить боговъ, государю воздвигли статуи и арки, дали ему нѣсколько консульствъ сряду; предложили включить въ число торжественныхъ дней тотъ, въ который одержана эта побѣда, тотъ, въ который о ней пришло извѣстіе, въ который составили о ней докладъ, и тому подобное. Это было до того свыше всякой мѣры, что Кай Кассій, согласившись на всѣ остальныя почести, сказалъ, что если за всякую удачу такимъ образомъ благодарить боговъ, то скоро не хватитъ и дней въ году на торжества. Не все же праздники, нужны и будни; за поклоненіемъ богамъ не нужно забывать и человѣческихъ дѣлъ.

42.

Въ это время осужденъ человѣкъ, котораго судьба была очень перемѣнчива и котораго многіе ненавидѣли. При этомъ пострадала репутація Сенеки. Осужденный этотъ былъ Публій Суилій, ужасный своею продажностью въ царствованіе Клавдія, потомъ потерявшій все значеніе. Но враги его желали еще большаго, а онъ лучше хотѣлъ перенести обвиненіе, нежели просить пощады. Думали, что для его погибели возобновленъ былъ сенатскій указъ о наказаніи, по закону Цинційскому, ораторовъ, бравшихъ деньги за адвокатство. Суилій нисколько не воздерживался отъ жалобъ и обличеній; онъ былъ храбръ, къ тому же старъ, и не боялся свободно говорить.

— Сенека, говорилъ онъ, былъ одинъ изъ опаснѣйшихъ враговъ друзьямъ Клавдія, который его совершенно подѣломъ отправилъ въ изгнаніе. Привыкши къ безплодному пустословію передъ неопытными юношами, онъ не можетъ равнодушно видѣть

тѣхъ, чье живительное и прямое краснорѣчіе охраняетъ спокойствіе гражданъ. Я былъ квесторомъ Германика; онъ — прелюбодѣемъ въ его домѣ. Что же лучше, получать ли по доброй волѣ тяжущагося плату за честный трудъ, или осквернять ложе государскихъ женъ? По какой мудрости, по какой философской системѣ Сенека въ четыре года цезарской милости скопилъ себѣ триста милліоновъ сестерцій? Въ Римѣ окружаетъ онъ своею сѣтью бездѣтныхъ стариковъ и диктуетъ имъ завѣщанія; на Италію и провинціи наложилъ страшные проценты; а я честнымъ трудомъ нажилъ себѣ умѣренное состояніе. Я готовъ скорѣе снести обвиненіе въ преступленіи, погибель, словомъ все, нежели повергнуть мои старыя и долгимъ трудомъ нажитыя заслуги — къ стопамъ выскочки.

43.

Нашлись, разумѣется, люди, которые передали эти слова Сенекѣ, да еще съ прибавленіями. Пріискали доносчиковъ, которые обвинили Суилія въ томъ, что, управляя Азіей, онъ раззорялъ союзниковъ и грабилъ публичную казну. Но какъ слѣдствіе потребовало бы цѣлый годъ, то надо было пріискать какое нибудь преступленіе поближе, чтобы свидѣтели были подъ рукою. Его преслѣдованія, говорили обвинители, заставили Квинта Помпонія поднять оружіе противъ соотечественниковъ; Юлію, дочь Друза, и Сабину Поппею довели до смерти, погубили Валерія Азіатика, Лузія Сатурнина, Корнелія Лупа. Его обвиняли въ погибели множества римскихъ всадниковъ, во всѣхъ жестокостяхъ Клавдія. Суилій ничего не бралъ на себя и оправдывался повиновеніемъ приказамъ государя. Но Неронъ прервалъ его рѣчь, говоря, что ему извѣстно изъ собственныхъ записокъ отца, что онъ никогда и никого не приказывалъ обвинять. Тогда сталъ онъ оправдываться

приказаніями Мессалины; оправданіе неудачное: почему именно на него палъ выборъ служить орудіемъ мести развратной женщины? Надо наказывать этихъ сообщниковъ преступленій, которые пользуются только плодами своего злодѣянія, а самое злодѣяніе сваливаютъ на другихъ. И лишивъ его части имѣнія (часть уступили сыну и внучкѣ, сверхъ того, что досталось имъ по завѣщанію матери и бабки), сослали на Балеарскіе острова; твердость духа его не поколебалась ни во время процесса, ни послѣ приговора. Говорятъ, что въ этомъ уединеніи онъ жилъ съ прежнею роскошью и изнѣженностію. Доносчики напали было и на сына его Неруллина, изъ ненависти къ отцу, и обвинили его во взяточничествѣ; но Неронъ вступился, говоря, что наказаніе достаточно.

44.

Около этого времени народный трибунъ Октавій Сагитта, страстно влюбленный въ Понцію, замужнюю женщину, склонилъ ее огромными подарками къ преступной связи, потомъ убѣдилъ ее оставить мужа, обѣщавъ жениться на ней, и она дала слово. Она овдовѣла, но стала откладывать свадьбу, говоря, что не хочетъ противиться волѣ отца, и наконецъ совершенно отказалась отъ своего обѣщанія, надѣясь найти мужа богаче. Тщетно Октавій умолялъ ее, угрожалъ ей, говоря, что она погубила его доброе имя, раззорила его, просилъ отнять у него лучше и жизнь, послѣднее его достояніе. Видя, что просьбы его не дѣйствуютъ, онъ вымолилъ у нея одну только ночь, которая уменьшитъ его страданія и поможетъ терпѣть лишенія въ будущемъ. Ночь назначена. Понція приказываетъ своей довѣренной служанкѣ охранять дверь въ спальню. Октавій входитъ съ отпущенникомъ, скрывъ кинжалъ подъ платьемъ. Свиданіе началось, какъ водится между ссо-

рящимися любовниками, спором, мольбами, укоризнами, кончилось примиреніем, и остальная часть ночи посвящена наслажденію. Внезапно Октавій, въ порывѣ бѣшеной страсти, поражаетъ кинжаломъ Понцію, которая ничего подобнаго не ожидала, ранитъ прибѣжавшую на шумъ служанку и выбѣгаетъ изъ спальни. На другой день узнали о преступленіи; убійца былъ всѣмъ извѣстенъ, потому что знали, что онъ провелъ ночь съ Понціей. Но отпущенникъ взялъ это преступленіе на себя, говоря, что онъ отомстилъ за оскорбленіе патрона. Многіе тронулись прекраснымъ подвигомъ, какъ служанка, оправившись отъ раны, открыла истину. Отецъ убитой потребовалъ убійцу къ консуламъ, и когда онъ сложилъ съ себя трибунство, его осудили по Корнеліанскому закону [1]).

45.

Въ томъ же году не менѣе скандальное происшествіе послужило началомъ многихъ золъ въ республикѣ. Была въ Римѣ Сабина Поппея, дочь Тита Оллія, носившая имя своего дѣда по матери, славное имя Поппея Сабина, извѣстаго по своему консульству и тріумфальнымъ украшеніямъ, потому что отецъ ея Оллій, не успѣвъ получить никакихъ почестей, палъ жертвою дружбы Сеяна. У этой женщины было все, кромѣ чести; мать ея въ свое время была первая красавица и передала красоту свою дочери вмѣстѣ съ извѣстностью; богатство соотвѣтствовало знатности рода; разговоръ ея былъ увлекателенъ, умъ довольно остеръ; скромная наружность прикрывала сластолюбивую натуру; рѣдко показывалась она въ публичныхъ мѣстахъ и всегда при этомъ скрывала подъ вуалью часть лица, для того ли, чтобы не удовле-

[1]) Законъ Корнелія Суллы, по которому убійца ссылался на островъ, а имѣніе его конфисковалось.

творить вполнѣ любопытства тѣхъ, кто ею любовался, или для того, что это ей было къ лицу. Она не щадила своей репутаціи, не знала разницы между мужемъ и любовникомъ; не подчиняясь ни чужимъ, ни своимъ страстямъ, она основывала свои связи на выгодѣ, которую могла изъ нихъ извлечь. Будучи замужемъ за римскимъ всадникомъ Руфіемъ Криспиномъ, отъ котораго даже имѣла сына, она отдалась молодому развратнику Отону, потому что онъ пользовался большою дружбою Нерона; и вскорѣ прелюбодѣяніе увѣнчалось бракомъ.

46.

Отонъ безпрестанно хвалилъ передъ Нерономъ красоту и привлекательность своей жены, увлеченный ли страстью, или разсчитывая на то, что, если они оба будутъ обладать одною и тою же женщиной, его сила возрастетъ. Часто слыхали, какъ онъ, покидая цезарскій ужинъ, говорилъ, что идетъ къ женѣ, въ которой соединены благородство и красота, осуществлены всѣ возможныя желанія и счастіе. Немного нужно было времени, чтобы раздражить любопытство Нерона. Получивъ доступъ во дворецъ, она искусно начала увлекать Нерона своимъ кокетствомъ, притворилась, что не въ силахъ противиться новой страсти и красотѣ его; потомъ, видя, что онъ сильно влюбился, прикинулась непреклонною, не соглашалась остаться у него больше одной или двухъ ночей, говоря, что она замужемъ, что ни за что не оставитъ мужа, что никто не можетъ доставить ей такую счастливую жизнь, какъ Отонъ.

— Онъ великъ и характеромъ и обхожденіемъ, онъ былъ бы достоинъ царствовать; а Неронъ вынесъ изъ своей связи съ развратною служанкой Акте, изъ этого унизительнаго сообщества, грязныя и отвратительныя наклонности.

И Отонъ сначала лишился дружбы Нерона, потомъ запрещено ему являться во дворецъ, и наконецъ, не желая присутствія соперника въ Римѣ, Неронъ отправилъ его въ Лузитанію. Тамъ остался онъ до начала гражданской войны, не безчинствуя по прежнему, но поступая честно и совѣстливо. Наглый въ бездѣйствіи, онъ былъ умѣреннѣе, какъ чиновникъ.

47.

До сихъ поръ Неронъ старался прикрывать свои преступленія и развратъ. Онъ сильно подозрѣвалъ Корнелія Суллу [1]), принимая его тупоумíе за притворство и хитрость. Графтъ, отпущенникъ Цезаря, состарѣвшійся еще со временъ Тиберія во дворцѣ и опытный въ придворныхъ интригахъ, увеличилъ эти подозрѣнія слѣдующей выдумкой. Мульвійскій мостъ былъ въ то время извѣстнымъ мѣстомъ ночныхъ сходбищъ развратниковъ; хаживалъ туда и Неронъ, потому что это было за городомъ и можно было необузданнѣе предаваться разврату. Графтъ выдумалъ, что Неронъ счастливо избѣгнулъ засады, подготовленной для него на Фламинской дорогѣ, потому что возвратился съ этого моста по другому пути, чрезъ сады Саллустія, и называлъ Суллу зачинщикомъ этой засады; все это основывалось на шалости молодыхъ людей, очень свойственной тому времени: они остановили и напугали возвращавшихся домой служителей Нерона. Между этой молодежью не было ни раба, ни кліента Суллы; да и по трусости своей, по своей ничтожной натурѣ, онъ не могъ дерзнуть на преступленіе; не смотря на то его сослали въ Массилію, какъ будто бы онъ въ самомъ дѣлѣ былъ виновенъ.

---

[1]) Мужа Антоніи, дочери Клавдія.

48.

При тѣхъ же консулахъ сенатъ выслушалъ Путеоланскихъ депутатовъ со стороны чиновниковъ и народа; одни обвиняли народъ въ буйствѣ, другіе доносили на корыстолюбіе чиновниковъ и знатныхъ лицъ. Такъ какъ дѣло дошло до того, что бросали камни, грозили поджогами и готовы были вспыхнуть убійства и бунтъ, то Кай Кассій назначенъ былъ для возстановленія порядка. Но такъ какъ его строгость была невыносима, то, по собственной его просьбѣ, дѣло это поручили братьямъ Скрибоніямъ и дали имъ преторіанскую когорту; настращавъ жителей этимъ отрядомъ и казнивъ нѣсколькихъ человѣкъ, Скрибоніи возстановили согласіе въ городѣ.

49.

Я бы вовсе не упомянулъ о пустѣйшемъ сенатскомъ указѣ, по которому Сиракузянамъ позволялось давать гладіаторскія игры, не стѣсняясь мѣрами, ограничивавшими подобныя представленія, если бы Петъ Тразеа, воспротивившись этому, не далъ пищу своимъ недругамъ порицать такой поступокъ.

— Если онъ думаетъ, что государство страждетъ, оттого что въ сенатѣ нельзя свободно обсуждать дѣла, то зачѣмъ онъ привязывается къ такимъ мелочамъ? Отчего онъ не высказываетъ своего мнѣнія, когда дѣло идетъ о войнѣ и мирѣ, о податяхъ и законахъ, словомъ обо всемъ, отчего зависитъ благоденствіе государства? Всякій сенаторъ имѣетъ право, коль скоро очередь дошла до него, излагать какое угодно мнѣніе и требовать его обсужденія. Или по его мнѣнію только и есть злоупотребленій, что Сиракузяне станутъ давать представленія богаче прежняго? Или всѣ части управленія въ такомъ отличномъ порядкѣ, какъ будто бы на престолѣ вмѣсто

Нерона сидѣлъ Тразеа? Если уже отъ важныхъ вопросовъ онъ отдѣлывается молчаніемъ, то не слѣдовало бы возвышать голосъ въ мелочахъ.

Тразеа, на вопросъ друзей своихъ, слышавшихъ эти упреки, отвѣчалъ:

— Я возстаю противъ подобныхъ указовъ не потому, что незнаю настоящаго состоянія дѣлъ, но чтобы сенатъ былъ въ бо̀льшемъ почетѣ. Видя, что сенаторы заботятся даже о такихъ мелочахъ, народъ будетъ увѣренъ, что они тѣмъ болѣе обращаютъ вниманія на вопросы первой важности.

50.

Въ томъ же году, по случаю усиленныхъ жалобъ народа на притѣсненія сборщиковъ податей (публикановъ), Неронъ думалъ было уничтожить всѣ пошлины за провозъ товаровъ и сдѣлать человѣческому роду великолѣпнѣйшій подарокъ. Но сенаторы, расхваливъ предварительно его великодушіе, охладили этотъ порывъ, говоря, что государство погибнетъ, если уменьшить доходы, которыми оно поддерживается; уничтоживъ провозныя пошлины, надо уничтожить и всѣ другія. Бо̀льшая часть этихъ податей установлена была консулами и народными трибунами, когда народъ еще горячо стоялъ за свою свободу, а въ послѣдствіе все такъ разсчитано, чтобы государственныя доходы соотвѣтствовали издержкамъ. Нужно лучше поудержать алчносгь сборщиковъ, чтобы то, что переносили безропотно столько лѣтъ, не сдѣлалось причиною новыхъ смутъ.

51.

И Неронъ приказалъ обнародывать всѣ пошлины, которыя до тѣхъ поръ содержались втайнѣ, взять обратно всѣ просроченныя больше года требованія; въ Римѣ преторамъ, въ про-

винціяхъ пропреторамъ или проконсуламъ, сверхъ ихъ обязанностей, разбирать жалобы на сборщиковъ; солдатамъ по прежнему не платить пошлинъ, исключая тѣ товары, которыми они торгуютъ. Было сдѣлано много другихъ подобныхъ распоряженій, но всѣ они соблюдались не долго и были забыты. Осталась только отмѣна сороковой и пятидесятой части, и тому подобныхъ незаконныхъ налоговъ, вымышленныхъ алчностью сборщиковъ. Облегченъ также подвозъ хлѣба изъ заморскихъ провинцій; приказано не считать купеческіе корабли за товаръ и не брать съ нихъ пошлины.

52.

Цезарь простилъ двухъ преступниковъ, бывшихъ проконсуловъ Африки, Сульпиція Камерина и Помпонія Сильвана. Камерина обвиняли немногіе частные лица болѣе въ жестокости, нежели во взяточничествѣ; противъ Сильвана возстала цѣлая толпа обвинителей и требовала времени, чтобы вызвать свидѣтелей; онъ настаивалъ напротивъ того, чтобы ему немедленно позволили защищаться. Онъ былъ старъ, бездѣтенъ и богатъ — и одержалъ верхъ; и все таки пережилъ тѣхъ, которые спасли его, въ надеждѣ воспользоваться его состояніемъ.

53.

Все это время Германія была спокойна. Этимъ мы обязаны нашимъ военачальникамъ, которые, видя какъ унижены тріумфы, стали искать большей славы въ поддержаніи мира. Тогда начальствовали тамъ надъ войсками Паулинъ Помпей и Луцій Ветеръ; чтобы солдаты не привыкли къ бездѣйствію, Паулинъ достроилъ плотину, которая должна была сдерживать Рейнъ, начатую 63 года тому назадъ Друзомъ; Ветеръ хотѣлъ

соединить каналомъ Мозель и Арарисъ[1]), чтобы войска могли плыть изъ моря черезъ Рону и Арарисъ въ этотъ каналъ, а оттуда въ Мозель, Рейнъ и въ Океанъ. Такимъ образомъ были бы отстранены трудности сухопутныхъ маршей и соединились бы западные берега съ сѣверными. Позавидовалъ этому предпріятію Элій Грацилисъ, легатъ Бельгіи, и отклонилъ отъ него Ветера, напугавъ его тѣмъ, что такимъ образомъ войска должны проходить чрезъ чужія провинціи, что могутъ это объяснить тѣмъ, что онъ заискиваетъ любви у Галловъ, и что императоръ будетъ недоволенъ. Такъ большею частью разрушаются честныя предпріятія.

54.

Между тѣмъ, видя постоянное бездѣйствіе нашихъ войскъ, Германцы подумали, что у легатовъ отнято право вести насъ на бой. На основаніи этого убѣжденія Фризы приблизили къ Рейну молодыхъ людей чрезъ болота и лѣса, неспособныхъ сражаться — чрезъ озеро, и стали селится на пустыхъ мѣстахъ, отведенныхъ для нашихъ солдатъ; надъ ними начальствовали Верритъ и Малориксъ, на сколько можно начальствовать надъ Германцами. Они уже построили дома, посѣяли хлѣбъ и воздѣлывали землю, какъ достояніе предковъ, когда Дубій Авитъ, смѣнившій Паулина, сталъ угрожать имъ римскими войсками, если они не возвратятся на прежнія мѣста, или не испросятъ у Цезаря разрѣшенія поселиться на новомъ, и убѣдилъ Веррита и Малорикса обратиться съ просьбою къ Нерону. Они уѣхали въ Римъ и дожидались, пока Нерону будетъ досугъ, такъ какъ онъ былъ занятъ другими дѣлами; между прочими рѣдкостями, которыя показывали варварамъ въ Римѣ, повели ихъ въ театръ Помпея, чтобы показать огром-

---

[1]) Сону.

ную массу зрителей. Тамъ, отъ нечего дѣлать, не понимая того, что происходило на сценѣ, они стали разспрашивать обо всѣхъ посѣтителяхъ, гдѣ какое сословіе, гдѣ всадники, гдѣ сенаторы; замѣтивъ на сенаторскихъ скамьяхъ чужеземныя одѣянія:

— А это кто? спросили они, и услышавъ, что этими почетными мѣстами пользуются послы тѣхъ народовъ, которые особенно отличались храбростью и преданностью Римлянамъ, никто, воскликнули они, не сравнится съ Германцами въ храбрости и вѣрности!

И съ этими словами идутъ и садятся между сенаторами. Присутствующіе приняли это очень благосклонно, какъ порывъ, свойственный древнимъ народамъ, какъ благородное соревнованіе. Неронъ обоимъ далъ права римскаго гражданства, но Фризамъ приказалъ удалиться. Когда они не хотѣли повиноваться, выслали противъ нихъ вспомогательную конницу, которая, перебивъ и забравъ въ плѣнъ тѣхъ, которые слишкомъ упорно защищались, заставила ихъ удалиться.

55.

Эту землю заняли Анзибаріи, народъ сильнѣе Фризовъ, какъ числомъ, такъ и симпатіею всѣхъ сосѣдей. Вытѣсненные изъ своей земли Хауками, они просили только клочка земли для безопаснаго убѣжища. Ими начальствовалъ извѣстный между Германцами и вѣрный намъ Бойокалъ.

— При возстаніи Херусковъ, говорилъ онъ, Арминій надѣлъ на меня оковы; послѣ того я служилъ подъ начальствомъ Тиберія и Германика. Теперь мою пятидесятилѣтнюю службу я довершаю тѣмъ, что отдаю мой народъ въ вашу власть. Сколько земли пропадаетъ даромъ, служитъ только для перегона скота и солдатскихъ стадъ? Пустите и насъ

между стадами на эти поля; или вы предпочитаете пустыню и дикія дебри преданному народу? Эти поля принадлежали когда то Хамавамъ, потомъ Тубантамъ и наконецъ Узипіямъ. Какъ небеса даны богамъ, такъ земля смертному роду; что не занято, то принадлежитъ всякому.

И взирая на солнце и взывая къ прочимъ свѣтиламъ, онъ продолжалъ:

— Станете ли вы охранять пустынную почву? Нѣтъ, скорѣе подвигнете вы волны морскія противъ похитителей земли!

56.

Авитъ обидѣлся этими словами и отвѣчалъ:

— Надо повиноваться тому, кто сильнѣе; вы взываете къ богамъ, а этимъ богамъ угодно, чтобы Римляне были совершенно вольны давать и отнимать что имъ за благо разсудится, не подчиняясь ни чьему суду, кромѣ собственнаго.

Это онъ отвѣчалъ публично, всѣмъ Анзибаріямъ, а самому Бойокалу обѣщалъ дать поля за долговременную преданность. Но Бойокалъ, съ презрѣніемъ отвергнувъ это предложеніе, въ которомъ видѣлъ какъ бы плату за предательство, воскликнулъ:

— Намъ негдѣ жить, но умереть найдется мѣсто!

И разошлись раздраженные съ обѣихъ сторонъ. Анзибаріи призвали на помощь Бруктеровъ, Тенктеровъ, и даже болѣе отдаленныя племена. Авитъ написалъ легату верхней арміи Куртилію Манціѣ, чтобы онъ перешелъ черезъ Рейнъ и показался въ тылу, а самъ вторгнулся въ землю Тенктеровъ, угрожая раззорить ихъ, если они не откажутся отъ союза съ Анзибаріями. Тенктеры отступились отъ нихъ; такой же страхъ одолѣлъ Бруктерами; остальные народы также не захотѣли сражаться изъ за чужихъ интересовъ, и Анзибаріи, покинутые

всѣми, отступили къ Узипіямъ и Тубантамъ. Выгнанные оттуда, они блуждали отъ Каттовъ къ Херускамъ, не находя себѣ пристанища, въ нищетѣ, всюду отверженные; совершеннолѣтніе пали въ битвахъ, неспособныхъ къ войнѣ раздѣлили какъ добычу.

57.

Въ тоже лѣто была жаркая битва между Гермундурами и Каттами за пограничную на ихъ земляхъ рѣку, дающую въ большомъ количествѣ соль. Кромѣ страсти рѣшать всѣ споры оружіемъ, на нихъ имѣло въ этомъ случаѣ вліяніе вѣрованіе, что это мѣсто ближе всѣхъ къ небу, и боги лучше всего могутъ разслышать мольбы, идущія оттуда; что, по благости боговъ, въ этой рѣкѣ и въ этихъ лѣсахъ родится соль не такъ какъ въ другихъ мѣстахъ, вслѣдствіе испаренія морской воды, но изъ соединенія враждебныхъ стихій, огня и воды, потому что для полученія этой соли строютъ костеръ, зажигаютъ и льютъ въ пламя воду. Война была счастлива для Гермундуровъ, пагубна для Каттовъ, потому что побѣдители посвятили напередъ побѣжденныхъ Марсу и Меркурію, а это обязывало ихъ предать смерти и лошадей, уничтожить все достояніе побѣжденныхъ. Такъ ярость и угрозы непріятелей нашихъ послужили имъ же на пагубу. Убіи, наши союзники, потерпѣли неожиданное бѣдствіе. Изверженіе подземнаго огня уничтожило города, села и жатвы, и занимались уже стѣны недавно основанной колоніи. Ничто не могло погасить этотъ огонь, ни проливные дожди, ни рѣчная вода, никакая другая. Наконецъ, видя, что ничто не помогаетъ, раздраженные этимъ бѣдствіемъ поселяне стали бросать издали въ огонь камнями, пламя стало уменьшаться; тогда подошли они поближе и погнали его, какъ звѣря, палочными ударами; наконецъ стали бросать

въ него свои одежды, и чѣмъ грязнѣе и поношеннѣе было платье, тѣмъ больше усмиряло огонь.

58.

Въ этомъ году Руминальское дерево на компиціумѣ, служившее 840 лѣтъ тому назадъ кровлею младенцамъ Ромулу и Рему, стало сохнуть и потеряло всѣ вѣтви. Всѣ приняли это за зловѣщее чудо, но дерево дало новые побѣги.

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Отъ осн. Р. 813 — 816. По Р. Х. 60 — 63.

813,—60.

1.

Въ консульство Кая Випстана и Фонтеія, Неронъ рѣшился привести въ исполненіе давно задуманное преступленіе. Привычка ко власти сдѣлала его смѣлѣе, любовь къ Поппеѣ со дня на день усиливалась. Поппея, не надѣясь достигнуть ни собственнаго брака, ни развода съ Октавіей, пока жива Агриппина, подстрекала его то насмѣшками, то шутками, называла малолѣтнимъ, говорила, что онъ вѣчно повинуется другимъ, и неспособенъ не только править имперіею, но даже пользоваться свободою.

— Зачѣмъ откладывать нашу свадьбу? Нехороша я собой, или происхожденіе мое темно? Или ты боишься, что у меня не будетъ дѣтей, не вѣришь моей привязанности? Или можетъ быть страшатся, что сдѣлавшись женою, я не стану таить отъ тебя, какъ негодуетъ сенатъ, какъ гнѣвается народъ на спѣсь и скупость твоей матери? Если Агриппина непремѣнно хочетъ, чтобы сынъ ея былъ женатъ на непріятельницѣ, то возврати меня лучше Отону; я охотно удалюсь въ невѣдомыя земли; тамъ, покрайней мѣрѣ, я буду только слышать о позорѣ императора, но не буду его видѣть, не буду сама подвержена опасности.

Никто не противодѣйствовалъ такимъ словамъ, сопровождаемымъ слезами и кокетствомъ. Всѣ очень рады были поколебать могущество Агриппины, но никто не думалъ, чтобы ненависть сына дошла до преступленія.

2.

Клувій говоритъ, что Агриппина до того увлеклась властолюбіемъ, что середи дня, когда Неронъ былъ разгоряченъ виномъ и пиршествомъ, стала часто приходить къ нему разряженная и готовая на кровосмѣшеніе. Уже стали замѣчать слишкомъ страстные поцѣлуи и вольныя ласки, предвѣстники преступленія, когда Сенека противъ женскаго соблазна прибѣгнулъ къ женщинѣ же. Онъ подослалъ отпущенницу Акте, которая, испугавшись и за себя и за безчестіе Нерона, донесла ему, что вездѣ говорятъ о кровосмѣшеніи, что мать его этимъ хвастаетъ, что войска не станутъ повиноваться государю, который способенъ на подобную мерзость. Фабій Рустикъ приписываетъ эту мысль не Агриппинѣ, а Нерону, но разрушеніе этихъ замысловъ той же отпущенницѣ. Прочіе писатели, также какъ и изустное преданіе, согласны съ Клувіемъ, или потому что въ самомъ дѣлѣ въ умѣ Агриппины породилась эта чудовищная мысль, или потому что вѣроятнѣе было приписать это развратное желаніе женщинѣ, которая еще въ молодыхъ лѣтахъ изъ властолюбивыхъ видовъ отдалась Лепиду [1]), съ тою же цѣлью связалась съ Палласомъ и уже однажды совершила подобное преступленіе, вышедъ замужъ за дядю.

3.

Неронъ сталъ избѣгать случаевъ быть съ нею наединѣ.

---

[1]) Лепидъ былъ въ милости у Калигулы, мужъ Друзиллы и любовникъ Юліи, Ливиллы и Агриппины — трехъ сестеръ Калигулы.

Когда она уѣзжала въ сады, или въ Тускуланскую и Антіатскую деревню, онъ поздравлялъ ее, что она хочетъ наконецъ отдохнуть. Наконецъ она стала ему въ тягость, гдѣ бы ни находилась, и онъ окончательно рѣшился убить ее, только не зналъ еще, употребить ли ядъ, или кинжалъ, или какое нибудь другое средство. Сначала положилъ онъ отравить ее; но если подать ей ядъ у себя на пиру, то смерть ея нельзя будетъ приписать случаю, — Британникъ уже умеръ такимъ образомъ. Сверхъ того мудрено было подкупить служителей женщины, свыкшейся съ преступленіями и всегда готовой отразить западню; да она охранила себя отъ этого противоядіями. Кинжалъ и убійство, — никто не могъ придумать, какъ его скрыть, и надо было остерегаться, чтобы тотъ, кому поручатъ такое дѣло, не вздумалъ не исполнить приказанія. Отпущенникъ Аницетъ предложилъ свои услуги. Онъ командовалъ флотомъ у Мизенскаго мыса, былъ когда то дядькою Нерона и ненавидѣлъ Агриппину, какъ и она его. Онъ говоритъ, что можно построить корабль, котораго часть провалится середи моря и утопитъ Агриппину: ничего нѣтъ превратнѣе моря: кто будетъ такъ несправедливъ, чтобы дѣйствіе вѣтра и волнъ во время бури приписать преступленію? А какъ умретъ, можно ей воздвигнуть и храмы, и алтари, воздать всѣ наружные знаки почтенія и любви.

4.

Проектъ былъ одобренъ. Онъ же приходился кстати, потому что Неронъ былъ въ Байяхъ, по случаю праздниковъ (Quinquatruos) въ честь Минервы. Онъ приглашаетъ туда Агриппину, повторяетъ часто, что надо переносить родительскій гнѣвъ и смиряться, надѣясь возбудить толки, что онъ хочетъ съ нею помириться, и ожидая, что Агриппина, какъ женщина, повѣритъ этому и будетъ очень рада. Она пріѣхала. Онъ

встрѣтилъ ее на берегу (она держала путь на Анціумъ), взялъ за руки, обнялъ и проводилъ въ Баулы: такъ называлась вилла, находившаяся на изгибѣ морскаго берега, между Мизенскимъ мысомъ и Байскимъ озеромъ. Между кораблями находился одинъ гораздо красивѣе прочихъ, какъ будто Неронъ хотѣлъ оказать матери особенную почесть; она любила прогулки по морю на триремѣ, управляемой военными матросами; чтобы скрыть преступленіе во мракѣ ночи, ее пригласили предварительно на пиръ. Навѣрное извѣстно, что какой то шпіонъ донесъ Агриппинѣ объ угрожающей ей опасности, и она, еще не зная вѣрить ли доносу, отправилась въ Баіи на носилкахъ. Но тамъ страхъ ея разсѣялся: Неронъ такъ ласково ее принялъ, посадилъ ее даже выше себя, не переставалъ говорить съ нею, то съ дѣтскимъ простодушіемъ, то съ глубокомысленнымъ видомъ, какъ бы повѣряя ей важныя тайны, и пиръ затянулся до глубокой ночи. Онъ проводилъ ее, нѣжно цѣлуя въ глаза и прильнувъ къ ея груди; былъ ли это верхъ притворства, или и его звѣрскій характеръ поколебался при видѣ матери, идущей на смерть?

5.

Ночь блистала звѣздами, море было гладко и спокойно, какъ будто боги хотѣли, чтобы злодѣяніе было очевиднѣе. Корабль немного отъѣхалъ отъ береговъ. Съ Агриппиной были два спутника изъ ея свиты; Креперей Галлъ стоялъ не далеко отъ руля, Ацерронія, прислонившись къ кровати у ногъ лежавшей Агриппины, съ радостью говорила о раскаяніи сына, о возвратившейся къ ней сыновней любви. Вдругъ, по данному знаку, палуба проваливается подъ гнетомъ свинца; Креперей раздавленъ и тутъ же испустилъ духъ; Агриппина и Ацерронія остались невредимы: возвышенный балдахинъ надъ кро-

ватью случайно оказался такъ проченъ, что выдержалъ на себѣ всю тяжесть, а корабль не разверзался, потому что всѣ переполошились, и матросы, ничего не знавшіе о злоумышленіи, мѣшали знавшимъ о немъ. Тогда приказано всѣмъ гребцамъ перейти на одинъ бортъ, накренить корабль и потопить. Неожиданному приказанію не тотчасъ повиновались, и часть матросовъ, перевѣшивая корабль, на противную сторону, препятствовала быстрому наклоненію его. Неблагоразумная Ацерронія стала кричать, что она Агриппина, чтобы спасти мать императора, и была забита до смерти баграми, веслами, всѣмъ чѣмъ попало. Агриппина хранила молчаніе, и, не узнанная, получила только одну рану въ плечо. Пустившись вплавь, она встрѣтила лодку и приказала вести себя въ озеро Лукринумъ, въ свою виллу.

6.

Тамъ стала она размышлять о цѣли, съ которою вызвали ее притворными письмами; о почестяхъ, которыми ее осыпали; о томъ, что корабль находился недалеко отъ берега, что не было ни вѣтра, ни подводныхъ камней, что разрушилась верхняя его часть, какъ будто бы это было нарочно устроено; стала думать о смерти Ацерроніи, смотрѣла на собственную рану, и пришла къ тому результату, что осталось одно средство избавиться отъ бѣды: притвориться, что ничего не подозрѣваетъ. И посылаетъ она отпущенника Агерина сказать сыну, что, по милости боговъ и ея счастія, избѣгнула она величайшей опасности, что она проситъ его, не смотря на безпокойство, которое естественно долженъ ощутить сынъ при подобномъ извѣстіи, не ѣхать тотчасъ къ ней, потому что ей необходимъ покой. А между тѣмъ, продолжая притворяться совершенно безпечною, она перевязала рану и положила на тѣло

припарки. Непритворно было только приказаніе: отыскать завѣщаніе Ацерроніи и сдѣлать опись ея имуществу.

7.

Неронъ ожидалъ извѣстія о томъ, что преступленіе совершилось, какъ вдругъ ему доносятъ, что Агриппина отдѣлалась легкою раной и спаслась, но что дѣло уже такъ далеко зашло, что она не могла сомнѣваться въ томъ, кто все затѣялъ. Совершенно потерявъ присутствіе духа, онъ до того перепугался, что ему стало мерещиться, что вотъ-вотъ явится она, быстрая на месть, вооружитъ рабовъ, возмутитъ солдатъ, отдастъ себя подъ покровительство сенату и народу, разскажетъ всѣмъ о гибели корабля, своей ранѣ, убійствѣ своихъ друзей. Какъ быть? что предпринять? Развѣ Бурръ и Сенека придумаютъ какое нибудь средство. Тотчасъ призываетъ онъ ихъ къ себѣ. Неизвѣстно, знали ли они прежде о заговорѣ. Долго молчали оба, не желая терять слова попусту. Можетъ быть думали они, что если не предупредить Агриппину, Неронъ долженъ погибнуть. Какъ бы то ни было, Сенека рѣшился взглянуть на Бурра и спросить его:

— Не поручить ли солдатамъ убить Агриппину?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Бурръ; преторіанцы преданы всему дому Цезарей, помнятъ Германика и не рѣшатся нанесть какой бы то ни было вредъ его дочери. Аницетъ началъ дѣло, ему и кончить.

Аницетъ немедленно беретъ все на себя.

— Съ нынѣшняго дня только начинаю я царствовать, восклицаетъ Неронъ, и обязанъ этимъ отпущеннику! Иди скорѣе, возьми съ собой людей самыхъ рѣшительныхъ и покорныхъ.

Услышавъ, что пришелъ отъ Агриппины посланный, Аге-

ринъ, онъ придумываетъ сцену для позднѣйшаго обвиненія: пока Агеринъ передаетъ ему слова Агриппины, онъ бросаетъ къ ногамъ его мечь, и какъ будто этотъ мечь былъ найденъ при немъ, приказываетъ надѣть на него оковы, съ тѣмъ, чтобы послѣ сказать, что мать замышляла его погибель, но, ужаснувшись, что ея преступленіе будетъ открыто, сама себя лишила жизни.

8.

Между тѣмъ слухъ объ опасности, которой подвергалась Агриппина, разнесся по берегу. Всѣ приписывали ее случаю. Толпа стала собираться на плотинѣ, наполнять лодки, входить сколько можно въ воду, простирать руки; по всему берегу раздавались жалобы, восклицанія, нетерпѣливые вопросы и отвѣты наудачу; множество народу столпилось съ факелами, и, узнавъ, что Агриппина спасена, всѣ хотятъ идти поздравлять ее, когда грозный видъ вооруженнаго строя разгоняетъ народъ. Аницетъ оцѣпляетъ виллу, приказываетъ выломать двери, отражаетъ рабовъ, которые хотѣли было защищаться, и достигаетъ до двери въ спальню. Немного человѣкъ охраняли эту дверь; почти всѣ разбѣжались, испуганные яростью нападающихъ. Слабый свѣтъ мерцалъ въ спальнѣ, при Агриппинѣ была только одна служанка; не получая отвѣта отъ Нерона, тщетно дожидаясь возвращенія Агерина, она все болѣе и болѣе безпокоилась. Вдругъ измѣнившійся видъ берега, безмолвіе, потомъ внезапный шумъ — все предвѣщало ей недоброе. Служанка хотѣла уйти.

— И ты покидаешь меня? сказала Агриппина; и въ тоже мгновеніе увидала Аницета, въ сопровожденіи тріерарха Геркулея и флотскаго центуріона Олоарита.

— Если ты пришелъ узнать о моемъ здоровьи, сказала она, доложи Нерону, что мнѣ лучше. Если же ты хочешь со-

вершить преступленіе, то я ни за что не повѣрю, чтобы сынъ мой могъ дать приказаніе лишить жизни собственную мать.

Убійцы окружили постель и тріерархъ первый ударилъ ее палкой по головѣ. Видя, что центуріонъ обнажилъ уже мечь, она подставила чрево и съ восклищаніемъ: — Рази сюда! пала подъ множествомъ ударовъ.

9.

Всѣ историки подтверждаютъ эти факты. Нѣкоторые прибавляютъ, что Неронъ пошелъ смотрѣть тѣло убитой матери и хвалилъ красоту ея формъ; другіе отрицаютъ это. Въ туже ночь она была сожжена на пиршественномъ ложѣ, безъ всякихъ церемоній; и при жизни Нерона даже не собрали пепелъ и не обнесли его оградою. Послѣ уже домочадцы ея воздвигли небольшую гробницу, на Мизенской дорогѣ, близь дома диктатора Цезаря, на возвышенномъ мѣстѣ, съ котораго видѣнъ весь заливъ. Одинъ изъ ея отпущенниковъ, по имени Мнестеръ, лишилъ себя жизни на самомъ кострѣ: неизвѣстно, изъ любви ли къ ней, или изъ страха. Агриппина давно уже предвидѣла свой конецъ и готовилась къ нему, потому что астрологи предсказали ей, что Неронъ будетъ царствовать, но убьетъ свою мать.

— Пусть убиваетъ, сказала она, лишь бы царствовалъ!

10.

Неронъ только по совершеніи преступленія постигъ весь его ужасъ; остальную часть ночи провелъ онъ въ полусумашествіи: то погружался въ мрачное безмолвіе, то вскакивалъ въ ужасѣ и дожидался вмѣстѣ съ разсвѣтомъ послѣдняго часа. По наущенію Бурра, центуріоны и трибуны возвратили ему

лучь надежды, пришедши льстиво жать ему руку и поздравлять съ удачнымъ избавленіемъ отъ неожиданнаго замысла матери. Друзья отправились по храмамъ, и, слѣдуя ихъ примѣру, ближніе города Кампаніи стали изъявлять свою радость жертвоприношеніями и депутаціями. А онъ притворялся печальнымъ, негодующимъ на свое спасеніе, огорченнымъ смертью матери. Но видъ мѣстности не перемѣняется, какъ человѣческія лица, и мрачно продолжали смотрѣть на него эти берега, это море; разсказывали даже, что съ окружныхъ холмовъ раздавались звуки трубъ, а на могилѣ матери слышны были стоны, — и онъ уѣхалъ въ Неаполь и послалъ въ сенатъ письмо слѣдующаго содержанія:

11.

— Убійца Агеринъ, изъ самыхъ приближенныхъ отпущенниковъ Агриппины, схваченъ съ оружіемъ въ рукѣ; совѣсть заставила ее произвольно казнить себя за такое преступленіе.

За тѣмъ перечислялъ онъ всѣ ея прежнія преступленія:

— Она хотѣла раздѣлить верховную власть, заставить присягать женщинѣ преторіанскія когорты, подвергнуть тому же безчестію сенатъ и народъ, и когда всѣ ея усилія оказались тщетны, возненавидѣла и войско, и сенатъ, и народъ, противилась всякой даровой раздачѣ, замышляла гибель знатнѣйшихъ людей. Сколько стоило мнѣ труда удержать ее отъ намѣренія войти въ сенатъ, принимать пословъ!

Упомянувъ вскользь съ нехорошей стороны кое о какихъ дѣлахъ, совершенныхъ при Клавдіи, онъ старался обвинить мать свою во всѣхъ бѣдствіяхъ этого царствованія, разсказалъ о кораблекрушеніи, прибавляя, что смерть ея — счастіе для народа. Но есть ли въ мірѣ человѣкъ, достаточно безсмысленный, который бы повѣрилъ этому? Кто повѣритъ,

чтобы женщина, едва избавившись отъ погибели, подослала одного вооруженнаго человѣка, который долженъ былъ пройти черезъ флотъ и войска императора? И ропотъ обратился уже не на Нерона, котораго жестокость превосходила всякую жалобу, а на Сенеку, который написалъ для Нерона это признаніе въ преступленіи.

12.

Удивительно соревновали вельможи въ подлости; во всѣхъ храмахъ приказали молиться, предлагали торжествовать день Минервы — день открытія заговора, публичными играми, поставить въ куріи золотую статую Минервы, возлѣ статую Нерона, день рожденія Агриппины считать въ числѣ несчастныхъ дней. Тразеа Петъ, обыкновенно молчавшій или ограничивавшійся краткимъ согласіемъ при изъявленіяхъ лести, всталъ и вышелъ изъ сената. Себѣ онъ причинилъ погибель, другимъ не доставилъ свободы. Также безполезно повторялись чудеса за чудесами. Одна женщина родила змѣю, другую убила молнія въ объятіяхъ мужа; солнце затмилось; огнь небесный упалъ во всѣ 14 кварталовъ Рима. Но все это такъ мало доказывало попеченіе о насъ боговъ, что еще нѣсколько лѣтъ сряду царствовалъ Неронъ и совершалъ злодѣянія. Чтобы еще болѣе усилить ненависть къ матери и доказать, что безъ нея онъ будетъ гораздо милосерднѣе, онъ возвратилъ сосланныхъ Агриппиною знаменитыхъ женщинъ Юнію и Кальпурнію и префектовъ Валерія Капитона и Лицинія Габола; позволилъ даже принести прахъ Лолліи Паулины и построить ей гробницу; простилъ Итурія и Кальвизія, сосланныхъ имъ самимъ. Силана уже умерла въ Тарентѣ, переселившись туда, когда Агриппина, по проискамъ которой она была сослана, начала терять вліяніе при дворѣ, или смягчила свой гнѣвъ.

13.

Онъ ѣздилъ по Кампаніи изъ города въ городъ, не рѣшаясь возвратиться въ Римъ, опасаясь не найти ни почтенія въ сенатѣ, ни любви въ народѣ; а безсовѣстные придворные, которыхъ ни при какомъ императорѣ не было такъ много, увѣряли его, что имя Агриппины всѣмъ ненавистно, что смерть ея привлекла къ нему сердца народа, пусть ѣдетъ безъ всякаго опасенія и убѣдится собственными глазами въ преданности народонаселенія. Они испрашиваютъ позволенія ѣхать впереди и находятъ больше, нежели обѣщали: вышли на встрѣчу трибы, сенаторы въ торжественной одеждѣ, толпы женъ и дѣтей, построенныя по полу и возрасту; по всему протяженію пути его выстроены были подмостки для зрителей, какъ будто бы онъ возвращался съ тріумфомъ. Гордо, съ презрѣніемъ увидѣлъ онъ раболѣпство толпы, отправился въ капитолій благодарить боговъ, и необузданно предался всѣмъ страстямъ, которыя хоть кое какъ сдерживались до сихъ поръ уваженіемъ къ матери, какова бы она ни была.

14.

Давно уже имѣлъ онъ страсть править лошадьми на бѣгу, и другую, не менѣе постыдную, за ужиномъ пѣть и играть на цитрѣ, какъ актеръ.

— Такъ дѣлывали цари и древніе полководцы, говорилъ онъ; поэты прославили этотъ талантъ, я этимъ воздаю почесть богамъ. Пѣніе посвящено Аполлону и его изображаютъ съ лирою не только въ греческихъ городахъ, но и въ римскихъ храмахъ. А Аполлонъ главное и всевѣдущее божество.

Его уже нельзя было остановить, и Сенека съ Бурромъ, желая по крайней мѣрѣ удержать одну страсть, уступили

другой; огородили ровное пространство на Ватиканской площади, гдѣ бы онъ могъ править лошадьми. Сначала зрителями были только избранные, потомъ допустили туда весь римскій народъ, жадный до зрѣлищъ и превозносившій похвалами государя, который раздѣлялъ съ нимъ эту страсть. Полагали, что такой публичный позоръ скоро пресытитъ его, — но страсть его еще болѣе разгорѣлась. Думая уменьшить безчестіе, обезчестивъ многихъ, онъ вывелъ на сцену потомковъ знаменитыхъ фамилій, продавшихъ себя изъ нищеты. Они уже умерли, я не назову ихъ по имени изъ уваженія къ ихъ предкамъ. Впрочемъ стыдъ на сторонѣ того, кто предпочелъ деньгами склонить ихъ къ позорному дѣлу, вмѣсто того, чтобы удерживать ихъ отъ этого. Огромными подарками заставилъ онъ выйти на арену извѣстныхъ римскихъ всадниковъ: а подарки того, кто можетъ приказывать, имѣютъ силу принужденія.

15.

Еще не рѣшаясь осрамиться появленіемъ на публичномъ театрѣ, онъ учредилъ игры и назвалъ ихъ *Juvenales*, куда записывались всѣ; ни благородство, ни возрастъ, ни знатность не могли быть препятствіемъ, чтобы играть роль греческаго или римскаго актера, подражать имъ даже въ самыхъ развратныхъ жестахъ и пѣсняхъ. Даже знатныя женщины учились позорному искусству; близь рощи, разведенной Августомъ вокругъ озера, гдѣ давались представленія морскихъ сраженій, построены были притоны и харчевни и выставлены на продажу самые соблазнительные предметы; раздавались деньги, которыя бѣдняки по необходимости, развратники изъ тщеславія, тутъ же проматывали. Начались оргіи и безпутства; ничто и никогда не порождало такого чудовищнаго растлѣнія нравовъ, какъ это скопище. И честными средствами

трудно сохранять чистоту нравовъ: какъ же могъ бы сохраниться хоть слѣдъ стыда, скромности и чести въ этой пучинѣ пороковъ? Наконецъ Неронъ самъ вышелъ на сцену и игралъ на цитрѣ тщательно выученныя заранѣе піесы; зрителями были всѣ придворные, когорта солдатъ, центуріоны и трибуны. Бурръ грустилъ — и хвалилъ! Тогда въ первый разъ набраны были молодые и сильные римскіе всадники, названные Августанами: одни по сластолюбію, другіе въ надеждѣ усилить свое значеніе записывались въ это сословіе. Они должны были днемъ и ночью рукоплескать Нерону, боготворить его красоту и голосъ, и такимъ честнымъ путемъ заслуживать славу и почести.

16.

Не довольствуясь еще сценическою славой, желалъ онъ пріобрѣсть и славу поэта, созывалъ всѣхъ, даже еще неизвѣстныхъ людей, у кого была какая нибудь способность декламировать. Собирались они во дворцѣ и склеивали вмѣстѣ принесенные ими, или тутъ же сочиненные стихи, наполняя ихъ всякимъ словомъ, какое Неронъ ни предлагалъ. Стоитъ прочесть эти стихи, чтобы убѣдиться, что это дѣйствительно было такъ: ни вдохновенія, ни единства мысли и слога. Послѣ-обѣденное, время посвящалъ онъ философамъ, забавляясь ихъ спорами, разгоравшимися изъ противныхъ убѣжденій. А были между этими учеными такіе, которые, не смотря на глубокомысленное выраженіе лица и взора, очень рады были служить забавою государю.

17.

Около этого времени изъ пустого спора произошла жестокая рѣзня между жителями Нуцеріи и Помпеи. Ливиней Регулъ, изгнанный, какъ я разсказывалъ, изъ сената, давалъ

гладіаторскія представленія. Споръ начался изъ мелкаго самолюбія городовъ, брань усиливалась, стали кидать каменья, наконецъ взялись за оружіе. Помпейанцы были сильнѣе, потому что представленіе было у нихъ. Много было принесено въ Римъ изкалѣченныхъ Нуцериновъ; многимъ пришлось оплакивать смерть дѣтей или родителей. Неронъ отдалъ это дѣло на судъ сенату, сенатъ поручилъ консуламъ. Возвратившись снова въ сенатъ, оно было рѣшено такъ, что Помпейанцамъ на десять лѣтъ сряду запрещены подобныя зрѣлища, а противузаконно составленныя ими общества уничтожены. Ливиней и зачинщики драки отправлены въ ссылку.

18.

Исключили изъ сената Педія Блеза, котораго Киренейцы обвинили въ расхищеніи казнохранилища Эскулапа и въ подкупѣ и неправдахъ при наборѣ солдатъ. Они же обвинили Ацилія Страбона, облеченнаго преторскою властью, и посланнаго Клавдіемъ принять земли, принадлежавшія нѣкогда царю Апіону и завѣщанныя имъ вмѣстѣ съ царствомъ римскому народу. Всѣ сосѣди овладѣли этими землями и давность несправедливаго грабежа выставляли какъ законное право. Страбонъ отписалъ эти владѣнія, и его возненавидѣли. Сенатъ отвѣчалъ, что не знаетъ приказаній Клавдія и долженъ предоставить рѣшеніе Нерону. Неронъ одобрилъ рѣшеніе Страбона, но прибавилъ, что, желая помочь союзникамъ, онъ уступаетъ имъ все, чѣмъ они неправильно завладѣли.

19.

Умерли два извѣстныхъ человѣка, Домицій Афръ и Маркъ Сервилій, прославившіеся краснорѣчіемъ и достигшіе до высшихъ почестей. Домицій былъ славенъ только какъ адво-

катъ, Сервилій долго занимавшійся тѣмъ же, написалъ еще римскую исторію. Ласковый въ обращеніи, онъ сталъ извѣстнѣе Афра, хотя по уму былъ ему равенъ, но имѣлъ совершенно другой характеръ.

814,—61.

20.

Въ четвертое консульство Нерона съ Корнеліемъ Коссомъ учреждены въ Римѣ представленія черезъ каждыя пять лѣтъ (quinquennalia) или Квинквенналы, по образцу греческихъ. Объ этомъ, какъ обо всѣхъ нововведеніяхъ, толковали различно. Нѣкоторые припоминали, что предки недовольны были Помпеемъ даже за то, что онъ построилъ постоянный театръ; прежде каждый разъ строились временныя подмостки и ступени; еще прежде народъ присутствовалъ при этихъ представленіяхъ стоя, для того, чтобы удобство сидячаго положенія не удерживало его цѣлые дни въ театрѣ. Отчего не сохранить древній обычай, по которому никто не былъ обязанъ выходить на состязаніе въ преторскихъ представленіяхъ? Добрые нравы мало по малу портятся, а теперь совершенно должны погибнуть отъ этого новаго соблазна. Все, что развращается и развращаетъ, все это выставлено на показъ въ Римѣ. Юношество выродится, предаваясь этимъ чужеземнымъ занятіямъ, гимнастикѣ, праздности, погрязнетъ въ скотской любви. А глава республики и сенатъ не только позволяютъ развиваться порокамъ, но даже покровительствуютъ имъ, насильно втягивая въ нихъ народъ. Римскіе вельможи, какъ риторы и пѣвцы, должны пятнать себя появленіемъ на сценѣ! Остается только снять платье, надѣть наручники и промѣнять военную службу на сценическую борьбу. Развѣ декуріи всадниковъ лучше будутъ исправлять должность авгуровъ и судей, если съ видомъ

знатоковъ станутъ разсуждать о нѣжности звуковъ и мягкости голоса? А ночи посвящены оргіямъ, чтобы ни минуты не осталось на раскаяніе, чтобы въ этомъ грязномъ скопищѣ, подъ покровомъ ночи, каждый могъ удовлетворить своимъ безнравственнымъ желаніямъ, породившимся во время дня.

21.

Многимъ нравилось такое безчинство, хотя они прикрывали это честными именами.

— И предки наши не прочь были отъ забавы зрѣлищъ, сообразной съ тогдашними средствами; изъ Этруріи взяли они гистріоновъ, у Туріійцевъ научились конному ристанію; по завоеваніи Ахаіи и Азіи, представленія стали богаче; никто изъ Римлянъ порядочнаго приосхожденія не унижался до того, чтобы выйти на сцену, и это продолжалось двѣсти лѣтъ послѣ тріумфа Луція Муммія, въ первый разъ познакомившаго Римъ съ этимъ родомъ спектаклей. Построеніе постояннаго театра имѣло и экономическую цѣль, потому что каждый годъ строить и разрушать было накладно. Теперь уже чиновники не будутъ разстроивать своего состоянія, народъ не будетъ требовать у нихъ греческихъ представленій, потому что правительство взяло это на себя; побѣды ораторовъ и поэтовъ подстрекнутъ таланты къ дѣятельности; судья не унизится тѣмъ, что будетъ участвовать въ честныхъ развлеченіяхъ и позволительныхъ забавахъ. Велика бѣда, что нѣсколько ночей въ пять лѣтъ посвящаются веселью, а не разврату, потому что множество огней не позволитъ скрыть непристойнаго поступка.

Въ самомъ дѣлѣ, это празднество никогда не было осквернено какимъ нибудь необыкновеннымъ безпутствомъ; даже народъ не предавался тутъ обычной борьбѣ партій, потому

что, хотя пантомимы были возвращены на сцену, но участіе въ священныхъ играхъ было имъ воспрещено. Никто не получилъ премію за краснорѣчіе, и побѣдителемъ провозгласили Нерона. Скоро надоѣла всѣмъ греческая одежда, въ которую почти всѣ облекались въ эти дни.

22.

А между тѣмъ на небѣ появилась комета, предвѣстница новаго царствованія, по мнѣнію народа. Начали говорить о томъ, кого избрать въ наслѣдники Нерону, какъ будто бы онъ былъ уже свергнутъ, и на устахъ каждаго было имя Рубеллія Плавта, по матери изъ рода Юліевъ. Это былъ человѣкъ древнихъ нравовъ, строгаго вида, велъ жизнь скромную и уединенную, и чѣмъ болѣе опасенія заставляли его скрываться, тѣмъ болѣе росла его слава. Суевѣрныя ожиданія усилились еще отъ нелѣпаго толкованія удара молніи. Неронъ пировалъ у Симбрунискаго озера, на мѣстѣ, называемомъ Сублаквеумъ, когда молнія сбросила скатерть и раздробила столъ: это было не далеко отъ Тибурта, мѣста происхожденія отцовскаго рода Плавта, — и стали говорить, что этимъ знаменіемъ боги назначаютъ его на престолъ. Мало по малу окружила его толпа тѣхъ людей, которые разсчитываютъ на перевороты и опасности, лаская себя ложною надеждой воспользоваться ими для удовлетворенія своего властолюбія. Неронъ, встревоженный всѣмъ этимъ, написалъ къ Плавту, чтобы онъ, во имя спокойствія Рима, бѣжалъ отъ злыхъ наговоровъ, что есть у него въ Азіи наслѣдственное имѣніе, гдѣ онъ можетъ въ безопасности и тишинѣ провесть свои зрѣлыя лѣта. Плавтъ уѣхалъ туда съ женою Антистіей и немногими домочадцами. Въ эти дни Неронъ опозорилъ себя и подвергъ было опасности свою жизнь утонченною затѣей безпутства.

Онъ вздумалъ купаться въ источникѣ Марціи, котораго воды проведены въ Римъ, и вскорѣ затѣмъ опасно заболѣлъ. Народъ видѣлъ въ этомъ очевидный гнѣвъ боговъ, за оскверненіе священнаго источника прикосновеніемъ нагого тѣла.

23.

Корбулонъ, разрушивъ Артаксату, хотѣлъ воспользоваться свѣжимъ еще страхомъ и занять Тиграноцерту, которую, смотря по обстоятельствамъ, или раззорить, чтобы увеличить страхъ враговъ, или пощадить и прославиться милосердіемъ. И направился онъ туда, запретивъ войску производить безпорядки, чтобы не отнять надежду на прощеніе, но не уменьшивъ бдительности, потому что зналъ, какъ перемѣнчивъ этотъ народъ, какъ онъ робокъ въ опасности и коваренъ при случаѣ. Варвары, каждый по своему характеру, раздѣляются; одни умоляютъ о пощадѣ, другіе покидаютъ селенія и удаляются въ необитаемыя мѣста; иные скрываются въ пещерахъ со всѣмъ, что было имъ дороже. Римскій полководецъ, употребляя различныя средства, милосердіе къ покорнымъ, быстроту въ преслѣдованіи, но безпощадный къ тѣмъ, которые скрылись въ пещерахъ, приказалъ заложить дровами всѣ выходы этихъ пещеръ и сжегъ ихъ. Когда онъ переходилъ чрезъ границу Мардовъ, опытныхъ разбойниковъ, то они напали на него подъ защитою горныхъ высотъ. Корбулонъ послалъ Иберійцевъ раззорить ихъ земли и отмстилъ за дерзость непріятелей посредствомъ чужой крови.

24.

А войско наше, хотя не терпѣло вреда отъ сраженій, за то мучилось отъ голода и трудовъ, такъ что принуждено наконецъ питаться единственно мясомъ скота; къ тому же присо-

единились недостатокъ въ водѣ, знойное лѣто, длинные переходы; — бодрость солдатъ поддерживалась единственно терпѣніемъ Корбулона, переносившаго тоже, что переносилъ рядовой. Пришли наконецъ на воздѣланныя поля, собрали хлѣбъ; изъ двухъ крѣпостей, куда скрылись Арменцы, одну взяли штурмомъ, другая отразила приступъ, и взята осадою. Вступили въ страну Тауранитовъ, гдѣ Корбулонъ едва спасся отъ неожиданной опасности. Не далеко отъ его палатки схватили вооруженнаго непріятеля, не изъ простого класса, который на пыткѣ признался, что онъ составилъ заговоръ, и выдалъ и планъ его и товарищей. Всѣ заговорщики, которые подъ личиною дружбы хотѣли погубить Корбулона, обвинены и казнены. Немного спустя изъ Тиграноцерты пріѣхали посланные сказать, что ворота открыты и народъ ждетъ повелѣній, а вмѣстѣ съ тѣмъ подали ему въ даръ гостепріимства золотой вѣнецъ. Корбулонъ принялъ подарокъ съ почетомъ, и не отнялъ ничего у горожанъ, дабы они охотнѣе повиновались великодушному непріятелю.

25.

Но царскую цитадель, защищаемую храброй молодежью, надо было брать съ боя. Она даже попыталась было сразиться подъ стѣнами укрѣпленія, была втѣснена въ него и уступила только силѣ. Все это происходило тѣмъ успѣшнѣе, что Пареяне были отвлечены Гирканскою войною. Гирканы отправила даже посланниковъ къ Нерону, предложить ему союзъ, увѣряя, что они въ залогъ дружбы отвлекаютъ силы Вологеза. Когда они возвратились, Корбулонъ, опасаясь, чтобы ихъ за Евфратомъ не окружили непріятели, далъ имъ конвой, приказалъ проводить до береговъ Краснаго моря, откуда они и прибыли домой, миновавъ Пароянскія земли.

26.

Тиридатъ возвращался чрезъ Мидію въ предѣлы Арменіи. Корбулонъ отправилъ впередъ легата Верулана со вспомогательными войсками, а самъ тотчасъ пошелъ за нимъ съ легіонами и заставилъ Тиридата бѣжать и оставить всѣ покушенія къ войнѣ; разорилъ огнемъ и мечемъ все, что стояло противъ насъ за царя, и сталъ располагать престоломъ Арменіи, когда пріѣхалъ Тигранъ, избранный Нерономъ въ цари, изъ знатныхъ Каппадокійцевъ, внукъ царя Архелая; долго былъ онъ заложникомъ въ Римѣ и вынесъ оттуда рабскую низость. Его не всѣ хотѣли признать; кое кто еще былъ преданъ Арзацидамъ, но большая часть, негодуя на высокомѣріе Парѳянъ, предпочитали получить царя отъ Римлянъ. Ему дано было охранное войско: тысяча легіонаріевъ, три когорты союзниковъ и два крыла конницы, а чтобы легче ему было охранять новое государство, отдали Фарасману, Полемону, Аристобулу и Антіоху прилежащія къ ихъ владѣніямъ части Арменіи. Корбулонъ отступилъ въ Сирію, отданную ему по случаю смерти легата Уммидія.

27.

Въ этомъ году Лаодикея, одинъ изъ лучшихъ городовъ Азіи, разрушена была землетрясеніемъ и отстроилась вновь собственными средствами, безъ всякой помощи съ нашей стороны. Древній городъ Италіи, Путеолы, получилъ отъ Нерона имя и права римской колоніи. Къ Таренту и Анціуму были приписаны ветераны, но народонаселеніе этихъ городовъ оттого не увеличилось, потому что они разошлись по провинціямъ, въ которыхъ окончили службу. Сверхъ того, непри-

выкши къ семейной жизни и воспитанію дѣтей, они умирали безъ потомства. Теперь не выводили на поселеніе, какъ бывало прежде, цѣлые легіоны, съ трибунами и центуріонами, сжившихся и привязанныхъ другъ къ другу сослуживцевъ, которые составляли нѣчто цѣлое; теперь сгоняли изъ разныхъ манипулъ людей, вовсе другъ другу неизвѣстныхъ, безъ главы, безъ взаимной привязанности, какъ будто изъ разныхъ міровъ, и получалась не колонія, — а сбродъ.

28.

При избраніи преторовъ, которымъ обыкновенно завѣдывалъ сенатъ, произошли такія безстыдныя интриги, что Неронъ самъ назначилъ начальниками легіоновъ трехъ изъ нихъ, которые домогались преторства сверхъ положеннаго числа. Онъ увеличилъ значеніе сената, постановивъ, что кто подаетъ въ сенатъ апелляцію на рѣшеніе частнаго судьи, долженъ отвѣчать такою же суммою, какая положена для апелляціи на имя государя. До сихъ поръ эти апелляціи производились какъ угодно и не влекли за собою никакой пени. Къ концу года римскій владникъ Вибій Секундъ, обвиненный Маврами во взяткахъ, приговоренъ и изгнанъ изъ Италіи; только дѣятельное заступничество брата его Вибія Криспа спасло его отъ строжайшаго наказанія.

815,—62.

29.

Въ консульство Цезонія Пета и Петронія Турпиліана мы потерпѣли страшное пораженіе въ Британніи. Я уже упоминалъ, что легатъ Авлъ Дидій ограничивался охраненіемъ того, что было завоевано, а преемникъ его Вераній производилъ

легкіе набѣги на Силуровъ, когда смерть помѣшала ему докончить планъ своей войны. При жизни слылъ онъ человѣкомъ скромнымъ, но обнаружилъ свое самолюбіе въ завѣщаніи, гдѣ, разсыпаясь въ похвалахъ Нерону, прибавлялъ, что завоевалъ бы для него всю провинцію, если бы прожилъ еще два года. Тогда получилъ Британнію Паулинъ Светоній, опытный воинъ, и въ глазахъ народа, никого не оставляющаго безъ соперниковъ, равный Корбулону. Онъ горѣлъ желаніемъ затмить славу Армянскихъ побѣдъ укрощеніемъ возмутителей, и приготовился напасть на островъ Мону, густо населенный притонъ всѣхъ перебѣжчиковъ. Построилъ плоскодонные корабли, на которыхъ можно пристать къ мелкимъ и неизвѣстнымъ берегамъ, и посадилъ на нихъ пѣхоту; конница должна была перейти на берегъ въ бродъ, а гдѣ поглубже, вплавь.

30.

Весь берегъ густо усѣянъ былъ непріятельскими войсками и оружіемъ, между которыми, какъ фуріи, бѣгали женщины, въ погребальной одеждѣ, съ распущенными волосами и съ факелами въ рукахъ. Вокругъ друиды, вознося руки къ небесамъ, разражались проклятіями; невиданное зрѣлище смутило солдатъ; какъ будто окаменѣлые, они подставляли неподвижное тѣло подъ удары враговъ. Но ободренные начальниками, возбуждая сами себя той мыслью, что стыдно бояться толпы женщинъ и жрецовъ, они бросаются впередъ, опрокидываютъ встрѣчныхъ и окружаютъ враговъ въ ихъ собственномъ огнѣ. Укрѣпляютъ карауломъ селенія и вырубаютъ лѣса, посвященные ихъ страшному богослуженію: они кровью плѣнныхъ умащали жертвенники и по внутренности человѣческой гадали о будущемъ.

Въ это время вдругъ доносятъ Светонію, что вся провинція въ возстаніи.

31.

Царь Иценійцевъ Празутагъ, давно извѣстный своимъ богатствомъ, назначилъ наслѣдникомъ, вмѣстѣ съ своими двумя дочерьми, Нерона, надѣясь такимъ знакомъ почтенія спасти себя и потомство отъ обидъ: а вышло на оборотъ. Какъ добычу стали раззорять его царство центуріоны, его дворецъ рабы. Жену его Боадицею высѣкли, дочерей обезчестили; знатные Иценійцы были изгнаны изъ своихъ родовыхъ помѣстій, какъ будто бы завѣщана была вся страна; царскіе родственники включены въ число рабовъ. Въ негодованіи на такое безчестіе и въ ожиданіи еще большаго, — такъ какъ землю ихъ уже считали римской провинціей, — они взялись за оружіе, склонили къ возстанію Тринобантовъ и другіе народы, еще не свыкшіеся съ рабствомъ, и тайно составили заговоръ, съ цѣлью отвоевать назависимость. Особенно ненавидѣли они ветерановъ. Недавно переселенные въ колонію Камулодунъ, они выгоняли туземцовъ изъ домовъ, отнимали у нихъ поля, называли ихъ плѣнниками и рабами; а солдаты потакали своеволію ветерановъ по сродству жизни и въ надеждѣ со временемъ позволять и себѣ тоже самое. Въ храмѣ, воздвигнутомъ во имя Клавдія, видѣли туземцы алтарь вѣчнаго рабства, а избранные жрецы, подъ предлогомъ богослуженія, разоряли всѣ ихъ имущества. Да и не трудно казалось уничтожить вовсе не укрѣпленную колонію; наши полководцы позабыли объ этомъ подумать, помышляя болѣе объ удовольствіяхъ, чѣмъ о пользѣ.

32.

Пока это происходило, въ Камулодунѣ безъ всякой явной причины упала статуя Побѣды, и опрокинулась назадъ, какъ

бы уступая врагамъ. Женщины въ припадкѣ бѣшенства предрекали погибель. Въ куріи ихъ слышны были крики враговъ, въ театрѣ раздавались вопли, въ водахъ Темзы видно было изображеніе опрокинутой колоніи, океанъ принялъ кровавый цвѣтъ, приливъ выбрасывалъ на берегъ останки человѣческихъ тѣлъ: — все это обнадеживало Британцевъ и устрашало ветерановъ. Такъ какъ Светоній былъ далеко въ отлучкѣ, то они просили помощи у прокуратора Ката Деціана. Онъ прислалъ всего двѣсти человѣкъ, плохо вооруженныхъ; въ колоніи было немного солдатъ. Надѣясь на укрѣпленія храма, склонившись на доводы тайныхъ сообщниковъ возстанія, дѣйствовавшихъ на перекоръ благимъ рѣшеніямъ, они не обнесли городъ ни рвомъ, ни валомъ, не выслали стариковъ и женщинъ, чтобы оставить однихъ способныхъ къ битвѣ; безпечные, какъ будто среди мира, они были окружены множествомъ варваровъ. Мгновенно все было разрушено и сожжено; храмъ, въ которомъ заключились солдаты, взятъ въ два дня. Въ чаду побѣды Британцы пошли на встрѣчу Петилію Цереалису, легату девятаго легіона, шедшему на помощь, разбили легіонъ и умертвили всѣхъ пѣхотныхъ солдатъ. Цереалисъ съ конницею ускакалъ въ лагерь и окопался. Испугался при вѣсти объ этомъ пораженіи прокураторъ Катъ, и безъ того ненавистный провинціи, которую скупость его повергла въ войну, и бѣжалъ въ Галлію.

33.

Светоній съ удивительными усиліями пробился сквозь враговъ до Лондона, не украшеннаго именемъ колоніи, но важнаго, какъ сборный пунктъ торговыхъ и съѣстныхъ припасовъ. Сначала онъ не зналъ, укрѣпится ли ему въ этомъ городѣ и избрать его театромъ войны, — но видя, какъ мало у него войска, какъ сильно наказана была заносчивость Петилія, онъ

рѣшился пожертвовать однимъ городомъ для спасенія всей провинціи. Не тронули его ни стоны, ни слезы жителей, умолявшихъ о помощи; онъ подалъ знакъ къ походу и только согласился взять съ собою тѣхъ, кто хотѣлъ за нимъ слѣдовать. Всѣ женщины и старики, всѣ тѣ, которые не рѣшились покинуть прелестной мѣстности, достались въ добычу врагамъ. Таже участь постигла муниципальный городъ Веруламъ, потому что варвары, оставляя въ покоѣ укрѣпленныя мѣста и гарнизоны, стремились только туда, гдѣ богатство и беззащитность могли насытить ихъ страсть къ грабежу, забывая обо всемъ остальномъ. Въ упомянутыхъ мною городахъ убито было до 70,000 гражданъ и союзниковъ: враги не брали въ плѣнъ, не продавали, не промѣнивали, какъ это обыкновенно дѣлается на войнѣ, но дышали только убійствомъ, висѣлицами, огнемъ, крестами, какъ бы спѣша предупредить казни, которыя ожидали въ послѣдствіи получить отъ насъ.

34.

Светоній между тѣмъ собралъ четырнадцатый легіонъ, вексилларіевъ двадцатаго, ближайшіе вспомогательные отряды, всего около десяти тысячь человѣкъ, и рѣшился немедленно вступить въ бой: онъ избралъ мѣсто при входѣ въ тѣснину, закрытое съ тыла лѣсомъ, гдѣ непріятель могъ дѣйствовать только съ фронта, на открытой долинѣ, гдѣ засады нечего было опасаться. Легіоны стояли тѣснымъ строемъ въ центрѣ, вокругъ легковооруженныя войска, на крылахъ густо стояла конница. А Британскія войска перебѣгали, мѣшая конницу съ пѣхотою; никогда не было у нихъ такой арміи; они были до того самонадѣянны, что привезли на мѣсто битвы женъ, чтобы онѣ были свидѣтельницами побѣды, и разсадили ихъ на повозкахъ, которыя разставили по окраинѣ долины.

35.

Боадицея ѣхала въ колесницѣ, держа передъ собою дочерей, и проѣзжая около разныхъ племенъ, говорила, что Британцы не въ первый разъ сражаются подъ предводительствомъ женщины, но что теперь она является передъ ними не какъ царица, требующая возвращенія престола и богатства во имя своихъ знаменитыхъ предковъ, но какъ одна изъ ихъ соотечественницъ, умоляющая отмстить за лишеніе свободы, за ея опозоренное лозами тѣло, за обезчесченныхъ дочерей.

— Наглость Римлянъ дошла до того, что они не щадятъ ни старости, ни дѣвственности. Наконецъ, боги покровительствуютъ справедливому мщенію: легіонъ осмѣлился съ нами сразиться, и былъ разбитъ; остальные скрываются въ лагерѣ, или помышляютъ, какъ бы бѣжать; они не выдержатъ не только напора и силы такого множества солдатъ, но даже ихъ крика и шума; подумайте, сколько васъ и изъ чего сражаетесь: вамъ надо побѣдить или пасть. Такъ думаю я, женщина, а вы мужчины; хотите жить — живите въ рабствѣ.

36.

Светоній также не молчалъ въ такомъ важномъ положеніи. Хотя онъ вполнѣ довѣрялъ храбрости солдатъ, однакожъ ободрялъ ихъ и просилъ:

— Не бойтесь этихъ звучныхъ, но пустыхъ угрозъ непріятеля; тамъ больше женщинъ, нежели солдатъ: непривычные къ войнѣ, плохо вооруженные, они тотчасъ подадутся, какъ только почувствуютъ оружіе и храбрость войскъ, которыя столько разъ ихъ побѣждали. Когда много легіоновъ въ дѣлѣ, и тутъ честь побѣды принадлежитъ только нѣкоторымъ

изъ нихъ; тѣмъ славнѣе будетъ для васъ, въ такомъ небольшомъ числѣ заслужить славу, подобающую цѣлой арміи. Сомкнитесь плотнѣе, бросайте копья, и напирайте тотчасъ мечами и остроконечіями щитовъ, рѣжьте и бейте, не помышляя о добычѣ. Послѣ побѣды все будетъ ваше.

Слова полководца возбудили такой энтузіасмъ, старые, посѣдѣвшіе въ бояхъ солдаты, такъ пылко приготовились метать копья, что Светоній, не сомнѣваясь въ успѣхѣ, подалъ знакъ къ битвѣ.

37.

Сначала легіонъ, оставаясь на мѣстѣ, и прикрываясь узкимъ ущельемъ, какъ укрѣпленіемъ, далъ приблизиться непріятелю, бросилъ свои копья навѣрное и ворвался клиномъ въ строй враговъ. Вспомогательныя войска дѣйствовали съ такимъ же пыломъ. Конница своими длинными пиками поражала все, что встрѣчалось ей на пути. Непріятели бросились бѣжать, но выходъ былъ стѣсненъ вокругъ разставленными повозками. Солдаты не пощадили даже женщинъ: все было убито; трупы лошадей увеличили массу мертвыхъ тѣлъ. Велика была слава этого дня: почти равна побѣдамъ древности; нѣкоторые утверждаютъ, что въ этой битвѣ пало около 80,000 Британцевъ, а у Римлянъ было убито около 400 человѣкъ, немного больше ранено. Боадицея отравилась. Пеній Постумъ, префектъ лагеря втораго легіона, узнавъ о подвигахъ четырнадцатаго и двадцатаго и видя, что лишилъ такой же славы свой легіонъ и нарушилъ притомъ законы дисциплины, презрѣвъ приказаніе начальника, — пронзилъ себя мечемъ.

38.

Собравъ все войско, оставили его подъ палатками для окончательнаго повершенія войны. Неронъ усилилъ войска,

выславъ изъ Германіи двѣ тысячи легіонаріевъ, восемь вспомогательныхъ когортъ и тысячу конницы; они пополнили девятый легіонъ; пѣхота и конница помѣщены были на новыя зимнія квартиры, и что было враждебныхъ или подозрительныхъ націй, предано огню и мечу. Но всего тягостнѣе былъ для нихъ голодъ: они не позаботились о посѣвахъ, обративъ всю свою дѣятельность на войну и разсчитывая на наши подвозы. И, не смотря на то, эти буйные народы долго не соглашались на миръ, потому что Юлій Классиціанъ, присланный замѣстить Ката и врагъ Светонія, препятствовалъ общественному благу изъ личной вражды. Онъ распустилъ слухъ, что надо ждать новаго легата, который будетъ чуждъ ненависти врага и гордости побѣдителя и поступитъ милостивѣе съ побѣжденными. А въ Римъ между тѣмъ писалъ, чтобы не ждали конца войны, пока не смѣнятъ Светонія. Пораженія его приписывалъ онъ его дурнымъ разпоряженіямъ, а побѣды счастію государства.

39.

Посланъ былъ ревизовать дѣла Британніи отпущенникъ Поликлетъ; Неронъ былъ увѣренъ, что его вліяніе не только примиритъ между собою легата и прокуратора, но смиритъ и духъ возставшихъ туземцевъ. Поликлетъ не преминулъ окружить себя огромною свитой, которая тягостнымъ бичемъ прошла по Италіи и Галліи и, переправившись черезъ океанъ, привела въ ужасъ даже нашихъ солдатъ. Но непріятели поднимали ее на смѣхъ; еще жилъ въ нихъ духъ свободы и незнали они, что значитъ власть отпущенника: они не могли понять, какъ полководецъ и войско, совершившіе такую войну, могутъ повиноваться рабу. Однакожъ Поликлетъ все смягчалъ въ своихъ донесеніяхъ императору. Светонію была продолжена команда; но затѣмъ, когда погибли у берега нѣсколько

кораблей съ матросами, онъ получилъ приказаніе сдать войско, какъ будто бы война еще продолжалась, Петронію Турпиліану, который доканчивалъ срокъ консульства. Петроній не затрогивалъ непріятеля и самъ небылъ имъ затронутъ, и такое безстыдное бездѣйствіе называлъ честнымъ именемъ мира.

40.

Въ этомъ году совершились въ Римѣ преступленія, надѣлавшія много шума, а преступниками были сенаторъ и рабъ. Домицій Бальбъ былъ когда-то преторомъ, а теперь бездѣтный, богатый и дряхлый старикъ. Онъ со всѣхъ сторонъ былъ опутанъ корыстными интригами. Родственникъ его, Валерій Фабіанъ, предназначенный къ почестямъ и знатности, поддѣлалъ завѣщаніе вмѣстѣ съ римскими всадниками Виниціемъ Руфиномъ и Теренціемъ Лентиномъ. Эти послѣдніе склонили на свою сторону Антонія Прима и Азинія Марцелла. Антоній былъ горячь и храбръ; Азиній, правнукъ знаменитаго Азинія Полліона, не былъ человѣкъ низкаго характера, но считалъ только бѣдность главнымъ несчастіемъ въ жизни. Фабіанъ далъ подложное завѣщаніе подписать этимъ людямъ, да еще кое кому неизвѣстнымъ; это было доказано въ сенатѣ, и Фабіанъ и Антоній съ Руфиномъ и Теренціемъ осуждены по закону Корнелійскому. Во имя предковъ и просьбы Нерона, Марцелла спасли отъ наказанія, но не спасли отъ безчестія.

41.

Этотъ день погубилъ также Помпея Эліана, только что бывшаго квесторомъ; за то, что онъ зналъ о преступленіи Фабіана, его выслали изъ Италіи и Испаніи, гдѣ онъ родился. Покрылся также позоромъ Валерій Понтикъ, за то, что отдалъ виновныхъ на судъ претора, чтобы избавить ихъ отъ пре-

фекта Рима, и подвелъ законы такъ, чтобы спасти ихъ отъ наказанія. По этому случаю вышелъ сенатскій указъ, постановлявшій, что того, кто такъ поступаетъ, и того, кто подкупаетъ судью на подобное дѣло, должно судить какъ ложныхъ доносчиковъ.

42.

Немного спустя префектъ города, Педаній Секундъ, былъ убитъ собственнымъ рабомъ за то, что условился съ нимъ въ цѣнѣ, чтобы отпустить его на волю, и не отпустилъ, а можетъ быть и за то, что этотъ рабъ, страстно влюбленный въ молодого развратника, не могъ перенести соперничества съ своимъ господиномъ. Когда нужно было, по древнему обычаю, вести на казнь всѣхъ, жившихъ подъ одною кровлей, народъ сбѣжался, чтобы вступиться за такое множество невинныхъ, и дѣло дошло даже до возмущенія; въ самомъ сенатѣ, одни порицали чрезмѣрную строгость, другіе говорили, что ее надо сохранить. Въ числѣ послѣднихъ и Кай Кассій, вмѣсто простаго изъявленія мнѣнія, сказалъ слѣдующую рѣчь:

43.

— Часто, отцы сенаторы, находился я между вами, когда предлагали новые законы и учрежденія: я не противился нововведеніямъ. Не потому, чтобы я сомнѣвался, что въ прежнія времена лучше и справедливѣе судили обо всѣхъ дѣлахъ, что всякая перемѣна можетъ быть только къ худшему; но дабы не подумали, что я увлекаюсь страстью къ археологіи и потому придерживаюсь старины. Сверхъ того, я не хотѣлъ безпрестанными противорѣчіями ослабить значеніе моего мнѣнія и берегъ его на тотъ случай, когда польза республики необходимо потребуетъ, чтобы я высказался. Эта необходимость настала. Консуларъ убитъ рабомъ въ собственномъ

домѣ; никто не выдалъ преступника, не предупредилъ о его замыслѣ, а указъ сената о казни всѣхъ домочадцевъ существуетъ. Ну чтожъ, простите ихъ. Кого же послѣ этого защититъ санъ отъ опасности, если префектура города безсильна? Кого охранитъ множество рабовъ, если и четыреста не спасли Педанія Секунда? Какой рабъ подастъ помощь своему господину, если страхъ смерти не станетъ на него дѣйствовать? Можетъ ли кто нибудь, не краснѣя, сказать, что убійца отомстилъ за оскорбленія, какъ будто онъ договорился съ Педаніемъ объ отцовскомъ достояніи, какъ будто лишался раба, доставшагося ему отъ дѣдовъ? Но пойдемъ далѣе; положимъ, что онъ имѣлъ достаточную причину убить господина.

44.

— Нужно ли мнѣ доказывать пользу того, что постановлено умнѣйшими людьми? Но если бы мы и въ первый разъ обсуждали подобное дѣло, неужели вы думаете, что рабъ, замышляя убить своего господина, не выдастъ себя ни разу невольною угрозой? ни разу не проговорится? Но положимъ, что онъ скрылъ свое намѣреніе, совершенно тайно приготовилъ оружіе; какъ онъ пройдетъ сквозь стражу, отворитъ дверь въ спальню, внесетъ туда свѣчу и совершитъ убійство такъ, что никто объ этомъ не провѣдаетъ? Тысячи признаковъ предвѣщаютъ преступленіе. Пусть рабы доносятъ истину, и мы будемъ жить одни въ ихъ толпѣ; будемъ безопасны, потому что они станутъ безпокоиться, и если надо умереть, — виновные будутъ покрайней мѣрѣ казнены. Наши предки никогда не довѣряли рабской душѣ, хотя бы рабы родились въ одной деревнѣ, въ одномъ домѣ съ господами и тотчасъ были ими обласканы. А теперь, когда между ними люди разныхъ племенъ, разныхъ вѣроисповѣданій, когда иные изъ нихъ по-

кланяются чужимъ богамъ, иные вовсе никакимъ, — то на такое скопище можно дѣйствовать только страхомъ. Погибнетъ нѣсколько невинныхъ; но когда казнятъ десятаго солдата за то, что армія обратилась въ бѣгство погибаютъ и храбрые люди. Всякій сильный примѣръ влечетъ за собою частную несправедливость, но ее надо презрѣть во имя общественнаго блага.

45.

Никто не смѣлъ возстать противъ мнѣнія Кассія и только раздалось нѣсколько безсвязныхъ фразъ о томъ, что ихъ такъ много, что надо сжалиться надъ ихъ лѣтами, поломъ, очевидною невинностью. Однакожъ партія, склонявшаяся къ наказанію, одержала верхъ. Но этого рѣшенія нельзя было исполнить. Толпа увеличивалась и вооружалась каменьями и факелами. Тогда Неронъ далъ народу указомъ строгій выговоръ и оцѣпилъ войсками весь путь, по которому повели приговоренныхъ на казнь. Цингоній Варъ предложилъ изгнать изъ Италіи всѣхъ отпущенниковъ, жившихъ подъ тою же кровлей. Но Неронъ воспротивился этому, не желая сдѣлать еще строже древнее постановленіе, котораго не смягчило даже состраданіе.

46.

При тѣхъ же консулахъ Тарквитій Прискъ, по жалобѣ Виѳинцевъ, былъ обвиненъ во взяточничествѣ къ большой радости сенаторовъ, которые не забыли, какъ онъ подалъ доносъ на своего проконсула Статилія Тавра. Квинтъ Волузій, Секстій Африканъ и Требеллій Максимъ посланы были въ Галлію сдѣлать перепись. Волузій и Африканъ соперничали знатностью рода и съ презрѣніемъ обращались съ Требелліемъ, что̀ поставило его выше обоихъ.

47.

Въ этомъ году скончался Меммій Регулъ, прославившійся своимъ вліяніемъ, храбростью, репутаціею, сколько можно прославиться, не затмѣвая славы императора; такъ что даже Неронъ, будучи опасно болѣнъ, отвѣчалъ окружающимъ льстецамъ, которые говорили, что имперія погибнетъ вмѣстѣ съ нимъ:

— У республики есть подпора.

— Въ комъ же? спросили его.

— Въ Мемміѣ Регулѣ, отвѣчалъ онъ.

Не смотря на то, Регулъ остался живъ, благодаря своему отчужденію отъ дѣлъ, незнатному происхожденію и незначительному состоянію.

Въ этомъ же году Неронъ освятилъ гимназію и, подражая греческому легкомыслію, роздалъ масло всадникамъ и сенату.

816, — 63.

48.

Въ консульство Публія Марія и Луція Азинія, преторъ Антистій, о самовольныхъ распоряженіяхъ котораго, когда онъ былъ еще народнымъ трибуномъ, я упоминалъ выше, написалъ противъ Нерона стихотвореніе и прочелъ его на торжественномъ пирѣ у Осторія Скапулы. Коссуціанъ Капитонъ, который, по ходатайству своего тестя Тигеллина, былъ возвращенъ въ сенатъ, обвинилъ его въ оскорбленіи величества. Этотъ законъ въ первый разъ былъ затронутъ при Неронѣ, и полагали, что главная цѣль этого доноса была вовсе не погибель Антистія, а слава императора, который по праву трибуна могъ даровать жизнь осужденному на смерть сенатомъ. Осторій, въ качествѣ свидѣтеля, сказалъ, что онъ ничего не слыхалъ, но дру-

гимъ свидѣтелямъ повѣрили, и назначенный въ консулы Юній Маруллъ подалъ мнѣніе, чтобы виновнаго лишить преторскаго достоинства и казнить по древнему закону. Всѣ согласились. Тогда Петъ Тразеа, расхваливъ Цезаря и осыпавъ укоризнами Антистія, сказалъ:

— При такомъ великодушномъ правителѣ республики, когда сенатъ не стѣсняясь можетъ дать рѣшеніе, не слѣдуетъ утверждать самый строгій приговоръ виновному; палачи и висѣлица уже давно уничтожены; въ законахъ есть другія наказанія, за которыя никто не пожалуется на жестокость судей и развращеніе вѣка. Опишите его имѣніе, сошлите на какой нибудь островъ; чѣмъ долѣе будетъ онъ доживать свою преступную жизнь, тѣмъ будетъ несчастнѣе, а между тѣмъ останется живымъ примѣромъ милосердія правительства.

49.

Свободная рѣчь Тразеи возбудила бодрость въ рабскихъ душахъ остальныхъ сенаторовъ, и когда консулъ сталъ отбирать голоса, то всѣ, за немногимъ исключеніемъ, согласились съ его мнѣніемъ. Въ числѣ противниковъ находился Авлъ Вителлій, униженнѣйшій льстецъ, всегда готовый задѣть лучшихъ гражданъ, и растеряться какъ трусъ, когда передъ нимъ не смолчатъ. Консулы, не смѣя прямо исполнить приговоръ сената, отправили его къ Цезарю. Неронъ, волнуемый стыдомъ и гнѣвомъ, долго не рѣшался, что сказать, и наконецъ отвѣчалъ:

— Я ничѣмъ не затронулъ Антистія, онъ осыпалъ меня гнусною бранью. Сенаторы должны были отмстить за оскорбленіе и присудить его къ наказанію, соразмѣрному винѣ. Впрочемъ, такъ какъ я хотѣлъ смягчить строгость приговора, то не стану противиться слабому рѣшенію. Поступайте, какъ знаете. Можете даже совсѣмъ простить, если угодно.

Въ этихъ и подобныхъ словахъ выразилось его неудовольствіе, но консулы не перемѣнили приговора; Тразеа остался при своемъ мнѣніи, остальные сенаторы также: одни, чтобы не подумали, что они хотятъ свернуть всю отвѣтственность приговора на Нерона, другіе опираясь на большое ихъ число, Тразея по извѣстной твердости духа, не желая затмить свою славу.

50.

Въ подобномъ же преступленіи обвиненъ былъ Фабрицій Вейентонъ, написавшій много пасквилей на сенатъ и жрецовъ, и назвавшій свое сочиненіе *(Кодициллы)* Памятною Книжкой. Обвинитель Талій Геминъ прибавилъ еще, что онъ продаетъ милости государя и доступъ къ почестямъ: тогда Неронъ приказалъ начать судъ. Вейентонъ оказался виновнымъ; Неронъ выслалъ его изъ Италіи и приказалъ сжечь его книгу. Всѣ съ жаромъ доставали себѣ и перечитывали ее, пока она была запрещена и чтеніе это сопряжено съ опасностью: а какъ только можно стало безнаказанно имѣть ее — всѣ о ней забыли.

51.

Народныя бѣдствія росли и росли, и мало по малу республика лишалась опоръ. Умеръ Бурръ, неизвѣстно: отъ болѣзни, или отъ яду. Что это была простая болѣзнь, заключали изъ того, что у него все болѣе и болѣе пухла глотка и наконецъ его задушило. Многіе разсказываютъ, что, по приказанію Нерона, ему подъ видомъ лекарства натерли небо ядомъ, и что Бурръ, замѣтивъ въ чемъ дѣло, отвернулся отъ Нерона, когда тотъ пришелъ его навѣстить, и на вопросъ о здоровьѣ отвѣчалъ, что хорошо себя чувствуетъ. Сильно жалѣлъ о немъ народъ, зная его доблестныя качества, и видя, что мѣсто его заняли честный, но безхарактерный человѣкъ и

гнуснѣйшій развратникъ; потому что Цезарь назначилъ двухъ преторіанскихъ префектовъ, Фенія Руфа, пользовавшагося любовью народа за то, что честно велъ дѣла о поставкахъ хлѣба, и Софонія Тигеллина, закоснѣлаго въ развратѣ и преступленіяхъ. Участь ихъ обусловливалась характерами: Тигеллинъ, принятый въ соучастники самыхъ тайныхъ безпутствъ Цезаря, имѣлъ на него сильное вліяніе; Руфа уважалъ народъ и войско, — за то и не жаловалъ его Неронъ.

52.

Смерть Бурра поколебала власть Сенеки; одинъ изъ представителей благонамѣренной партіи выбылъ, силы ея уменьшились, и Неронъ охотнѣе склонялся къ людямъ испорченной нравственности, которые стали осыпать Сенеку различными обвиненіями.

— Онъ страшно богатъ; богаче, нежели подобаетъ частному человѣку, а все увеличиваетъ свои богатства; онъ хочетъ склонить на свою сторону народъ; его роскошныя виллы, его прохладные сады чуть ли не лучше императорскихъ. Онъ хочетъ, прибавляли они, прослыть единственнымъ ораторомъ; онъ сталъ безпрестанно писать стихи, съ тѣхъ поръ какъ Неронъ полюбилъ поэзію. Явно возставая противъ всѣхъ развлеченій государя, онъ насмѣхается надъ его искусствомъ править лошадьми, надъ голосомъ, когда онъ поетъ. Почему же нельзя сдѣлать въ государствѣ никакого хорошаго распоряженія, чтобы его не приписали тотчасъ же Сенекѣ? Неронъ ужъ не мальчикъ, въ полной силѣ юношескихъ лѣтъ, пусть же прогонитъ онъ этого учителя; у него есть наставники получше: его предки.

53.

Сенека зналъ объ этихъ обвиненіяхъ отъ людей, которые

еще придерживались добрыхъ началъ; онъ видѣлъ, что Цезарь становится къ нему все холоднѣе и наконецъ, испросивъ аудіенцію, сказалъ:

— Уже четырнадцать лѣтъ, Цезарь, повѣряешь ты мнѣ свои надежды; восемь лѣтъ, какъ ты на престолѣ. Въ продолженіе этого времени ты меня осыпалъ столькими почестями и богатствами, что для счастія моего недостаетъ только одного: чтобы онѣ прекратились. Я приведу знаменитые примѣры, не изъ моего званія, а изъ твоего. Твой прапрадѣдъ Августъ позволилъ Марку Агриппѣ удалиться въ Митилену, Цильнію Меценату жить въ самомъ Римѣ въ совершенномъ отчужденіи отъ свѣта. Одинъ изъ нихъ былъ его сослуживецъ, другой оставался въ Римѣ, но перенесъ не менѣе трудовъ: оба они были щедро награждены, и заслужили эти награды. А я? чѣмъ могъ я отплатить тебѣ за всѣ благодѣянія? Кое какія знанія, пріобрѣтенныя мною, такъ сказать, въ тѣни уединенія, знанія, которыя стали извѣстными, потому что мнѣ приписываютъ направленіе твоего дѣтства: ты наградилъ меня за нихъ съ избыткомъ, ты одарилъ меня безграничною милостью, неисчислимыми богатствами, такъ, что я часто разсуждаю самъ съ собою: мнѣ ли, всаднику и провинціалу, быть въ числѣ вельможъ? Моему ли неизвѣстному имени блистать среди благородныхъ, столько времени славныхъ именъ? Гдѣ же тотъ духъ умѣренности, что довольствуется малымъ? Ему ли разводить такіе сады, обитать въ роскошныхъ виллахъ, пресыщаться такими огромными пространствами полей и доходами? Только одно можетъ меня извинить: я не смѣлъ противиться твоимъ благодѣяніямъ.

54.

— Но мы оба уже исполнили мѣру: ты далъ мнѣ все, что государь можетъ дать преданному другу, а я взялъ все, что

можетъ взять другъ у государя. Новыя благодѣянія только увеличатъ зависть; конечно зависть, какъ все смертное, недоступна до твоего величества, но меня она раздавитъ; надо мнѣ помочь. Утомившись послѣ войны или путешествія, я испрашивалъ бы покоя: такъ и теперь, на этомъ пути жизни, я состарѣлся, я неспособенъ уже и на малыя заботы и умоляю спасти меня отъ богатствъ, которыми я не въ силахъ распоряжаться. Повели своимъ прокураторамъ взять ихъ въ управленіе, возьми ихъ себѣ. Я не сдѣлаюсь бѣденъ, я лишусь только блеска, который меня утомляетъ, и все время, которое теперь я долженъ употреблять на поддержаніе садовъ и виллъ, посвящу я занятіямъ. Ты еще во всей силѣ молодости, въ восемь лѣтъ ты научился царствовать, мы же, старые друзья, можемъ удалиться на покой. Къ твоей же славѣ послужитъ, что ты осыпалъ почестями людей, которые готовы ограничиться умѣренною долей.

55.

Неронъ отвѣчалъ почти слѣдующими словами:

— На твою заранѣе обдуманную рѣчь я готовъ отвѣчать тотчасъ же: вотъ первое, чѣмъ я тебѣ обязанъ. Ты научилъ меня разсуждать не только о предвидѣнныхъ, но и о совершенно неожиданныхъ предметахъ. Мой прапрадѣдъ Августъ позволилъ Агриппѣ и Меценату удалиться на покой послѣ трудовъ; но онъ былъ уже въ такихъ лѣтахъ, которыя придавали силу его рѣшенію, какое бы оно ни было. Однакожъ онъ ни того, ни другого не лишилъ своихъ подарковъ. Они заслужили ихъ въ войнѣ и опасностяхъ. Въ нихъ протекла вся юность Августа; но и твоя рука и оружіе не оставили бы меня на войнѣ. Ты сдѣлалъ все, чего требовало мое положеніе; ты руководилъ меня въ дѣтствѣ и юности своею

опытностію, совѣтами и наставленіями; заслугъ твоихъ я немогу забыть, пока живъ. Все что ты отъ меня имѣешь: сады, деньги и виллы, все это подвержено случайностямъ. Хоть и кажется, что ихъ много, но есть много людей богаче тебя, которые не сравнятся съ тобою заслугами. Мнѣ стыдно назвать отпущенниковъ, которыхъ состояніе больше твоего; краснѣю, что ты, занимая первое мѣсто въ моемъ сердцѣ, не превосходишь всѣхъ богатствомъ.

56.

— Но ты еще бодръ, ты можешь еще заниматься дѣлами и пользоваться жизнью, а мы только вступаемъ на поприще царствованія. Или ты ставишь себя ниже Вителлія, который былъ три раза консуломъ, а меня ниже Клавдія? Или я немогу обогатить тебя такъ, какъ Волузія обогатила долговременная бережливость? Если молодость увлечетъ меня въ невоздержные поступки, ты меня остановишь и съ большею ревностью станешь поддерживать мою, наученную твоими совѣтами, юность. Если ты меня покинешь, станутъ говорить не о твоемъ желаніи удалиться на покой, а о моей жестокости; если ты возвратишь мнѣ подарки, это припишутъ не твоей умѣренности, а моей алчности. И если бы все это послужило къ превознесенію твоего безкорыстія, прилично ли философу искать себѣ славу въ томъ, что можетъ очернить друга?

За симъ Неронъ обнялъ и поцѣловалъ Сенеку: такъ умѣлъ онъ, по природѣ и по привычкѣ, скрывать ненависть подъ личиною ласки. Сенека (какъ обыкновенно бываетъ послѣ всякаго разговора съ повелителемъ) поблагодарилъ Нерона. Но съ тѣхъ поръ перемѣнилъ онъ прежній образъ жизни: отдалилъ отъ себя толпу низкопоклонниковъ, ходилъ везъ всякой свиты и рѣдко показывался въ городѣ, отговарибаясь болѣзнью, или философскими занятіями.

57.

Отдаливъ Сенеку, не трудно было погубить Руфа Фенія, обвинивъ его въ дружбѣ съ Агриппиною. Значеніе Тигеллина со дня на день возрастало. Будучи увѣренъ, что пороки его, которыми онъ только и держался, принесутъ ему еще болѣе пользы, если онъ сдѣлаетъ Нерона соучастникомъ, онъ подмѣтилъ, что Неронъ чего то опасается; и увѣрившись, что онъ сильно боится Плавта и Суллы, недавно сосланныхъ первый въ Азію, второй въ Нарбонискую Галлію, начинаетъ онъ говорить о знатности ихъ рода, о томъ, что отъ Суллы недалеко германская армія, а отъ Плавта восточная.

— Я не Бурръ, который заботился только о томъ, какъ бы примирить всѣ партіи; для меня важна только безопасность Нерона. Присутствіе твое дѣлаетъ невозможнымъ заговоръ въ Римѣ; но какъ помѣшать возстанію въ отдаленныхъ провинціяхъ? Галлію можно воодушевить именемъ диктатора, а дѣйствіе имени дѣда Плавта, Друза, на Азіатскіе народы также подозрительно. Бѣдность Суллы придаетъ ему дерзости, подъ маскою безпечности таятся его властолюбивые замыслы. А Плавтъ, богачь, не трудится даже притворяться, будто любитъ покой; онъ превозносится подражаніемъ древнимъ Римлянамъ; онъ принадлежитъ къ наглой сектѣ стоиковъ, разсаднику возмутителей и негодяевъ.

Не долго думали; шесть дней спустя, убійцы, предупредивъ молву, высадились въ Массиліи и убили Суллу въ ту минуту, когда онъ собирался обѣдать, ничего не подозрѣвая. Его голову привезли къ Нерону, который сталъ смѣяться надъ нею, говоря, что ранняя сѣдина безобразитъ человѣка.

58.

Намѣреніе убить Плавта не сохранилось въ такой тайнѣ.

Многіе заботились о его жизни, да къ тому же дальность разстоянія, по сухому пути и по морю, и отсрочка казни дали время молвѣ распространиться. Говорятъ, что онъ обратился просить помощи къ Корбулону, командовавшему тогда сильнымъ войскомъ, и предназначенному къ погибели, коль скоро начали убивать извѣстныхъ и невинныхъ людей. Говорили даже, что вся Азія возстала за Плавта, что солдаты, посланные убить его, были слишкомъ слабы числомъ и духомъ, и видя, что невозможно исполнить приказаніе, перешли на сторону бунтовщиковъ. Эта пустая болтовня, какъ всегда, преувеличивалась легковѣріемъ праздныхъ людей. Впрочемъ дѣйствительно, отпущенникъ Плавта, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, опередилъ центуріона и принесъ ему вѣсть отъ тестя его Луція Антистія, чтобы онъ бѣжалъ отъ постыдной смерти; что его спасетъ всеобщая ненависть къ Нерону и состраданіе къ его имени; что онъ найдетъ честныхъ людей, храбрыхъ сообщниковъ, а между тѣмъ не долженъ пренебрегать ни малѣйшею помощью. Если онъ успѣетъ отразить шестдесятъ солдатъ, которые были посланы его убить, то пока донесутъ объ этомъ Нерону, пока пришлютъ новый отрядъ, много можетъ произойти такого, что дастъ этому дѣлу размѣры войны. Наконецъ, что это рѣшеніе можетъ его спасти, но во всякомъ случаѣ не принесетъ ему вреда больше, чѣмъ вялое ожиданіе.

59.

Но Плавтъ не тронулся этими словами. Не надѣялся ли онъ на успѣхъ, безоружный и изгнанный, было ли для него невыносимо ожиданіе неизвѣстности, или, изъ любви къ женѣ и дѣтямъ, хотѣлъ онъ задобрить къ нимъ Нерона, безпрекословно подчинясь его приговору. Говорятъ, что пріѣхалъ къ нему новый вѣстникъ отъ тестя, съ извѣстіемъ, что ему ничего важнаго не угрожаетъ, а философы, грекъ Койранъ и

тосканецъ Музоній, увѣщевали его предпочесть твердое, мужественное ожиданіе смерти невѣрной и полной треволненій жизни. Убійцы застали его въ полдень, нагого, занятаго гимнастикой. Такъ и убилъ его центуріонъ въ присутствіи евнуха Пелагона, которому, какъ довѣренному лицу, по примѣру восточныхъ царей, Неронъ подчинилъ и центуріона и солдатъ. Голову отвезли къ Нерону, который, взглянувъ на нее, сказалъ (я привожу его собственныя слова):

— Ну, Неронъ, теперь уже нечего бояться и откладывать свадьбу съ Поппеей, которую ты до сихъ поръ все отсрочивалъ изъ страха. Поспѣши развестись съ Октавіей; она хоть и скромна, но ненавистна тебѣ именемъ ея отца и любовью народа.

Онъ послалъ письмо въ сенатъ, не сознавался прямо въ умерщвленіи Суллы и Плавта, но говорилъ только, что оба они настоящіе возмутители, и что онъ неусыпно печется о безопасности государства. Тотчасъ приказали благодарить боговъ, а Суллу и Плавта исключили изъ списка сенаторовъ. Посмѣяніе, которое постыднѣе самаго преступленія!

60.

Получивъ указъ сената и видя, что всѣ его преступленія принимаются за доблестные подвиги, онъ прогоняетъ Октавію, подъ предлогомъ ея безплодія, и немедленно женится на Поппеѣ. Эта женщина, долго бывшая наложницей въ преступной связи съ Нерономъ, только что сдѣлалась его законною женой, тотчасъ обвинила Октавію въ любовной связи съ однимъ изъ ея служителей. Въ преступники выбрали Эвцера, родомъ изъ Александріи, извѣстнаго флейтиста. Стали допрашивать служанокъ; нѣкоторыя, въ мученіяхъ пытки, подали ложныя показанія въ пользу обвиненія, но большая часть съ твердостію подтверждала цѣломудріе госпожи. Одна изъ

нихъ на вопросъ Тигеллина отвѣчала, что всякая часть тѣла Октавіи чище его рта. Все таки ее удалили. Сначала это былъ простой разводъ, какъ между частными людьми; ей дали домъ Бурра и земли Плавта — зловѣщій даръ! Вскорѣ отправили ее въ Кампанію, окружили военною стражей. Народъ не умѣетъ скрывать неудовольствія, дѣйствуя не изъ разсчета и не подвергаясь большой опасности, потому что состоитъ изъ неизвѣстныхъ людей: ропотъ становился все сильнѣе и сильнѣе, и Неронъ, не изъ раскаянія, а изъ страха, возвратилъ къ себѣ Октавію.

61.

Въ порывѣ восторга народъ стремится въ капитолій и наконецъ въ самомъ дѣлѣ благодаритъ боговъ. Статуи Поппеи сбиты; статуи Октавіи несутъ на плечахъ, украшаютъ цвѣтами, ставятъ на площадяхъ и въ храмахъ. Начинаютъ даже славить Нерона, хотятъ его видѣть и привѣтстовать. Уже толпа начала наполнять дворецъ и восклицанія ея раздавались въ его стѣнахъ, какъ отправленный противъ нея отрядъ солдатъ, разогналъ всѣхъ, испугавъ ихъ розгами и оружіемъ. Они поспѣшили исправить ошибку перваго порыва и возстановили статуи Поппеи. Народъ всегда ее ненавидѣлъ, теперь ненависть эту усилилъ еще страхъ. А она, боясь, чтобы народъ въ ярости не рѣшился на насиліе, или чтобы Неронъ не поддался вліянію общаго голоса, обнявъ его колѣна, стала умолять:

— Не время теперь просить, чтобы ты скрѣпилъ нашъ бракъ, хотя ты для меня дороже жизни; кліенты и рабы Октавіи угрожаютъ даже моему существованію; они называютъ себя народомъ и во время мира позволяютъ себѣ такія буйства, которыя едва простительны на войнѣ. Они поднимаютъ оружіе на государя. Не достаетъ имъ только предводителя: но за этимъ дѣло не станетъ, если не прекратить движеніе.

Ей стоитъ только покинуть Кампанію и ѣхать въ Римъ, когда издали, по одному знаку ея, готово возстаніе. Что же я сдѣлала? кого я обидѣла? Или въ томъ моя вина, что я принесла бы пенатамъ Цезаря дѣйствительно его, а не чужую отрасль? Или римскій народъ предпочитаетъ облачить въ императорскій санъ сына египетскаго флейтщика? Наконецъ, если этого требуетъ благо государства, возьми себѣ госпожу произвольно, а не по принужденію, или обезопась себя справедливымъ мщеніемъ. Первое движеніе не трудно было утушить небольшими средствами; но если они увидятъ, что Октавіи не бывать женою Нерона — они съумѣютъ пріискать ей мужа.

62.

Эта хитрая рѣчь, способная возбудить и страхъ и гнѣвъ, устрашила и воспламенила Нерона. Прежнее обвиненіе въ связи съ рабомъ не имѣло силы, оно было уничтожено показаніями служанокъ. Ищутъ склонить къ самообличенію человѣка, котораго бы кстати можно было обвинить въ заговорѣ. Всего удобнѣе оказался Аницетъ, убійца Агриппины, какъ я уже говорилъ, начальникъ флота у Мизена, пользовавшійся милостями тотчасъ послѣ преступленія, но потомъ ненавистный Нерону: исполнители преступныхъ порученій — живыя угрызенія совѣсти. Неронъ призываетъ его, напоминаетъ о прежней услугѣ.

— Ты одинъ, говоритъ онъ, подалъ помощь государю, когда ему угрожали интриги матери; тебѣ предстоитъ случай оказать ему столь же важную услугу, избавивъ его отъ ненавистной жены. Не нужно ни силы, ни оружія; нужно только сознаться, что Октавія была съ тобой въ связи.

Онъ обѣщаетъ ему на первый разъ хотя тайную, но значительную награду и убѣжище, полное наслажденій; если же

онъ не согласенъ на предложеніе, угрожаетъ смертью. Отъ природы безнравственный Аницетъ, уже давно шедшій по пути преступленій, выходитъ даже за предѣлы тѣхъ показаній, которыя отъ него требовали, и признанія эти дѣлаетъ въ присутствіи друзей, изъ которыхъ Цезарь составилъ какъ бы свой тайный совѣтъ. Потомъ его отправили въ Сардинію, гдѣ онъ до самой смерти жилъ въ довольствѣ и спокойствіи.

63.

Неронъ сообщаетъ указомъ, что Октавія соблазнила префекта, въ намѣреніи овладѣть флотомъ, и, забывая недавнее обвиненіе въ бездѣтности, теперь обвиняетъ ее въ умерщвленіи плода, чтобы скрыть преступленіе. Все это, говоритъ онъ, знаетъ положительно, и ссылаетъ Октавію на островъ Пандатерію. Ни одна изгнанница не тронула такъ глубоко сердца Римлянъ. Кое кто припоминалъ Агриппину, изгнанную Тиберіемъ, и еще болѣе свѣжее изгнаніе Юліи Клавдіемъ; но то были уже женщины пожилыя, онѣ испытали и счастливые дни, и воспоминаніе о лучшемъ времени облегчало имъ трудныя минуты жизни. Для Октавіи же первый день брака былъ днемъ скорби; она вступила въ домъ, гдѣ все напоминало ей горе; тутъ былъ отравленъ ея отецъ, а вслѣдъ за нимъ и братъ; служанка стала сильнѣе госпожи, Поппея замѣнила ее на ея же погибель; къ этому взводили на нее преступленія хуже всякой пытки.

64.

И вотъ, эта двадцатилѣтняя женщина, окруженная центуріонами и солдатами, уже предчувствуетъ, что ей не жить, только не наслаждается покоемъ смерти. Чрезъ нѣсколько дней получаетъ она приказаніе прекратить жизнь. Тщетно

говоритъ она, что она вдова, что она только сестра Нерона; тщетно призываетъ она имя Германика и ихъ общихъ предковъ, наконецъ даже имя Агриппины, говоря, что при жизни ея, хотя она и не была счастлива, но по крайней мѣрѣ никто не посягалъ на ея жизнь. Ее связываютъ и открываютъ ей вены на рукахъ и ногахъ, и какъ отъ сильнаго волненія кровь шла очень медленно, ее задушили парами въ горячей банѣ. Прибавляютъ еще отвратительную подробность, будто отрубленную голову Октавіи отправили въ Римъ показать Поппеѣ. По этому случаю назначили дарственныя приношенія въ храмы.... Я упоминаю объ этомъ, чтобы каждый, кто будетъ изучать эти времена по нашему или другому сочиненію, зналъ, что всякая ссылка, всякое убійство, совершенное по приказанію главы республики, необходимо влекло за собою благодарность богамъ, и то, что прежде означало процвѣтаніе государства, обратилось тогда въ вѣрный знакъ общественнаго бѣдствія. Впрочемъ я не стану проходить молчаніемъ сенатскихъ приговоровъ, которые отличаются какимъ нибудь новымъ ухищреніемъ лести, или крайнимъ униженіемъ.

65.

Въ этомъ году, говорятъ, Неронъ отравилъ знатнѣйшихъ отпущенниковъ, Дорифора, за то, что онъ будто бы былъ противъ брака его съ Поппеею, и Палласа, котораго безконечная старость препятствовала овладѣть его богатствами. Романъ тайно обвинялъ Сенеку въ сообщничествѣ съ Каемъ Пизономъ, но Сенека доказалъ, что самъ Романъ виновенъ въ этомъ проступкѣ. Пизонъ встревожился и положилъ начало страшному, но неудачному заговору противъ Нерона.

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Отъ осн. Рима 816 — 819 года. По Р. Х. 63 — 66.

816,—63.

1.

Между тѣмъ Вологезъ, Пароянскій царь, узнавъ о побѣдахъ Корбулона, узнавъ, что въ Арменію данъ иноземный царь Тигранъ, а братъ его Тиридатъ изгнанъ, хотѣлъ идти и отмстстить за оскорбленіе Арзацидовъ; но могущество Римлянъ и постоянная дружба съ ними останавливала его и заставляла перемѣнять рѣшеніе. Онъ и безъ того былъ нерѣшительнаго характера, а теперь еще связывало его возстаніе сильнаго народа Гирканцевъ, и войны, которыя оно повлекло за собою. Онъ колебался, но вѣсть о новомъ оскорбленіи придала ему бодрости. Тигранъ, вышедши изъ Арменіи, долго опустошалъ пограничную провинцію Адіабену; это было болѣе нежели набѣгъ. Вельможи жаловались.

— Мы до того унизились, что уже на насъ нападаетъ не римскій полководецъ, а дерзкій заложникъ, столько лѣтъ бывшій въ Римѣ рабомъ.

Ихъ оскорбленіе раздражалъ еще правитель Адіабены, Монобазъ, спрашивавшій безпрестанно, у кого и откуда ему просить помощи.

— Арменію уже потеряли. Потеряемъ и все, если не вступятся Пароянe. У Римлянъ положеніе народа, который

произвольно отдается ихъ власти, сноснѣе нежели положеніе побѣжденныхъ.

Но присутствіе Тиридата, изгнаннаго изъ царства, его молчаніе и легкія укоризны были всего тягостнѣе для Вологеза.

— Большія государства поддерживаются не малодушіемъ; надо спорить оружіемъ и солдатами. Между государями существуетъ только право сильнаго. Частные люди могутъ ограничиться охраненіемъ своей собственности; правители должны искать славы въ увеличеніи территоріи.

2.

Все это подѣйствовало на Вологеза. Онъ созываетъ совѣтъ, сажаетъ Тиридата возлѣ себя и говоритъ:

— Вотъ братъ мой, уступившій мнѣ этотъ престолъ по старшинству, за что я отдалъ ему Арменію, третье государство по значительности; Пакоръ еще прежде получилъ Медію. Такимъ образомъ хотѣлъ я водворить въ нашемъ семействѣ миръ и прекратить вѣчную вражду между братьями. Римляне не хотятъ этого. На свою погибель нарушаютъ они миръ, забывъ, что это имъ никогда не проходило даромъ. Не стану скрываться, я предпочиталъ мирные переговоры кровопролитію, я хотѣлъ политикой, а не оружіемъ удержать во власти нашей достояніе предковъ. Если я ошибся, то храбрость моя исправитъ то, чему повредила медленность. Ваша сила и слава неприкосновенны; но сверхъ того извѣстна ваша скромность, качество, котораго и самые сильные изъ смертныхъ не презираютъ, которое уважается даже богами.

Съ этими словами онъ надѣваетъ діадему на голову Тиридата, поручаетъ Монезу, знатному человѣку, храбрую конницу, всегда сопровождающую царей, присоединяетъ къ ней

вспомогательный отрядъ Адіабеновъ, и приказываетъ изгнать Тиграна изъ Арменіи, а самъ между тѣмъ, отложивъ на время свой споръ съ Гирканцами, запасается огромными силами и военными припасами, угрожая напасть на римскія провинціи.

3.

Когда Корбулонъ услыхалъ объ этомъ отъ вѣрныхъ вѣстниковъ, онъ послалъ на помощь Тиграну два легіона подъ предводительствомъ Верулана Севера и Веттія Болана, съ тайною инструкціей, поступать какъ можно осторожнѣе и не торопиться. Онъ не хотѣлъ заводить войну, а предпочиталъ отражать ее, и написалъ къ Цезарю, что въ Арменію необходимо назначить особеннаго полководца, что Сирія, угрожаемая Вологезомъ, находится въ большой опасности. А между тѣмъ размѣстилъ остальные легіоны по берегу Евфрата, вооружилъ наскоро иррегулярную толпу провинціяльныхъ войскъ, и защитился укрѣпленіями противъ вторженія непріятеля. Такъ какъ въ этой сторонѣ мало воды, то онъ поставилъ крѣпости при источникахъ, а нѣкоторыя рѣки засыпалъ пескомъ.

4.

Между тѣмъ какъ Корбулонъ укрѣпляетъ Сирію, Монезъ, быстрымъ маршемъ, чтобы опередить даже молву, нападаетъ на Тиграна, который однакожъ не оставался въ невѣденіи и безпечности: онъ занялъ Тиграноцерту, городъ сильно укрѣпленный многочисленнымъ гарнизономъ и высокими стѣнами. Часть этихъ стѣнъ омывается рѣкою Никефоріемъ, довольно значительной ширины; а гдѣ не было рѣки, тамъ вырытъ былъ глубокій ровъ. Давно былъ тамъ гарнизонъ и запасена провизія; подвозили новые припасы, и когда небольшой отрядъ

солдатъ, сгоряча выдавшись слишкомъ впередъ, внезапно былъ окруженъ непріятелемъ, это возбудило въ войскѣ гнѣвъ, а не страхъ. Парояне не умѣютъ вести осаду городовъ, рѣдко пускаемыя стрѣлы ихъ осажденныхъ не устрашаютъ, а имъ не приносятъ никакой пользы. Адіабены пошли было на штурмъ, подставили лѣстницы и машины, но ихъ безъ труда отразили, и гарнизонъ, сдѣлавъ вылазку, перебилъ ихъ.

5.

Корбулонъ, не смотря на удачу, не хотѣлъ зазнаваться и послалъ къ Вологезу сказать, что въ провинцію вторгнулось войско, осадило союзнаго и дружественнаго намъ царя и римскія когорты, и потому пусть онъ прикажетъ прекратить осаду, иначе Корбулонъ станетъ лагеремъ на его землѣ. Центуріонъ Касперій, назначенный для этого посольства, нашолъ царя въ городѣ Низибисъ, въ 37,000 шагахъ отъ Тиграноцерты; гордо изложилъ онъ ему цѣль своего пріѣзда. Вологезъ искони и постоянно держался правила, избѣгать войны съ Римомъ; къ тому же и настоящія дѣла шли не совсѣмъ удачно: осада не подвигалась впередъ; Тигранъ былъ въ безопасности, съ огромнымъ войскомъ и припасами, и отразилъ приступъ; въ Арменію посланы легіоны; тѣ, которые разставлены по границѣ Сиріи, готовы вторгнуться въ пароянскіе предѣлы; конница его плоха, въ сѣнѣ недостатокъ, потому что саранча объѣла все, что только имѣло видъ травы и листа. И Вологезъ сталъ трусить, притворился смягченнымъ, сказалъ, что хочетъ отправить къ римскому императору пословъ, которымъ поручитъ говорить о возвращеніи Арменіи и заключеніи мира. Монезу приказываетъ оставить Тиграноцерту и самъ отступаетъ.

6.

Бо̀льшая часть видѣла въ этомъ отступленіи дѣйствіе угрозъ Корбулона и превозносила его блистательные подвиги. Другіе увѣряли, что онъ составилъ тайный договоръ, по которому война должна была прекратиться, съ тѣмъ чтобы Тигранъ и Вологезъ удалились оба изъ Арменіи.

— Иначе зачѣмъ выводить римское войско изъ Тигранноцерты? зачѣмъ во время мира покидать то, что отстаивали на войнѣ? Развѣ пріятнѣе зимовать въ отдаленныхъ концахъ Каппадокіи, подъ на-скоро поставленными палатками, нежели въ столицѣ только что завоеваннаго царства? Въ самомъ дѣлѣ они прекратили военныя дѣйствія оттого что Вологезъ боится имѣть противъ себя Корбулона, а Корбулонъ не хочетъ рисковать своей давно пріобрѣтенной славой.

Я уже говорилъ, что Корбулонъ просилъ для охраненія Арменіи особаго начальника, и ждали прибытія Цезеннія Пета. По его пріѣздѣ войска раздѣлились такимъ образомъ: 4-й и 12-й легіоны и съ ними недавно вызванный изъ Мезіи 5-й, а также понтійскія, галатскія и каппадокійскія вспомогательныя войска достались Пету; легіоны 3-й, 6-й и 10-й и прежніе солдаты Сиріи — Корбулону. Они должны были дѣйствовать по общему плану, или отдѣльно, смотря потому, какъ потребуютъ обстоятельства. Но Корбулонъ не могъ терпѣть совмѣстника, а Петъ, который долженъ бы гордиться и считать за честь быть съ нимъ вмѣстѣ, презрительно отзывался о его распоряженіяхъ:

— Ни сраженій, ни добычи, какія то вымышленныя осады городовъ; вотъ мы предпишемъ имъ дань и законы, а вмѣсто призрачнаго царя утвердимъ здѣсь римское право побѣдителя.

7.

Въ это время послы Вологеза, отправленные, какъ я уже сказалъ, къ Нерону, возвратились безъ результата, и Парѳяне начали войну открыто. Петъ принялъ вызовъ, и вступилъ въ Арменію съ двумя легіонами: четвертымъ, подъ командою Фунизулана Веттоніана, и двѣнадцатымъ, подъ начальствомъ Калавія Сабина. Зловѣщи были предвѣщанія: при переходѣ чрезъ Евфратъ по мосту, конь, несшій консульскія украшенія, внезапно, безъ всякой причины, зафыркалъ и повернулъ назадъ. Животное, назначенное для жертвоприношенія, стоявшее близь зимнихъ квартиръ, которыя обводили укрѣпленіями, вдругъ бросилось бѣжать, когда еще работы не были кончены, и скрылось за валомъ; у солдатъ загорѣлись копья, что было тѣмъ необыкновеннѣе, что Парѳяне сражаются только метательнымъ оружіемъ.

8.

А Петъ, не обративъ вниманіе на предзнаменованія, не укрѣпивъ хорошенько зимнихъ квартиръ, не позаботившись вовсе о подвозѣ съѣстныхъ припасовъ, быстро перевелъ войска чрезъ гору Тавръ, чтобы отвоевать, какъ говорилъ онъ, Тиграноцерту и опустошить области, не тронутыя Корбулономъ. Онъ взялъ нѣсколько укрѣпленій, и пріобрѣлъ бы кое какую славу и добычу, если бы умѣлъ умѣренно пользоваться первою и заботиться о второй. Исходивши столько земли, что не могъ ее удержать въ своей власти, испортивъ взятые съ собою припасы и застигнутый зимою, онъ отвелъ войско обратно и написалъ къ Цезарю письмо, какъ будто бы война была кончена, въ великолѣпныхъ выраженіяхъ, — а дѣльнаго ничего.

9.

Между тѣмъ Корбулонъ, никогда не пренебрегавшій берегомъ Евфрата, поставилъ на немъ еще больше укрѣпленій; а чтобы непріятельская конница не воспрепятствовала навести мостъ (парѳянскіе всадники уже скакали въ большомъ числѣ по близь лежащимъ полямъ), онъ подвелъ по рѣкѣ большіе корабли, связанные между собою плотами и вооруженные турами, и отражалъ непріятелей баллистами и катапультами, изъ которыхъ камни и копья летали гораздо дальше, нежели парѳянскія стрѣлы. Такимъ образомъ мостъ былъ достроенъ; противулежащіе холмы занялъ онъ союзными когортами, а потомъ лагеремъ легіоновъ, и совершилъ это такъ быстро, умѣлъ придать такой грозный видъ своимъ войскамъ, что Парѳяне, оставивъ намѣреніе вторгнуться въ Сирію, обратили все свое вниманіе на Арменію.

10.

Тамъ Петъ, ничего не подозрѣвая объ угрожающей бѣдѣ, держалъ пятый легіонъ далеко, въ Понтѣ, остальныя силы ослабилъ, разрѣшая безъ толку отпуски военнымъ, и вдругъ услышалъ, что Вологезъ идетъ на него съ огромнымъ и сильнымъ войскомъ. Онъ призываетъ двѣнадцатый легіонъ, думая застращать большимъ войскомъ, а на дѣлѣ обнаружилъ недостаточность силъ. Впрочемъ это войско могло бы удержаться въ лагерѣ и, замедляя ходъ войны, разстроить планы Парѳянъ, если бы Петъ могъ слушаться чужихъ совѣтовъ, или слѣдовать постоянному собственному плану. Но какъ только совѣты опытныхъ военныхъ людей спасали его отъ неминуемной опасности, онъ тотчасъ же, боясь, чтобы не сказали, что распоряжается не своимъ умомъ, принималъ но-

вое, еще болѣе пагубное рѣшеніе. Такъ и теперь, покинувъ зимнія квартиры и повторяя, что непріятеля бьютъ не рвомъ и валомъ, а тѣломъ и оружіемъ, повелъ онъ войско, какъ будто бы намѣреваясь дать сраженіе. Потомъ, потерявъ центуріона и нѣсколькихъ солдатъ, посланныхъ на рекогносцировку, онъ испугался и возвратился. Вологезъ дѣйствовалъ не горячась, и самоувѣренность возвратилась къ Пету. Онъ разставилъ три тысячи избранной пѣхоты на сосѣднихъ вершинахъ Тавра, чтобы не пропустить царя; часть поля занялъ паннонскою конницей, лучшею въ арміи; жену и сына послалъ онъ въ крѣпость Арзамозату, давъ имъ для охраненія когорту, — и разметалъ такимъ образомъ всѣ войска, которыя, будучи вмѣстѣ, могли бы противустоять нестройному войску враговъ. Уже ему жутко приходилось, когда рѣшился онъ дать знать Корбулону о своей опасности. Корбулонъ, говорятъ, не спѣшилъ, чтобы вмѣстѣ съ увеличеніемъ опасности возрасла и слава спасенія. Однакожъ приказалъ онъ послать по тысячѣ человѣкъ изъ трехъ легіоновъ, 800 конныхъ и столько же пѣшихъ вспомогательныхъ войскъ.

11.

Вологезъ, зная, что эта пѣхота и конница только стѣсняла маршъ Пета, не перемѣнилъ своего плана, аттаками и угрозами испугалъ паннонскую конницу, сбилъ легіоны, и одинъ только центуріонъ, Тарквитій Кресцентъ, рѣшился защищать башню, въ которой былъ начальникомъ отряда. Онъ дѣлалъ безпрестанныя вылазки, убивалъ приближавшихся непріятелей и держался, пока башня не исчезла въ пламени. Уцѣлѣвшіе пѣхотинцы ушли въ дебри и лѣса, раненные вовратились въ лагерь; и повсюду пошли толки о храбрости царя, о жестокости и силѣ враговъ; одни все преувеличивали изъ страха,

другіе, подъ вліяніемъ того же чувства, готовы были всему повѣрить. Самъ полководецъ не могъ преодолѣть своихъ опасеній, оставилъ всѣ свои военныя обязанности и вторично послалъ просить Корбулона, чтобы онъ спѣшилъ спасти значки, орлы и имя погибшаго войска.

— А мы, прибавилъ онъ, будемъ защищаться, пока живы.

12.

Корбулонъ былъ неустрашимъ. Оставивъ часть войскъ въ Сиріи, для охраненія укрѣпленій по Евфрату, пошолъ онъ самымъ близкимъ и удобнымъ, относительно доставленія съѣстныхъ припасовъ, путемъ, чрезъ Комагену и Каппадокію въ Арменію. Войско сопровождалось, сверхъ обыкновенныхъ военныхъ обозовъ, множествомъ верблюдовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ, и готово было бороться и съ непріятелемъ и съ голодомъ. Прежде всего попался ему на встрѣчу изъ разбѣжавшихся Пакцій, центуріонъ первой шеренги примипиларій, а за нимъ множество другихъ солдатъ; они стали подъ различными предлогами оправдываться въ бѣгствѣ, но онъ приказалъ имъ возвратиться къ значкамъ и просить помилованія у Пета: что же касается до него, онъ безжалостенъ къ тѣмъ, кто даетъ себя побѣждать. А между тѣмъ онъ ходилъ между рядами своихъ легіоновъ, ободрялъ ихъ, припоминалъ ихъ прежніе подвиги, указывалъ на новую славу; цѣною ихъ трудовъ будутъ не только села и города Арменіи, а римскій лагерь съ двумя въ немъ легіонами. Каждый солдатъ получитъ изъ руки полководца славный вѣнецъ за спасеніе жизни гражданина; — какая честь, когда между ними будетъ столько же лицъ, увѣнчанныхъ этимъ вѣнцомъ, сколько будетъ спасено гражданъ? — Сильно возбуждали такія рѣчи всеобщій энтузіасмъ; много было и такихъ, которыхъ подстрекалъ личный

интересъ, опасное положеніе братьевъ и родственниковъ, — и всѣ бодро продолжали путь и днемъ и ночью.

13.

Тѣмъ настойчивѣе тѣснилъ Вологезъ осажденныхъ, нападая то на валъ легіоновъ, то на крѣпость, въ которой заключены были женщины и дѣти; онъ подступалъ гораздо ближе, нежели это обыкновенно дѣлаютъ Парояне, въ надеждѣ этою дерзостью вызвать Римлянъ на бой. Но Римляне едва отходили отъ палатокъ и ограничивались защитою лагеря; часть дѣйствовала по приказанію полководца, часть изъ трусости дожидалась Корбулона и, въ случаѣ, если непріятель одолѣетъ, приготовлялась къ развязкѣ Каудинскаго и Нумантинскаго пораженія.

— Ни Самнитяне, италіанскій народъ, ни Кароагеняне, соперники Римлянъ, не были такъ сильны, какъ Парояне. Славны и сильны были войска древности, а также думали о своемъ спасеніи, когда пораженіе было неизбѣжно.

Полководецъ, не въ состояніи противиться этому общему отчаянію войска, послалъ первое письмо къ Вологезу, впрочемъ не униженное, а наполненное упреками, что Арменцы, за которыхъ онъ сражается, всегда были подъ властью Римлянъ и подчинялись царю, избранному императоромъ; что миръ гораздо выгоднѣе для обѣихъ сторонъ, что не нужно думать только о настоящемъ, что онъ со всѣми силами царства напалъ на два легіона, но что у Римлянъ еще остается цѣлый міръ, чтобы поддержать войну.

14.

Вологезъ ни слова не отвѣчалъ на эти предложенія, но сказалъ, что ждетъ своихъ братьевъ Пакора и Тиридата, что

здѣсь скоро будутъ они держать совѣтъ объ Арменіи, а такъ какъ боги прибавили еще новую милость, достойную славы Арзацидовъ, то они кстати рѣшатъ, какъ поступить съ римскими легіонами. Петъ отправилъ снова парламентеровъ просить у царя свиданія, на которое Вологезъ послалъ начальника конницы Вазака. На этомъ свиданіи Петъ припомнилъ и Лукулловъ, и Помпеевъ, и Цезарей, которые владѣли Арменіей и дарили ее другимъ. Вазакъ отвѣчалъ, что мы только воображаемъ себя владѣтелями и распорядителями ея, а дѣйствительная сила въ рукахъ Пароянъ. Наконецъ, послѣ многихъ споровъ, на другой день Адіабенъ Монобазъ былъ присланъ въ качествѣ свидѣтеля присутствовать при заключеніи договора. Постановили снять осаду съ легіоновъ, всѣмъ римскимъ войскамъ выйти изъ Арменіи и сдать крѣпости и запасы Пароянамъ, а по исполненіи всего этого дать Вологезу средства отправить къ Нерону посланниковъ.

15.

Между тѣмъ Петъ построилъ мостъ на рѣкѣ Арсаніи, протекавшей по лагерю, какъ будто для того, чтобы приготовить себѣ путь къ отступленію: но Пароянe взяли его себѣ, какъ знакъ побѣды, тѣмъ болѣе, что онъ имъ годился, а намъ путь лежалъ въ противуположную сторону. Распространился слухъ, что легіоны проведены были подъ ярмо и тому подобные разсказы, основанные на бѣдствіи войскъ и на томъ, что Армѣнцы въ самомъ дѣлѣ позволили себѣ нѣчто въ родѣ этого. Они вошли въ укрѣпленія лагеря, прежде нежели римское войско ихъ покинуло, окружили выходы и стали забирать людей и скотъ, какъ бы узнавая бывшихъ своихъ рабовъ и свою собственность. Они хватали даже одежду и отнимали оружіе, а устрашенные солдаты все отдавали, боясь подать малѣйшій

поводъ къ сраженію. Вологезъ сложилъ въ кучу оружіе и трупы убитыхъ солдатъ нашихъ, въ свидѣтельство нашего пораженія, но не сталъ смотрѣть на бѣгство легіоновъ; его гордость была удовлетворена, онъ теперь искалъ славу въ умѣренности. Онъ со всею конною свитою переѣхалъ чрезъ рѣку Арзанію въ бродъ на слонѣ, потому что опасались, чтобы мостъ не былъ съ намѣреніемъ непрочно построенъ и не обрушился подъ тяжестью. Но всѣ, которые взошли на мостъ убѣдились, что онъ твердъ и проченъ.

16.

Впрочемъ извѣстно, что у осажденныхъ было столько хлѣба, что они жгли цѣлые магазины; о Пароянахъ же Корбулонъ говоритъ, что припасы ихъ были истощены, фуражъ израсходованъ, что они должны были снять осаду, а что онъ былъ на разстояніи трехъ дней пути. Онъ прибавляетъ, что Петъ далъ клятву при значкахъ, въ присутствіи назначенныхъ царемъ свидѣтелей, что ни одинъ Римлянинъ не вступитъ въ Арменію, пока не придетъ отвѣтъ Нерона на мирныя предложенія. Можетъ быть это и вымышлено, чтобы увеличить позоръ, но остальное извѣстно положительно, а именно, что Петъ въ первый день сдѣлалъ сорокъ миль, оттавляя по дорогѣ раненыхъ, что войска отступали въ такомъ безпорядкѣ, какъ будто бѣжали съ поля сраженія. Корбулонъ съ своими войсками, встрѣтивъ бѣглецовъ на берегу Евфрата, не хотѣлъ показаться имъ во всемъ блескѣ вооруженія, чтобы не унизить ихъ такою противуположностью. Солдаты, удрученные горемъ, соболѣзнуя объ участи сослуживцевъ, едва могли удерживаться отъ слезъ; едва въ этомъ горѣ вспомнили, что надо отдать обычное привѣтствіе. Исчезло состязаніе въ храбрости и честолюбіи, свойственное

счастлывамъ людямъ; осталось одно состраданіе, особенно сильное между рядовыми.

17.

Кратко было свиданіе полководцевъ; Корбулонъ жаловался, что всѣ его труды пропали даромъ, между тѣмъ какъ война могла окончиться пораженіемъ Пароянъ; Петъ отвѣчалъ, что еще ничто не потеряно, стоитъ только соединиться и вмѣстѣ вторгнуться въ Арменію, которую Вологезъ покинулъ.

— У меня нѣтъ на это приказанія императора, отвѣчалъ Корбулонъ; я вышелъ изъ провинціи, встревоженный опаснымъ положеніемъ легіоновъ; не зная, что намѣрены теперь предпринять Пароянe, я возвращусь въ Сирію. Мнѣ еще нужно молиться Фортунѣ, чтобы она допустила уставшей отъ походовъ пѣхотѣ не отстать отъ ихъ быстрой конницы, которой путь еще облегчается ровною мѣстностью.

Петъ отправился зимовать въ Каппадокію. Вологезъ прислалъ сказать Корбулону, что бы онъ снялъ укрѣпленія съ Евфрата и оставилъ эту рѣку по прежнему границею владѣній. Корбулонъ съ своей стороны требовалъ, чтобы Арменія была очищена отъ пароянскихъ гарнизоновъ. Царь наконецъ согласился; Корбулонъ разрушилъ крѣпости, которыя поставилъ на Евфратѣ, а Арменія осталась безъ правителя.

18.

А въ Римѣ между тѣмъ на верхушкѣ Капитолійскаго холма ставили трофеи и тріумфальныя арки въ честь побѣдъ надъ Пароянами, по распоряженію сената, изданному еще въ самый разгаръ войны. Этого распоряженія не уничтожили и хотѣли обмануть убѣжденіе ложнымъ зрѣлищемъ. Чтобы отвлечь вниманіе народа отъ внѣшнихъ дѣлъ, Неронъ приказалъ

побросать въ Тибръ испорченный отъ старости хлѣбъ народа, съ цѣлью показать изобиліе урожая. Даже цѣна на хлѣбъ не была увеличена, не смотря на то, что почти двѣсти кораблей погибли отъ бури въ самой гавани, а сотня другихъ сгорѣла на Тибрѣ. Три консула, Луцій Пизонъ, Дуценній Геминъ и Помпей Паулинъ были сдѣланы начальниками надъ сборомъ государственныхъ доходовъ, и Неронъ укорилъ при этомъ своихъ предшественниковъ, что расходы ихъ простирались далеко за количество прихода, такъ, что онъ долженъ ежегодно дарить государству изъ собственной казны 60 милліоновъ сестерцій.

19.

Былъ въ то время самый вредный обычай. Передъ выборами или метаніемъ жребія на управленіе провинціями, многіе бездѣтные люди усыновляли себѣ дѣтей, а получивъ претуру или провинцію, тотчасъ отпускали на волю усыновленныхъ. Семейные люди пожаловались съ большимъ жаромъ сенату, что обманъ, происки и кратковременное усыновленіе ставятся на одной линіи съ правами природы, съ трудами воспитанія. — Довольно и того для бездѣтныхъ, что они въ совершенной безпечности, безъ всякаго труда снискиваютъ себѣ милости, почести: все готово имъ услужить. Давно ждемъ мы исполненія закона: но надъ нимъ смѣются, и эти люди, которые пріобрѣтаютъ подставныхъ дѣтей безъ любви, теряютъ безъ печали, стоятъ наравнѣ съ тѣми, кто давно имѣетъ дѣтей.

Изданъ былъ указъ, что эти мнимыя усыновленія не даютъ права не только на публичную должность, но и на частное наслѣдство.

20.

Послѣ этого разбирали дѣло о Клавдіѣ Тимархѣ, уроженцѣ Крита; между обвиненіями, которымъ обыкновенно подверга-

лись начальники провинцій, въ злоупотребленіи своей власти и притѣсненіи слабыхъ, находилась еще сказанная не разъ имъ фраза, оскорбительная для сената:

— Отъ меня зависитъ, говаривалъ онъ, чтобы проконсуламъ Крита объявлена была благодарность.

Петъ Тразеа возпользовался этимъ случаемъ для общей пользы и, подавъ голосъ, чтобы обвиненнаго изгнать изъ Крита, сказалъ:

— Опытомъ дознано, отцы сенаторы, что превосходные законы и честныя правила родились у достойныхъ людей вслѣдствіе проступковъ другихъ. Такъ своеволіе ораторовъ породило законъ Цинціійскій; интриги кандидатовъ — законъ Юліанскій, скаредность чиновниковъ плебисцитъ Калькурніанскій. Вина предшествуетъ наказанію; улучшеніе слѣдуетъ за злоупотребленіемъ. Возмемъ же противъ новой заносчивости провинцій средства, достойныя твердости и великодушія Римлянъ, которыя бы не уменьшили покровительства союзникамъ, но позволили рѣшать намъ самимъ, кто чего достоинъ, основываясь только на общественномъ мнѣніи Римлянъ.

21.

— Прежде, бывало, посылаемы были ревизовать провинцію и давать знать, кто преданъ намъ и на сколько, не только преторы или консулы, но даже частные люди: и народы трепетали предъ мнѣніемъ одного человѣка. А теперь мы холимъ иноземцевъ и поклоняемся имъ. Одному изъ нихъ стоитъ кивнуть, — и мы тотчасъ готовы награждать, а еще чаще наказывать. Пусть такъ, оставимъ провинціямъ право доказывать этимъ путемъ свою силу; но изгонимъ навсегда эти ложныя похвалы, слѣдствіе униженныхъ просьбъ; станемъ наказывать за нихъ, какъ за несправедливость, какъ за жестокость. Го-

раздо болѣе грѣшимъ отъ угодливости, нежели отъ желанія вредить. Есть и добродѣтели ненавистныя, какъ то упорная строгость, непреклонная твердость духа. Оттого то наши чиновники всегда лучше начинаютъ, нежели оканчиваютъ: имъ надо, какъ кандидатамъ, вербовать голоса. Исправьте это, и управленіе провинціями станетъ справедливѣе и тверже; законъ, повелѣвающій возвращать нажитое неправдою, сдержалъ корыстолюбіе: уничтоженіе публичной благодарности сдержитъ интриги честолюбцевъ.

22.

Рѣчь эта увлекла всѣхъ; но нельзя было составить указъ, потому что консулы замѣтили, что это вовсе не относится къ предмету, о которомъ шли пренія. Вскорѣ, по начинанію самаго государя, установили, чтобы никто не смѣлъ предлагать въ совѣтѣ союзниковъ изъявленіе благодарности пропретору или проконсулу, и чтобы не смѣли отправлять съ этою цѣлью пословъ.

При этихъ же консулахъ молнія упала на гимназію и сплавила статую Нерона въ безформенный кусокъ мѣди. Землетрясеніе разрушило знаменитый городъ Кампаніи, Помпеи. Скончалась весталка Лелія, на мѣсто которой выбрана Корнелія, изъ рода Коссовъ.

817,—64.

23.

Въ консульство Меммія Регула и Вергинія Руфа Поппея родила дочь. Неронъ былъ счастливъ и радовался больше, нежели можетъ радоваться смертный; назвалъ ее Августою, Поппеѣ далъ тоже имя. Это случилось въ колоніи Анціумъ, гдѣ онъ самъ родился. Еще до разрѣшенія сенатъ поручилъ

беременность Поппеи покровительству боговъ и далъ торжественные обѣты: теперь они были исполнены и умножены. Прибавили благодарственныя мольбы и храмъ Плодородію, священныя битвы, по образцу Акціумскаго торжества[1]), опредѣлили поставить на тронѣ Юпитера капитолійскаго золотыя статуи Фортунъ; учредили игры цирка, которыя должны были происходить въ Анціумѣ въ честь рода Клавдіевъ и Домиціевъ, такъ какъ происходятъ подобныя же въ Бовиллахъ въ честь рода Юліевъ. Все это осталось безъ исполненія, потому что младенецъ умеръ на четвертомъ мѣсяцѣ. Опять начались выраженія лести: постановили воздать ему божескія почести, поставить священное ложе и храмъ и назначить жреца. Печаль Нерона была также неумѣренна, какъ и радость. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что когда сенатъ, по случаю рожденія дочери Нерона, отправился въ Анціумъ, Тразеѣ запрещено было тамъ появляться. Съ невозмутимою твердостью духа принялъ онъ эту обиду, предвѣстницу угрожавшей ему погибели. Разсказываютъ, что, нѣсколько дней спустя, Неронъ хвасталъ у Сенеки, что помирился съ Тразеей, а Сенека будто бы отвѣчалъ, что это дѣлаетъ ему честь: такъ увеличивалась мало по малу слава этихъ двухъ человѣкъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ приближались они къ погибели.

24.

Между тѣмъ въ началѣ весны пареянскіе посланники привезли письма и порученія отъ Вологеза.

— Я оставляю, писалъ онъ, старый и столько разъ возобновлявшійся споръ о правахъ на Арменію; боги, верховные распорядители судебъ народныхъ, дали ее во власть Пареянъ,

---

[1]) Августъ, въ ознаменованіе Акціумской побѣды, основалъ городъ Никополисъ и учредилъ игры въ честь Аполлона.

не безъ стыда для Римлянъ. Недавно мы осаждали Тиграна; теперь, имѣя въ полной власти Пета и его легіоны, мы отпустили ихъ безъ всякаго вреда. Мы достаточно доказали нашу храбрость, доказали и умѣренность. Тиридатъ не отказался бы пріѣхать въ Римъ принять корону, если бы его не удерживали обязанности жреческой должности. Онъ пойдетъ къ войсковымъ значкамъ и изображенію государя, и тамъ, въ присутствіи легіоновъ, приметъ царство.

25.

Странно было получить такое письмо отъ Вологеза, когда Петъ писалъ, что все въ прежнемъ видѣ. Спросили центуріона, пріѣхавшаго съ посланниками, въ какомъ положеніи Арменія, и получили въ отвѣтъ, что всѣ Римляне изъ нея вышли. Тогда стала очевидна насмѣшка варваровъ, пришедшихъ просить то, что уже взяли силою. Неронъ сталъ совѣщаться съ вельможами, что надо предпочесть: невѣрную войну или унизительный миръ. Никто и не поколебался избрать войну. Верховное начальство поручили Корбулону, столько лѣтъ уже знакомому и съ своими солдатами, и съ непріятелемъ; боялись, чтобы невѣжество другого опять не испортило все дѣло. Довольно было Пета. Пословъ отпустили съ отказомъ, однако съ подарками; дабы они думали, что если Тиридатъ самъ лично пріѣдетъ просить, просьбы его могутъ и исполниться. Гражданскую власть въ Сиріи отдали Цинцію, военную Корбулону; изъ Панноніи посланъ къ нему 15-й легіонъ, подъ командою Марія Цельса. Тетрархамъ, царямъ, префектамъ, прокураторамъ, преторамъ пограничныхъ провинцій предписали повиноваться Корбулону: власть его возрасла до той степени, на которой была власть Кнея Помпея, когда римскій народъ уполномочилъ его вести войну съ пиратами.

Возвратившись въ Римъ, Петъ со страхомъ ожидалъ своей участи, но Цезарь ограничился презрительнымъ сарказмомъ.

— Я тебѣ сейчасъ же прощаю, сказалъ онъ, а то, при твоей трусости, ты можешь заболѣть отъ безпокойства.

26.

Корбулонъ отозвалъ въ Сирію 4-й и 12-й легіоны, которые лишились лучшихъ людей и пали духомъ, такъ что казались вовсе неспособны сражаться, и повелъ въ Арменію 6-й и 3-й, бывшіе въ полномъ комплектѣ и испытавшіе много успѣшныхъ дѣлъ и трудовъ. Къ нимъ присоединилъ онъ 5-й легіонъ, находившійся въ Понтѣ и потому не участвовавшій въ пораженіи, вновь прибывшій 15, избранные отряды изъ Иллиріи и Египта, и вспомогательныя войска царей, собранныя въ Мелитенѣ, гдѣ онъ хотѣлъ переходить чрезъ Евфратъ. Созвавъ войско и благословивъ его по обыкновенію, онъ сказалъ великолѣпную рѣчь о величіи императора и своихъ побѣдахъ, приписывалъ всѣ несчастія невѣжеству Пета, и увлекъ всѣхъ своею славою, которая въ военномъ человѣкѣ замѣняетъ красноречіе.

27.

Онъ пошолъ по той самой дорогѣ, по которой шелъ когда то Луцій Лукуллъ, приказывая расчищать заглохшія отъ времени мѣста. Вскорѣ отъ Тиридата и Вологеза прибыли послы съ мирными предложеніями. Онъ не отвергъ ихъ и отправилъ къ нимъ центуріоновъ съ довольно умѣренными инструкціями.

— Еще дѣло не такъ далеко зашло, должны они были сказать, чтобы война была неизбѣжна. Много разъ побѣждали Римляне, иногда и Парѳяне; обоюдныя пораженія должны быть урокомъ высокомѣрію. По этому и для Тиридата гораздо выгоднѣе получить въ даръ царство, еще не раззоренное опу-

стошеніями, и Вологезъ принесетъ гораздо болѣе пользы своему народу, помирясь съ Римлянами, нежели нанося другъ другу вредъ. Намъ извѣстны и внутренніе раздоры ваши, и неукротимость, и буйный духъ народовъ, которыми Вологезъ повелѣваетъ. У нашего же императора повсюду миръ и тишина, и намъ придется поддерживать только эту одну войну.

Дѣйствуя совѣтами и страхомъ, Корбулонъ въ тоже время изгоняетъ изъ жилищъ Арменскихъ вельможъ, которые отложились отъ насъ прежде всѣхъ, и предаетъ огню ихъ замки; и въ долинахъ и на горахъ, и у сильныхъ и у слабыхъ вселяетъ онъ ужасъ.

28.

Имя Корбулона не было враждебно и ненавистно даже для варваровъ; они были увѣрены въ чистосердечіи его совѣта. Вологезъ не былъ склоненъ къ крайнимъ мѣрамъ и просилъ прекращенія военныхъ дѣйствій въ кое какихъ префектурахъ. Тиридатъ просилъ назначить день и мѣсто для переговоровъ. Варвары положили самый короткій срокъ, а мѣстомъ сходки назначили въ воспоминаніе своей побѣды то самое, гдѣ осажденъ былъ Петъ съ легіонами. Корбулонъ не противился этому, полагая, что контрастъ еще болѣе возвыситъ его славу. Онъ не боялся унижать Пета: это было очевидно, когда онъ отправилъ сына его, трибуна, съ манипулами на мѣсто пораженія хоронить убитыхъ. Въ назначенный день знатный римскій всадникъ Тиберій Александръ, данный Корбулону въ помощники, и зять Корбулона Вивіанъ Анній, еще не достигшій сенаторскихъ лѣтъ, но уже легатъ пятаго легіона, пришли въ лагерь къ Тиридату и, изъ уваженія къ нему, остались тамъ заложниками, чтобы онъ не боялся засады. Тиридатъ и Корбулонъ взяли съ собою по двадцати всадниковъ. Завидѣвъ Корбулона, царь первый слѣзъ съ лошади:

Корбулонъ тотачсъ сдѣлалъ тоже, и они пожали другъ другу руки.

29.

Римскій полководецъ сталъ хвалить Тиридата, что, не смотря на свою молодость, онъ предпочелъ безопасный и спасительный путь и отказался отъ необдуманныхъ средствъ. Тиридатъ много говорилъ о знаменитости своего рода, но, поунявъ спѣси, докончилъ словами:

— Я готовъ ѣхать въ Римъ, и принести Цезарю новую славу: предъ нимъ склонится Арзацидъ, не побѣжденный въ войнѣ.

Рѣшено было, что Тиридатъ положитъ у статуи Нерона всѣ царскія регаліи и возметъ ихъ не иначе, какъ изъ рукъ самаго Нерона. Совѣщаніе кончилось поцѣлуемъ. Чрезъ нѣсколько дней происходило великое зрѣлище: съ одной стороны выстроилась Пароянская конница, во всемъ національномъ убранствѣ, съ другой строи легіоновъ блистали орлами и значками, статуи боговъ были между ними какъ во храмѣ. Въ срединѣ было возвышеніе, на возвышеніи стояло курульное кресло, на креслѣ — статуя Нерона. Тиридатъ принесъ по обыкновенію жертвы, подошелъ къ статуѣ и, снявъ съ головы корону, повергъ ее къ стопамъ Цезаря. Зрѣлище это глубоко подѣйствовало на всѣхъ, тѣмъ болѣе, что со всѣхъ сторонъ бросались въ глаза слѣды римскаго пораженія и осады.

— Какъ измѣнились обстоятельства! Тиридатъ, униженный, чуть не плѣнный, даетъ себя на показъ всѣмъ народамъ.

30.

Удовлетворивъ славѣ, Корбулонъ заплатилъ дань вѣжливости и задалъ пиръ, отвѣчалъ съ готовностью Тиридату на его распросы о неизвѣстныхъ ему предметахъ: о центуріо-

нахъ, докладывавшихъ о смѣнѣ часовыхъ, о трубныхъ звукахъ при окончаніи пиршества, о жертвенникѣ, воздвигнутомъ предъ авгураломъ, объ огняхъ, которые на немъ горѣли. Корбулонъ все преувеличивалъ, и царь остался въ восторгѣ отъ нашихъ древнихъ обычаевъ. На другой день онъ испросилъ позволеніе, передъ отправленіемъ въ такой дальній путь, повидаться съ братьями и матерью и далъ въ залогъ свою дочь, а къ Нерону написалъ почтительное письмо.

31.

Онъ побывалъ въ Медіи у Пакора, оттуда поѣхалъ въ Экбатану къ Вологезу, который очень заботился о дѣлахъ брата. Онъ отъ себя лично посылалъ просить Корбулона, чтобы не подвергали Тиридата никакимъ унизительнымъ формамъ, чтобы не отнимали у него меча, чтобы начальники провинцій принимали его съ объятіями, чтобы не заставляли его ждать у входовъ, а въ Римѣ приняли бы его какъ консула. Привыкши къ восточному раболѣпію, онъ не могъ понять нашихъ обычаевъ, не зналъ, что для насъ важна сущность власти, но что мы презираемъ пустую внѣшность.

32.

Въ этомъ году Неронъ распространилъ латинское право на приморскія Альпійскія націи; римскимъ всадникамъ далъ въ циркѣ почетныя мѣста передъ народомъ. До тѣхъ поръ они садились какъ попало, потому что законъ Росція говорилъ только о четырнадцати скамьяхъ въ театрѣ. Въ томъ же году даны были гладіаторскія игры, не уступавшія прежнимъ въ великолѣпіи. Но знатныя женщины и сенаторы унизили себя появленіемъ на сценѣ.

818,—65.

33.

При консулахъ Каѣ Леканiѣ и Маркѣ Лицинiѣ, страсть Нерона показываться на сценѣ публичныхъ театровъ усилилась. До сихъ поръ онъ пѣлъ только дома, въ своихъ садахъ, во время Ювенальскихъ игръ, теперь сталъ онъ считать ихъ тѣснымъ и недостаточнымъ поприщемъ для такого голоса. Но не рѣшаясь дебютировать въ Римѣ, избралъ онъ для этого Неаполь, почти греческiй городъ.

— Тамъ, думалъ онъ, начну я; поѣду въ Грецiю, получу знаменитые и священные древнiе вѣнцы, и слава моя возбудитъ энтузiасмъ римскихъ гражданъ.

Собрали толпу горожанъ, слухъ о предстоявшемъ торжествѣ привлекъ много народу изъ сосѣднихъ колонiй и муниципiй, къ этой массѣ присоединилась почетная и обыкновенная свита Нерона, даже манипулы солдатъ,—и неаполитанскiй театръ былъ полонъ.

34.

Тутъ случилось происшествiе, не передъ добромъ, какъ думали иные, но по мнѣнiю Нерона предвѣщавшее удачи и счастiе. Какъ только вышелъ народъ изъ театра, зданiе обрушилось, не причинивъ никому вреда. Неронъ воспѣлъ въ стихахъ собственнаго сочиненiя благодарность богамъ и даже счастiе этого событiя. Намѣреваясь переправиться чрезъ Адрiатическое море, онъ остановился мимоходомъ въ Беневентѣ, гдѣ Ватинiй давалъ знаменитыя гладiаторскiя представленiя. Ватинiй принадлежалъ къ ужаснѣйшимъ явленiямъ Неронова двора. Воспитанный въ лавкѣ башмачника, безобразный тѣломъ, подлый шутъ, онъ сначала служилъ посмѣши-

щемъ на потѣху придворныхъ, потомъ своими доносами на лучшихъ людей, онъ достигъ милостей, богатства и силы, которыя злоупотреблялъ болѣе, нежели всѣ мерзавцы того вѣка.

35.

Неронъ дѣятельно посѣщалъ эти представленія, но предаваясь наслажденіямъ, онъ не переставалъ губить. Въ это самое время захотѣлъ онъ умертвить Торквата Силана, потому что онъ происходилъ изъ знаменитаго рода Юніевъ и даже Августа считалъ въ числѣ своихъ предковъ. Доносчикамъ приказано обвинить его въ расточительности на подарки, которыхъ очевидная цѣль заключалась въ заговорѣ; въ томъ, что онъ былъ окруженъ людьми, которыхъ называлъ секретарями, казначеями и управителями — названія приличныя людямъ, служащимъ государю и обнаруживающія его планы и злоумышленія. Перехватали и посажали въ тюрьму всѣхъ приближенныхъ къ нему отпущенниковъ. Въ ожиданіи приговора Торкватъ открылъ себѣ вены на рукахъ, а Неронъ не преминулъ сказать, что хотя онъ и былъ виновенъ и не долженъ былъ надѣяться на оправданіе, но что былъ бы помилованъ, если бы подождалъ верховнаго рѣшенія.

36.

Немного спустя, неизвѣстно почему, отложилъ онъ свое путешествіе въ Грецію, возвратился въ Римъ, и воображеніе его разгоралось при мысли о восточныхъ провинціяхъ, а въ особенности о Египтѣ. Издавъ указъ, въ которомъ говорилъ, что отлучка его будетъ непродолжительна, и что благоденствіе республики отъ этого не потерпитъ, онъ пошелъ въ капитолій молиться о благополучномъ путешествіи. Поклонившись богамъ, онъ вошелъ въ храмъ Весты, внезапно задрожалъ всѣми членами, оттого ли что не смѣлъ взглянуть на бо-

гиню, оттого ли что страхъ возмездія за всѣ злодѣянія не покидалъ его ни на мгновеніе, и отложилъ намѣреніе, говоря, что для него нѣтъ ничего священнѣе любви къ отечеству; что онъ видѣлъ печаль на лицахъ гражданъ, слышалъ ихъ тайныя жалобы на такое далекое путешествіе; что знаетъ, какъ для нихъ тягостна даже малѣйшая его отлучка. Они привыкли видѣть въ присутствіи государя вѣрное средство противъ непредвидѣнныхъ бѣдствій. Какъ въ частныхъ отношеніяхъ на ближайшихъ родственникахъ лежатъ большія обязанности, такъ и онъ не смѣетъ идти противъ общей воли народа и остается.— Народу очень понравились такія рѣчи, потому что народъ всегда жаденъ до удовольствій, и, что еще важнѣе, боялся, чтобы въ отсутствіе Нерона не произошло недостатка въ хлѣбѣ. Сенатъ и вельможи не знали еще, гдѣ Неронъ ужаснѣе, издали или вблизи, и потому, какъ страхъ все видитъ въ черномъ цвѣтѣ, считали дѣйствительность за худшее.

37.

Желая убѣдить народъ, что нѣтъ для него ничего пріятнѣе, какъ оставаться въ Римѣ, Неронъ сталъ давать пиры на площадяхъ, какъ будто бы весь городъ былъ его дворцомъ. Я упомяну только для примѣра о знаменитомъ роскошномъ пирѣ, которымъ распоряжался Тигеллинъ, чтобы уже не возвращаться къ разсказу объ этихъ безпутствахъ. На озерѣ Агриппы построенъ былъ плотъ, на которомъ совершалось пиршество; этотъ плотъ былъ прикрѣпленъ къ другимъ судамъ, которыя его везли; суда эти блистали золотомъ и слоновою костью. Гребцами были дворцовые развратники, разсаженные по возрасту и утонченности ихъ распутства; со всѣхъ концовъ земли и моря привезли птицъ, дикихъ звѣрей и рыбъ. По окраинѣ пруда построены были притоны разврата, наполненные знат-

ными женщинами; насупротивъ выставляли себя на показъ публичныя женщины, совершенно нагія. Начались безпутныя движенія и танцы; а когда смерклось, всѣ ближнія рощи и кровли засверкали тысячью огней и огласились пѣніемъ. Неронъ предавался такому чудовищному разврату, что, казалось, грязнѣе ничего нельзя бы придумать, если бы черезъ нѣсколько дней онъ не вздумалъ торжественно праздновать свою свадьбу съ однимъ изъ толпы подлыхъ развратниковъ, Пиѳагоромъ. Надѣли на императора ѳламмеумъ, всѣ обряды были соблюдены, всѣ видѣли приданое, брачное ложе и брачные ѳакелы: все было совершено всенародно, даже то, что и съ женщинами скрывается во мракѣ ночи.

38.

А тутъ случилось бѣдствіе; неизвѣстно, было ли то преступленіе Цезаря или простая случайность, писатели говорятъ объ этомъ различно. Никогда еще огонь не причинялъ Риму такого страшнаго, ужаснаго вреда. Пожаръ начался въ части цирка, смежной съ Палатинскимъ и Целійскимъ холмами. Огонь внезапно распространился по лавкамъ, наполненнымъ легко воспламеняемыми товарами и, раздуваемый вѣтромъ, съ яростью охватилъ весь циркъ. Небыло тамъ ни дома, огражденнаго заборомъ, ни храма, окруженнаго стѣнами, никакого другого препятствія. Быстро распространяясь, пламя охватило сначала всю площадь, поднялось на вершину холма, снова спустилось съ него. Помощь была невозможна, какъ по причинѣ слишкомъ скораго распространенія огня, такъ и потому, что искривленныя во всѣ стороны тѣсныя улицы и огромныя зданія препятствовали движенію въ древнемъ Римѣ. Къ тому же вопли испуганныхъ женщинъ, толпы дряхлыхъ стариковъ и безсильныхъ дѣтей, растерявшіеся жители на-

полняли и стѣсняли все; кто думалъ о себѣ, кто о другихъ; одни выносили или дожидались больныхъ, другіе стояли неподвижно, третьи суетились: не было возможности распоряжатся. Иной оглядывался назадъ, а между тѣмъ пламя охватывало его спереди и сбоку; иной бѣжалъ въ сосѣднюю часть города — но пламя было уже тамъ; нѣкоторые думали, что они уже далеко, и также попадались. Наконецъ, незная, куда скрыться, куда бѣжать, они наполняютъ улицы, покрываютъ поля; одни, потерявъ все достояніе, неимѣя даже дневнаго пропитанія, бросаются въ огонь; другіе, не смотря на то, что могутъ спастись, погибаютъ изъ любви къ ближнимъ, которыхъ не могли выручить изъ огня. Никто даже не смѣлъ защищаться отъ пламени, совсѣхъ сторонъ грозные голоса запрещали тушить пожаръ, нѣкоторые явно бросали на дома зажженные факелы, крича, что это имъ приказано, можетъ быть для того, чтобы имъ удобнѣе было грабить, а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ по приказанію.

39.

Въ это время Неронъ находился въ Анціумѣ и пріѣхалъ въ Римъ не прежде, какъ когда огонь сталъ приближаться къ его дому, соединявшему дворецъ съ садами Мецената. Но нельзя уже было отстоять ни этого дома, ни дворца, ни окружающихъ зданій. Въ утѣшеніе бездомному и блуждающему народу, Неронъ приказалъ открыть Марсово поле, монументы Агриппы и даже свои собственные сады; построить на скорую руку временныя зданія для помѣщенія обнищавшей толпы; привести домашнюю мебель и утварь изъ Остіи и ближайшихъ муниципій и сбавить цѣну на хлѣбъ до трехъ сестерцій. Всѣ эти мѣры, не смотря на благонамѣренность, не подѣйствовали на народъ, потому что распространился слухъ, будто въ самый разгаръ пожара Неронъ выступилъ на домашній театръ и пѣлъ о погибели Трои, сравнивая настоящее бѣдствіе съ этимъ древнимъ несчастіемъ.

40.

Наконецъ, на шестой день, пожаръ кончился у подошвы Эсквилинскаго холма. Множество зданій разрушили, чтобы отнять пищу у огня и противупоставить его алчности открытое поле, пустой воздухъ. Но только что оправились отъ страха, пламя снова разыгралось, хотя на этотъ разъ слабѣе, такъ какъ оно заняло открытыя мѣста, и потому толпа народа не такъ стѣсняла дѣйствіе. Всего больше пострадали храмы и портикъ, назначенный для прогулки. Этотъ второй пожаръ усилилъ подозрѣнія, потому что начался во владѣніяхъ Тигеллина Эмиліана. Думали, что Неронъ хочетъ обезсмертить себя, создавъ новый городъ и давъ ему свое имя. Римъ раздѣляется на четырнадцать кварталовъ; изъ нихъ только четыре остались въ цѣлости; три совершенно сравнялись съ землею, семь остальныхъ представляли рѣдкіе остатки зданій, разрушенныхъ и обгорѣлыхъ.

41.

Невозможно опредѣлить число сгорѣвшихъ домовъ, дворовъ и храмовъ; древнѣйшія капища, какъ то храмъ Луны, построенный Сервіемъ Тулліемъ, великій жертвенникъ и храмъ, воздвигнутый Аркадійцемъ Эвандромъ въ честь Геркулеса, бывшаго тогда въ Италіи; храмъ Юпитера Статора, посвященный Ромуломъ, дворецъ Нумы, капища Весты и римскихъ Пенатовъ — все это сгорѣло. А сокровища, плоды столькихъ побѣдъ; греческія произведенія искуствъ, рукописи, памятники древнихъ неиспорченныхъ умовъ; — много погибло такого, что помнятъ старики, и что не вознаградится никакимъ великолѣпіемъ возродившагося Рима. Нѣкоторые замѣтили, что пожаръ этотъ начался въ 14 календы августа, въ тотъ

же день, въ который Сеноны сожгли взятый ими Римъ; другіе сосчитали даже, что до перваго пожара отъ начала Рима прошло какъ разъ столько же лѣтъ, мѣсяцевъ и дней, какъ отъ перваго до второго.

42.

Неронъ на развалинахъ Рима построилъ дворецъ, который изумлялъ взоры не блескомъ золота и драгоцѣнныхъ камней, это были украшенія обыкновенныя и давно извѣстныя, но тѣмъ, что внутри него были поля и озера, тутъ густой лѣсъ, а тамъ открытое пространство и проспектъ; архитекторы и машинисты были Северъ и Целеръ; ихъ дерзкій умъ хотѣлъ произвести искуственно то, что противно законамъ природы и смѣется надъ богатствами Нерона. Они обѣщали прорыть судоходный каналъ отъ Авернскаго озера до устьевъ Тибра, чрезъ безплодный берегъ, чрезъ горы, гдѣ не откуда было провести воду для наполненія этого канала, развѣ только изъ Понтійскихъ болотъ; вся остальная мѣстность была возвышенна и камениста; можетъ быть и можно бы было прорыться съ неутомимымъ трудомъ, но не было бы никакой пользы. Однакожъ Неронъ, любившій блеснуть всѣмъ невѣроятнымъ, приказалъ прокапывать ближнія верхушки Авернскихъ горъ, и до сихъ поръ видны тамъ слѣды безплодныхъ работъ.

43.

Что осталось не занятымъ дворцомъ, обстроилось не такъ, какъ послѣ Галльскаго пожара, какъ попало и гдѣ попало, но по впередъ размѣренному плану; улицы стали прямы и широки, дворы открыты, дома не выше опредѣленной мѣры, фасадъ ихъ долженъ былъ украшаться портиками. Неронъ обѣщалъ построить эти портики на свой счетъ, и отдать владѣльцамъ дворы, уже очищенные отъ развалинъ. Къ этому при-

совокупилъ онъ еще денежное вспомоществованіе, соразмѣрное со званіемъ и богатствомъ каждаго, и назначилъ срокъ, въ который должны быть отстроены дома. Онъ приказалъ заваливать мусоромъ Остійскія болота, и корабли, привозившіе въ Римъ хлѣбъ, должны были на обратномъ пути свозить его туда. Въ извѣстныхъ частяхъ города зданія приказано было строить безъ балокъ, изъ одного Габинскаго или Албанскаго камня, извѣстнаго своею огнеупорностью. Надъ водою приставлены особенные надсмотрщики, которые должны были смотрѣть, чтобы кто нибудь изъ частныхъ видовъ не пересѣкъ ея, чтобы она была въ бо̀льшемъ количествѣ и въ многочисленнѣйшихъ мѣстахъ, и чтобы каждый имѣлъ подъ рукою средство гасить пожаръ. Запрещено было строить общія стѣны, но всякій доженъ былъ обводить свое зданіе особенною. Эти полезныя распоряженія придали городу красоту. Впрочемъ нѣкоторые думали, что древній видъ города былъ гораздо лучше для здоровья, потому что земныя испаренія задерживались тѣснотою улицъ и высотою зданій, а теперь городъ широко раскинутъ, не защищенъ никакою тѣнью, и подверженъ жгучему дѣйствію солнечныхъ лучей.

44.

Таковы были мѣры, предписанныя человѣческою предусмотрительностью. Стали умилостивлять боговъ, и, по совѣту книгъ Сибиллы, торжественно поклонялись Вулкану, Церерѣ и Прозерпинѣ; римскія матроны молились Юнонѣ, сначала въ капитоліѣ, послѣ на берегу моря; почерпнувъ оттуда воды, увлажали онѣ храмъ и статую; замужнія женщины давали священныя пиршества и сторожили въ храмахъ. Но ни человѣческая помощь, ни безкорыстная щедрость Нерона, ни даже милость боговъ не могли уничтожить въ народѣ убѣжде-

нія, что пожаръ произошелъ по повелѣнію Нерона. Чтобы уничтожить эти слухи, онъ пріискалъ мнимыхъ преступниковъ, и умертвилъ въ страшныхъ истязаніяхъ такъ называемыхъ Христіанъ, которыхъ всѣ ненавидѣли за черныя дѣла. Они получили это имя отъ Христа, который, въ царствованіе Тиберія, казненъ былъ прокураторомъ Понтіемъ Пилатомъ. Эта пагубная секта была сначала уничтожена, но послѣ снова распространилась, не только по Іудеѣ, гдѣ получила начало, но даже въ Римѣ, гдѣ образовался центръ ихъ постыдныхъ и преступныхъ дѣлъ. Сначала арестовали тѣхъ, которые признавались, что принадлежатъ къ числу Христіанъ, потомъ, по ихъ указанію, безчисленное множество людей, виновныхъ вовсе не въ поджигательтвѣ, а въ ненависти къ роду человѣческому[1]). Къ казни прибавили еще посмѣяніе, надѣвали на нихъ звѣриныя шкуры и травили собаками, распинали на крестахъ, жгли по ночамъ, вмѣсто фонарей. Неронъ далъ для этого зрѣлища свои сады и праздновалъ игры въ циркѣ, смѣшиваясь съ народною толпою въ кучерскомъ костюмѣ или сидя на колесницѣ. Поневолѣ возбуждалось чувство состраданія къ этимъ людямъ, которые хотя и были виновны и достойны казни, но погибали не для государственной пользы, а для удовлетворенія жестокости тирана.

45.

Между тѣмъ отовсюду свозили деньги, и Италія, различныя провинціи, союзные народы и такъ называемыя свобод-

[1]) Тацитъ писалъ о христіанахъ по ходившимъ тогда о нихъ слухамъ. Въ какой степени эти понятія о христіанахъ того времени недостовѣрны, можно видѣть изъ письма Плинія младшаго къ Траяну, гдѣ этотъ писатель опровергаетъ тогдашнія предубѣжденія противъ христіанъ. Plin. ep. ad Traj. X, 97.

ныя государства нищали. Обобрали даже сокровища боговъ, разграбили храмы въ Римѣ, похитили золото, посвященное богамъ во все продолженіе существованія Рима, въ счастіи и несчастіи. Въ Азіи и Греціи брали не только деньги, но похищали самыя статуи боговъ; туда посланы были отпущенникъ Акратъ, способный на всякое злодѣяніе, и Секундъ Каринатъ, который умѣлъ хорошо говорить о правилахъ греческой философіи, но не заботился о томъ, чтобы прилагать ихъ къ дѣлу. Говорятъ, что Сенека, желая отвратить отъ себя подозрѣнія въ этихъ святотатствахъ, просилъ позволенія уѣхать въ отдаленную деревню, и когда ему не позволили, представился больнымъ подагрою, и не выходилъ изъ спальни. Разсказываютъ еще, что отпущенникъ его Клеоникъ, по приказанію Нерона, приготовилъ для него ядъ, но что Сенеку спасло признаніе отпущенника, или собственная его предусмотрительность, потому что вся его пища состояла изъ нѣкоторыхъ земныхъ плодовъ, и не пилъ онъ ничего, кромѣ ключевой воды.

46.

Около этого времени гладіаторы въ городѣ Пренестѣ взбунтовались, но тотчасъ же были укрощены гарнизономъ. А народъ, всегда жадный до переворотовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ боящійся ихъ, говорилъ уже о Спартакѣ и ужасахъ старыхъ годовъ. Нѣсколько дней спустя узнали о погибели флота. Это не было сраженіе, никогда еще не бывало такого невозмутимаго мира, какъ въ то время; но Неронъ приказалъ привести флотъ въ Кампанію къ извѣстному дню, не смотря ни на какія препятствія. Море было бурно, но кормчіе должны были отчалить отъ Формій, и при объѣздѣ Мизенскаго мыса сильный порывъ южнаго вѣтра выбросилъ ихъ на берега Кумы. Погибло нѣсколько триремъ и множество мелкихъ судовъ.

47.

Въ концѣ года разнесся слухъ о чудесахъ, предвѣщавшихъ неизбѣжныя бѣдствія. Никогда еще не бывало такихъ жестокихъ грозъ; появилась комета, которой Неронъ всегда приносилъ въ жертву какую нибудь знаменитую кровь. На улицахъ находили двуглавыхъ младенцевъ и дѣтенышей животныхъ; ихъ находили даже въ чреватыхъ самкахъ, которыхъ по обычаю хотѣли приносить въ жертву. Близь Плаценціи, возлѣ дороги, родился теленокъ съ головою на голени, и гаруспики объясняли это такъ, что голова эта означаетъ новую главу государства; но что она не успѣетъ усилиться, оставаясь въ тайнѣ, потому что была уже сдавлена въ утробѣ матери и родилась на краю большой дороги.

819,—66.

48.

Вступили въ консульство Силій Нерва и Аттикъ Вестинъ. При нихъ начался и усилился заговоръ, въ который охотно вступали сенаторы, всадники, солдаты, даже женщины, частью изъ ненависти къ Нерону, частью изъ привязанности къ Каю Пизону. Пизонъ происходилъ изъ рода Кальпурніевъ и находился въ родствѣ со многими знатными именами Рима; народъ хвалилъ его за доблестныя качества, или, правильнѣе, за наружный видъ, очень похожій на эти качества. Онъ употреблялъ свое краснорѣчіе на защиту подсудимыхъ; щедрый для друзей, онъ былъ ласковъ и обходителенъ даже съ незнакомыми; къ этому присоединялись случайныя качества: онъ былъ богатъ, строенъ, красивъ собой; но далека

была отъ него строгость нравовъ, или воздержность: онъ любилъ нѣгу, великолѣпіе, наслажденія, не прочь былъ и покутить. Многимъ это нравилось; любя наслажденія, они не желали подчиниться строгому и взыскательному правителю.

49.

Не его властолюбіе породило заговоръ; я даже не могу сказать навѣрное, кто былъ первый зачинщикъ, кто прежде всѣхъ задумалъ это дѣло, въ которомъ было столько участниковъ. Самые упорные заговорщики были Субрій Флавій, трибунъ преторіанской когорты, и Сульпицій Аспръ, центуріонъ: это доказала ихъ мужественная смерть. Луканъ Анней и назначенный въ консулы Плавтій Латеранъ принесли на пользу заговора свою непримиримую ненависть. Лукана раздражало самолюбіе, потому что Неронъ затмѣвалъ славу его стиховъ и изъ пустой зависти запретилъ ему издавать ихъ. Латеранъ не былъ ничѣмъ оскорбленъ; онъ дѣйствовалъ изъ любви къ отечеству. Даже сенаторы, Флавій Сцевинъ и Афраній Квинктіанъ, противъ всякаго ожиданія, приняли дѣятельное участіе въ заговорѣ. Сцевинъ отупѣлъ отъ распутства, и жизнь его была вѣчная спячка; Квинктіанъ, низкій развратникъ, хотѣлъ отмстить Нерону за стихотвореніе, въ которомъ онъ его осмѣялъ.

50.

Заговорщики жаловались безпрестанно одинъ другому и своимъ друзьямъ на жестокости Нерона, говорили, что пора съ нимъ покончить и избрать человѣка, способнаго спасти государство отъ погибели, — и вовлекли въ предпріятіе Туллія Сенеціона, Церварія Прокула, Вулкація Арарикса, Юлія Тугурина, Мунація Грата, Антонія Наталиса и Марція Феста;

все это были римскіе всадники. Сенеціонъ, одинъ изъ самыхъ приближенныхъ людей къ Нерону, пользовавшійся еще наружнымъ видомъ дружбы и благоволенія, рисковалъ болѣе всѣхъ; Наталисъ былъ повѣренный всѣхъ тайнъ Пизона; прочіе желали воспользоваться переворотомъ изъ личныхъ видовъ. Кромѣ Субрія и Сульпиція, о которыхъ выше упомянуто, заговорщики надѣялись на военную помощь отъ преторіанскихъ трибуновъ Гранія Сильвана и Стація Проксима и центуріоновъ Максима Скавра и Венета Павла. Но главная сила заключалась повидимому въ префектѣ Феніѣ Руфѣ; на Нерона сильнѣе дѣйствовали жестокость и безстыдство Тигеллина, нежели похвальная жизнь и добрая слава Руфа; Тигеллинъ утомлялъ его безпрестанными обвиненіями, часто даже приводилъ въ страхъ, говоря, что Феній былъ въ связи съ Агриппиною и только и думаетъ о томъ, какъ бы отмстить за ея смерть. Заговорщики, убѣдившись, что преторіанскій префектъ на ихъ сторонѣ, потому что онъ безпрестанно увѣрялъ ихъ въ этомъ, стали уже разсуждать о томъ, гдѣ и какъ убить Нерона. Говорятъ, что Субрій Флавій пытался уже умертвить его, когда онъ пѣлъ на сценѣ, и когда во время пожара ходилъ ночью вездѣ безъ всякой свиты. Тутъ подстрекала его беззащитность Нерона, тамъ, напротивъ того, льстила ему гласность такого множества зрителей: но желаніе остаться безнаказаннымъ остановило его, какъ и всегда останавливаетъ оно большія предпріятія.

51.

Пока они медлили да откладывали, предаваясь то страху, то надеждѣ, женщина, по имени Эпихарисъ, не переставала ихъ подстрекать и разжигать; неизвѣстно, что побуждало ее къ этому; до тѣхъ поръ поведеніе ея не отличалось честностью. Наконецъ надоѣла ей эта медленность. Будучи въ Кам-

паніи, стала она уговаривать и увлекать начальниковъ Мизенскаго флота и взялась за это дѣло слѣдующимъ образомъ. Былъ въ этомъ флотѣ хиліархъ Волузій Прокулъ, который участвовалъ въ убіеніи матери Нерона и считалъ себя недостаточно вознагражденнымъ за свои услуги. Зналъ ли онъ прежде эту женщину, или недавно съ нею познакомился, какъ бы то ни было, онъ разсказалъ ей и о своихъ услугахъ Нерону, и о томъ, какъ онѣ были забыты, жаловался на такую несправедливость, и говорилъ, что отмстилъ бы ему, представься только случай. Эпихарисъ понадѣялась вовлечь его въ заговоръ, а вмѣстѣ съ нимъ и другихъ. Помощь флота была немаловажна, и могла доставить много удобныхъ случаевъ, потому что Неронъ часто прогуливался по морю между Путеолами и Мизеномъ. Эпихарисъ рѣшилась открыться, описала всѣ преступленія Нерона.

— Сенатъ ничего не можетъ сдѣлать, продолжала она; но уже задумано, какъ наказать виновника погибели государства; обѣщай только помогать и склонить къ участію храбрѣйшихъ матросовъ, и получишь достойное вознагражденіе.

Однакожъ она не назвала заговорщиковъ, и Прокулъ не могъ никого выдать, хотя тотчасъ же донесъ Нерону о томъ, что слышалъ. Призвали Эпихарисъ, и на очной ставкѣ она тѣмъ удобнѣе утверждала, что все это клевета, что разговоръ происходилъ безъ свидѣтелей. Но ее все таки посадили подъ стражу, потому что, не смотря на отсутствіе доказательствъ, Неронъ подозрѣвалъ, что доносъ справедливъ.

52.

Заговорщики, устрашась доноса, рѣшились поспѣшить и положили убить Нерона у Байй, въ виллѣ Пизона, куда онъ часто ѣздилъ наслаждаться природой, купаться и пировать,

при чемъ распускалъ караулъ и всю свиту. Но Пизонъ не согласился на это.

— Было бы преступно, говорилъ онъ, осквернить святость стола и боговъ гостепріимства убійствомъ главы республики, каковъ бы онъ ни былъ. Лучше въ городѣ, въ этомъ ненавистномъ домѣ, выстроенномъ на счетъ разграбленныхъ гражданъ, или же въ публичномъ мѣстѣ совершить то, что предпринято для республики.

Такъ говорилъ онъ, но въ самомъ дѣлѣ боялся тайно, чтобы не овладѣлъ престоломъ Луцій Силанъ, котораго знатное рожденіе и воспитаніе подъ надзоромъ Кая Кассія, поставили на высшую точку славы; тѣмъ болѣе, что ему бы подали помощь всѣ тѣ, которые не участвовали въ заговорѣ и стали бы сожалѣть о Неронѣ, погибшемъ отъ преступной руки. Многіе полагаютъ еще, что Пизонъ боялся предпріимчиваго духа консула Вестина, который могъ бы склонить народъ къ прежней вольности, или къ избранію новаго императора, обязаннаго всѣмъ ему одному. Вестинъ не былъ участникомъ заговора, хотя Неронъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы удовлетворить своей закоренѣлой ненависти, и казнилъ его безъ вины, за мнимое въ немъ участіе.

53.

Наконецъ назначили они привести въ исполненіе свои замыслы въ день, посвященный Церерѣ, во время игръ въ циркѣ. Цезарь рѣдко выходилъ изъ дому и почти всегда сидѣлъ въ заперти въ своемъ дворцѣ и садахъ, но циркъ посѣщалъ часто, и среди веселаго пиршества удобнѣе было къ нему подойти. Они постановили дѣйствовать слѣдующимъ порядкомъ. Латеранъ долженъ былъ подойти къ нему, какъ бы желая просить вспомоществованія, съ мольбами броситься къ ногамъ

его, и, опрокинувши внезанно, придавить къ землѣ: онъ былъ храбръ и крѣпко сложенъ. Тогда должны были сбѣжаться трибуны, центуріоны, и другіе заговорщики, кто посмѣлѣе, и убить его прежде, чѣмъ успѣетъ подняться и защититься. Сцевинъ испрашивалъ себѣ честь нанести первый ударъ: онъ вынесъ кинжалъ изъ храма Блага въ Этруріи или, какъ говорятъ другіе, изъ храма Фортуны въ Ферентѣ, и держалъ при себѣ, какъ священное орудіе, предназначенное для великаго дѣла. Между тѣмъ Пизонъ долженъ былъ дожидаться у храма Цереры, откуда префектъ Феній и другіе должны были вести его въ лагерь, въ сопровожденіи Антоніи, дочери Клавдія, для того, чтобы склонить на свою сторону народъ. Такъ разсказываетъ Кай Плиній. Мы рѣшились не пропускать ни одного сказанія, хотя кажется невѣроятно, чтобы Антонія рѣшилась изъ несбыточной надежды рисковать своимъ именемъ и жизнью, или чтобы Пизонъ, извѣстный своею любовью къ женѣ, связалъ себя новымъ супружествомъ: впрочемъ можетъ быть нѣтъ страсти сильнѣе властолюбія.

54.

Удивительно, какъ между такимъ множествомъ людей, всѣхъ сословій, возрастовъ, обоего пола, богачей и бѣдныхъ, все покрыто было глубокою тайною. Наконецъ въ домѣ у Сцевина нашелся доносчикъ. Накапунѣ назначеннаго дня Сцевинъ долго говорилъ съ Антоніемъ Наталисомъ, потомъ, пришедши домой, подписалъ завѣщаніе, и выпувъ изъ ноженъ кинжалъ, о которомъ я выше упоминалъ, съ досадою замѣтилъ, что онъ притупился отъ старости, и далъ его наточить на оселкѣ и выполировать остріе отпущеннику Милиху. Затѣмъ далъ онъ пиръ, богаче обыкновеннаго, отпустилъ лучшихъ слугъ на волю, другимъ подарилъ денегъ, а самъ очевидно

былъ задумчивъ и чѣмъ то сильно занятъ, хотя и старался казаться веселымъ, поддерживая безсвязный разговоръ. Наконецъ приказалъ онъ тому же Милиху приготовить перевязки для ранъ и для прекращенія кровотеченія. Неизвѣстно, зналъ ли Милихъ о заговорѣ, и оставался вѣренъ до этого дня, или, какъ многіе утверждаютъ, ни о чемъ не зналъ и тутъ только въ первый разъ всѣ эти особенности возбудили его подозрѣніе. Но какъ только его рабская душа увидѣла возможность награды за измѣну, поняла, что ее ждетъ богатство и сила, онъ позабылъ и долгъ свой, и счастіе господина, и полученную свободу. Впрочемъ онъ предварительно посовѣтовался съ женой: женскій совѣтъ былъ еще пагубнѣе. Она стала его стращать, говоря, что тутъ было много отпущенниковъ и слугъ; всѣ видѣли, что происходило; одинъ смолчитъ — другіе скажутъ, а награда достанется тому, кто прежде всѣхъ подастъ доносъ.

55.

Съ наступленіемъ дня Милихъ идетъ въ Сервиліанскіе сады. Его не пускаютъ у входа, но онъ настойчиво повторяетъ, что долженъ сообщить о важномъ преступленіи, и придверники приводятъ его къ отпущеннику Нерона Эпафродиту, а этотъ тотчасъ къ Нерону. Тутъ говоритъ онъ объ угрожающей опасности, о страшномъ заговорѣ и о прочемъ, что слышалъ и о чемъ догадывался. Онъ принесъ и оружіе, которымъ хотѣли поразить Нерона и требовалъ, чтобы послали за Сцевиномъ. Солдаты его схватили и привели. Въ оправданіе свое сказалъ онъ, что кинжалъ этотъ, который принесли для его уличенія, давно сохраняется у него въ спальнѣ, какъ священный предметъ, доставшійся ему отъ предковъ, и что отпущенникъ укралъ его.

— Я часто подписываю завѣщаніе, безъ всякаго соблюденія сроковъ. И прежде дарилъ я рабамъ моимъ деньги и свободу; теперь я былъ щедрѣе, потому что состояніе мое разстроено, кредиторы требуютъ уплаты, и я боялся за свое завѣщаніе. Впрочемъ, я всегда давалъ багатыя пирушки и любилъ удовольствія жизни, за что строгіе судьи и упрекаютъ меня. Перевязокъ я никакихъ не приказывалъ приготовлять; чтобы придать правдоподобіе своимъ пустымъ выдумкамъ, онъ придумалъ небывалое преступленіе и выступилъ самъ доносчикомъ и свидѣтелемъ.

Онъ говорилъ съ твердостью, обвинялъ Милиха въ предательствѣ и подлости съ такою увѣренностью во взорѣ и въ рѣчахъ, что доносъ остался бы безъ дѣйствія, если бы жена Милиха не сказала, что Антоній Наталисъ имѣлъ съ Сцевиномъ продолжительный и тайный разговоръ, и что оба они очень близки съ Каемъ Пизономъ.

56.

Призываютъ Наталиса, спрашиваютъ ихъ порознь, что̀ у нихъ былъ за разговоръ, о чемъ шла рѣчь; показанія ихъ были различны, родилось подозрѣніе и ихъ заключили въ оковы. Они не перенесли вида и угрозъ пытки. Однакожъ первый заговорилъ Наталисъ. Онъ лучше зналъ весь ходъ заговора и кого надо было выдать. Прежде всѣхъ назвалъ онъ Пизона, потомъ Аннея Сенеку, былъ ли онъ, какъ говорилъ, переносчикомъ между ними обоими, или хотѣлъ задобрить Нерона, зная, что онъ ненавидѣлъ Сенеку и искалъ всѣ средства его погубить. Узнавъ о сознаніи Наталиса, и Сцевинъ также, по малодушію или думая, что все уже открыто и молчаніе ни къ чему не послужитъ, выдалъ остальныхъ сообщниковъ. Луканъ, Квинктіанъ и Сенеціонъ долго не сознавались; но со-

блазненные обѣщаннымъ прощеніемъ, и желая искупить долгое молчаніе, назвали: Луканъ — мать свою Атиллу, Квинктіанъ — Глитія Галла, Сенеціонъ — Аннія Полліона, своихъ лучшихъ друзей.

57.

Между тѣмъ Неронъ вспомнилъ, что по доносу Волузія Прокула содержалась подъ стражею Эпихарисъ, и думая, что женское тѣло не выдержитъ пытки, приказалъ ее пытать. Но ни розги, ни огонь, ни злость палачей за то, что они не могутъ одолѣть женщины, не заставили ее отказаться отъ упорнаго отрицанія. Такъ прошолъ первый день пытки. Когда на другой день понесли ее пытать въ носилкахъ — *она не могла* держаться на искалѣченныхъ членахъ, — она развязала на груди шнурокъ, привязала его къ верхушкѣ носилокъ, сдѣлала петлю, надѣла на шею и, натянувъ ее всею тяжестью тѣла, испустила уже слабѣвшее дыханіе. Эта отпущенница подала, блистательный примѣръ, оставшись вѣрною чужимъ и почти неизвѣстнымъ людямъ въ такомъ ужасномъ истязаніи, между тѣмъ какъ свободно рожденные люди, мужчины, всадники и сенаторы, при одномъ ожиданіи пытки, предали ближайшихъ имъ людей. Луканъ, Сенеціонъ и Квинктіанъ не пропускали ни одного сообщника, а Неронъ все болѣе и болѣе предавался страху, не смотря на то, что всѣ караулы были усилены.

58.

Онъ занялъ манипулами всѣ стѣны, разставилъ солдатъ по рѣкѣ и по морю, какъ будто хотѣлъ сторожить городъ. Во всѣ стороны скакали и бѣжали конные и пѣшіе, по площадямъ, въ дома, даже по полямъ въ ближайшіе города; между курьерами было много Германцевъ, которымъ Неронъ довѣ-

рялъ, какъ чужеземцамъ. Безпрестанно влекли толпами заговорщиковъ и ставили ихъ у входа въ садъ, а когда ихъ вели на допросъ, то достаточно было удовольствія при видѣ кого нибудь изъ заговорщиковъ, или случайнаго разговора, или неожиданной встрѣчи съ однимъ изъ нихъ, появленія вмѣстѣ съ нимъ на пиру или въ театрѣ, чтобы допрашиваемаго объявили преступникомъ. Самъ Феній Руфъ преслѣдовалъ и придирался еще яростнѣе Нерона и Тигеллина; его еще не назвали, и жестокимъ преслѣдованіемъ заговорщиковъ надѣялся онъ отклонить подозрѣніе. Субрій Флавій, присутствовавшій при допросѣ, хотѣлъ тутъ же поразить Нерона мечемъ, и сдѣлалъ знакъ Фенію, но Феній воспротивился этому и даже удержалъ его за руку, которую тотъ уже положилъ на рукоятку меча.

59.

Нѣкоторые изъ заговорщиковъ, когда замыселъ открылся, совѣтовали Низону, пока допрашиваютъ Милиха, пока Сцевинъ колеблется, идти въ лагерь или съ ростръ попытаться увлечь за собою войско и народъ.

— Участники тебя поддержатъ, а за ними и народъ, потому что въ переворотѣ важенъ первый порывъ увлеченія. Неронъ ни о чемъ не подозрѣвалъ, ни къ чему не приготовился; и храбрый человѣкъ можетъ растеряться, если его захватить въ расплохъ, а не то что этотъ актеръ, окруженный Тигеллиномъ съ наложницами. Иное кажется трудно не предпріимчивому человѣку, а на дѣлѣ оказывается очень исполнимо. Напрасно ты надѣешься на силу духа и тѣла стольких сообщниковъ; напрасно ты увѣренъ, что они будутъ молчать и не выдадутъ тебя. Пытка да обѣщанія всякаго одолѣютъ. Придутъ и за тобой, свяжутъ тебя, а потомъ поведутъ на позорную казнь. Не лучше ли погибнуть, ратуя за республику,

взывая къ свободѣ? Если солдаты тебя не поддержатъ, если народъ тебя оставитъ, ты по крайней мѣрѣ умрешь смертью, достойною твоихъ предковъ, въ примѣръ потомкамъ.

Не тронутый этими рѣчами, Пизонъ побылъ еще немного на улицѣ, потомъ заперся у себя въ дому и сталъ готовиться къ послѣднему часу, пока пришелъ отрядъ солдатъ. Неронъ выбралъ новобранцевъ или по крайней мѣрѣ недолго служившихъ; онъ боялся ветерановъ, думая, что они, можетъ быть, подкуплены. Пизонъ умеръ, разрѣзавъ вены на рукахъ. Изъ любви къ женѣ, завѣщаніе его было наполнено гнусною лестью къ Нерону: эта женщина унизила свое имя, она была только хороша собой и Пизонъ отнялъ ее у собственнаго своего друга. Эту жену звали Аррія Галла, прежняго мужа ея Домицій Силій; Силій терпѣлъ, Аррія не стыдилась: все это было причиною дурной репутаціи Пизона.

60.

Вслѣдъ за тѣмъ Неронъ приказалъ умертвить Плавтія Латерана, назначеннаго въ консулы, что сдѣлано было съ такою поспѣшностью, что ему даже не дали обнять дѣтей, не дали ни минуты подумать о смерти, какъ это всегда дѣлается. Его повлекли въ то мѣсто, гдѣ наказывали рабовъ, и трибунъ Стацій убилъ его. Латеранъ упорно молчалъ, не смотря на то, что трибунъ былъ въ числѣ заговорщиковъ. За тѣмъ погибъ Анней Сенека, къ большой радости Нерона; его участіе въ заговорѣ не было доказано, но Неронъ рѣшился употребить желѣзо, потому что ядъ оказался не дѣйствителенъ. Его обвинялъ одинъ только Наталисъ.

— Меня послали къ больному Сенекѣ, говорилъ онъ, повидаться съ нимъ и спросить, почему онъ не хочетъ принять Пизона: гораздо было бы лучше скрѣпить связь частыми

свиданіями. Сенека отвѣчалъ, что эти посѣщенія и частые разговоры ни къ чему не послужатъ, что впрочемъ онъ готовъ отдать жизнь за Пизона.

Преторіанскому трибуну Гранію Сильвану приказали идти къ Сенекѣ, объявить ему показаніе Наталиса и спросить, сознается ли онъ въ своихъ отвѣтахъ? Но Сенека, по случаю, или изъ предосторожности, возвратившись въ этотъ день изъ Кампаніи, остановился въ подгородной дачѣ, въ четырехъ миляхъ отъ Рима. Трибунъ пришелъ туда къ вечеру, оцѣпилъ виллу отрядомъ солдатъ, и объявилъ Сенекѣ приказанія императора. Сенека обѣдалъ съ женою Помпеей Паулиной и двумя знакомыми.

61.

— Наталисъ приходилъ ко мнѣ, отвѣчалъ Сенека, и жаловался отъ имени Пизона, что я не хочу его видѣть. Я извинился моимъ плохимъ здоровьемъ и любовью къ уединенію. Нѣтъ причины, которая бы заставила меня жертвовать собственною жизнью для частнаго человѣка; да я и вообще не умѣю кланяться; Неронъ знаетъ это лучше всѣхъ, потому что ему чаще доводилось слышать отъ Сенеки возраженія, нежели видѣть слѣпое повиновеніе.

Трибунъ передалъ этотъ отвѣтъ въ присутствіи Поппеи и Тигеллина, задушевныхъ совѣтниковъ Нерона, когда онъ задумывалъ какое нибудь злодѣяніе.

— А что, спросилъ онъ, Сенека не готовится къ смерти?

Трибунъ отвѣчалъ, что не замѣтилъ ни малѣйшаго признака испуга: ни печали въ словахъ, ни безпокойства во взорѣ. Неронъ приказалъ трибуну возвратиться къ Сенекѣ, и сказать ему, чтобы онъ умиралъ. Фабій Рустикъ говоритъ, что трибунъ пошолъ по другой дорогѣ и зашелъ къ префекту Фенію, спросить, повиноваться ли ему такому приказанію Це-

заря? Феній совѣтовалъ ему исполнить. На всѣхъ напало какое то отупѣніе: Сильванъ былъ въ числѣ заговорщиковъ — и самъ прибавилъ новыя преступленія къ тѣмъ, за которыя хотѣлъ мстить. Однакожъ онъ не хотѣлъ осквернить свой голосъ и зрѣніе, и послалъ къ Сенекѣ одного изъ центуріоновъ объявить, что для него насталъ послѣдній часъ.

62.

Нисколько не смутившись, Сенека спросилъ свое завѣщаніе и когда центуріонъ не позволилъ, онъ сказалъ, обратившись къ друзьямъ:

— Мнѣ не позволяютъ наградить васъ по заслугамъ, но я оставляю вамъ единственное, драгоцѣннѣйшее сокровище — образецъ моей жизни; помните ее, и постоянство вашей дружбы прославитъ васъ.

Друзья зарыдали. Онъ сталъ утѣшать ихъ то ласками, то ободрительными наставленіями, спрашивая:

— Гдѣ же правила философіи? гдѣ разумъ, столько лѣтъ помогавшій бороться съ обстоятельствами? Кому не извѣстна жестокость Нерона? Онъ убилъ мать и брата, не задуматься же ему надъ убійствомъ наставника и воспитателя!

63.

Разговаривая такимъ образомъ, онъ обнялъ жену; смягчилась нѣсколько твердость его духа и сталъ онъ просить и умолять ее не предаваться горести, не вѣкъ плакать, а утѣшаться въ потерѣ мужа, вспоминая, какъ честно прошла вся ихъ жизнь. Но она возразила, что должна умереть съ нимъ и просила руки палача. Сенека не хотѣлъ притивиться ея славному рѣшенію: къ тому же онъ боялся оставить на жертву оскорбленіямъ единственный предметъ своей любви.

— Я указалъ тебѣ, сказалъ онъ, что должно привязать тебя къ жизни; ты предпочитаешь честную смерть: я не стану завидовать величію твоего духа. Если оба мы кончимъ жизнь съ одинаковою твердостью, твоя смерть все таки будетъ славнѣе.

И однимъ и тѣмъ же ножемъ взрѣзываютъ они вены на рукахъ. Дряхлое тѣло Сенеки, разслабленное діэтою, препятствовало обильному теченію крови, такъ, что онъ долженъ былъ еще вскрыть вены на ногахъ и голеняхъ. Страдая жестоко, но боясь обнаружить свои страданія, чтобы не поколебать твердость жены и самому не тронуться при видѣ ея страданій, онъ совѣтуетъ ей перейти въ сосѣднюю комнату. До послѣдней минуты жизни сохраняя свое краснорѣчіе, онъ призвалъ писцовъ и диктовалъ имъ длинную рѣчь, которую я не хочу искажать. Она издана съ его словъ.

64.

Неронъ, ничего не имѣя противъ Паулины, и желая сколько нибудь смягчить свою жестокость, приказалъ спасти ее отъ смерти. По настоянію солдатъ, рабы и отпущенники перевязали ей руки и остановили кровотеченіе. Неизвѣстно, знала ли она объ этомъ. Толпа любитъ злословить, и кое кто вѣрилъ, что, боясь неумолимости Нерона, она хотѣла искать славы въ общей смерти съ мужемъ, но узнавъ, что онъ умилостивился, снова привязалась къ жизни. Она прожила еще нѣсколько лѣтъ, чтя память своего мужа, и блѣдный цвѣтъ лица и кожи показывалъ, сколько потеряла она жизненной силы. Между тѣмъ Сенека, видя, что кровь чуть чуть льется и смерть не приходитъ, просилъ Стація Аннея, своего вѣрнаго друга и опытнаго врача, дать ему заранѣе приготовленный ядъ, которымъ въ Аѳинахъ отравляютъ преступниковъ.

Ядъ принесли — но Сенека напрасно пилъ его; уже охладѣвшіе члены и дряхлое тѣло не могли развить его дѣйствіе. За симъ вошолъ онъ въ теплую ванну и сталъ кропить водою близь стоявшихъ рабовъ, говоря, что кропитъ ихъ во имя Юпитера Избавителя. Наконецъ погрузился въ ванну и задохнулся въ парахъ. Его сожгли безъ всякаго торжества, какъ самъ приказалъ въ завѣщаніи, написанномъ еще въ то время, когда онъ былъ въ роскоши и силѣ. И тогда помышлялъ онъ о смерти.

65.

Былъ слухъ, что Субрій Флавій съ центуріонами, по тайному соглашенію, впрочемъ не безъизвѣстному Сенекѣ, положили убить Пизона, когда тотъ свергнетъ Нерона, и передать верховную власть Сенекѣ, невинному и по своимъ достоинствамъ заслуживающему получить верховный санъ. Приводили даже слова Флавія:

— Большая выгода, промѣнять музыканта на актера!

Потому что Неронъ игралъ на цитрѣ, а Пизонъ являлся на сценѣ въ трагедіи.

66.

Наконецъ открылось и участіе войска въ заговорѣ. Заговорщики указали на Фенія Руфа, не въ состояніи будучи терпѣть, чтобы онъ былъ въ одно время и сообщникомъ, и судьею. Когда онъ настоятельно допрашивалъ Сцевина и безпрестанно ему угрожалъ:

— Никто, сказалъ Сцевинъ съ насмѣшливою улыбкой, не знаетъ этого дѣла лучше тебя. Совѣтую тебѣ чистосердечно разсказать все такому доброму государю.

Феній при этихъ словахъ не могъ ни говорить, ни молчать; путая безсвязные звуки, онъ не умѣлъ скрыть страхъ,

и когда прочіе заговорщики, особенно всадникъ Церварій Прокулъ, привели еще нѣсколько доказательствъ его участія, Неронъ приказалъ солдату Кассію, котораго всегда держалъ при себѣ, какъ рослаго и сильнаго малаго, схватить его и связать.

67.

Вскорѣ показанія тѣхъ же заговорщиковъ пали на трибуна Субрія Флавія, который сначала оправдывался совершенною противуположностью нравовъ; могъ ли онъ, военный человѣкъ, соединиться съ этой изнѣженной толпой, не умѣющей владѣть оружіемъ? Но потомъ, видя настойчивость допроса, рѣшился онъ искать славы въ полномъ признаніи и на вопросъ Нерона, какія причины заставили его измѣнить присягѣ, отвѣчалъ:

— Ненависть къ тебѣ. У тебя не было солдата, преданнѣе меня, пока ты былъ достоинъ любви. Но я возненавидѣлъ тебя, когда ты убилъ мать и жену и превратился въ кучера, гаера и поджигателя!

Я привожу точныя его слова, потому что они не были обнародованы, какъ рѣчь Сенеки, а сильное и краткое слово солдата стоитъ того, чтобы о немъ знали. Во время всего этого слѣдствія Нерону не случилось услышать ничего подобнаго; скорый на преступленія, не привыкъ онъ объ нихъ слышать отъ другаго. Трибуну Вейану Нигеру приказываютъ убить Флавія. Нигеръ приказалъ вырыть яму на ближнемъ полѣ. Флавій, видя, что она мала и узка, воскликнулъ окружающимъ:

— И это не такъ, какъ должно!

И когда ему приказали подставить шею, сказалъ:

— Хоть бы ты покрѣпче ударилъ!

Но трибунъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, и едва могъ въ два

пріема отсѣчь ему голову. Возвратившись къ Нерону, онъ хвалился, что убилъ его два раза вмѣсто одного.

68.

Слѣдующій примѣръ твердости духа далъ центуріонъ Сульпицій Асперъ. На вопросъ Нерона, почему онъ замышлялъ на его жизнь, Асперъ сухо отвѣчалъ:

— Иначе нельзя было отплатить тебѣ за всѣ твои злодѣянія.

И былъ казненъ. Остальные центуріоны также твердо шли па казнь. Не такова была душа Фенія Руфа; его стоны откликнулись даже въ завѣщаніи. Неронъ все ожидалъ, что обвинятъ консула Вестина, котораго онъ считалъ своимъ опаснымъ и смертельнымъ врагомъ; но заговорщики не имѣли сношеній съ Вестиномъ, частію изъ закоренѣлой къ нему ненависти, а еще болѣе оттого что знали его буйный и неуживчивый характеръ. Вражда Нерона съ Вестиномъ началась когда они были еще въ тѣсной дружбѣ, Вестинъ сталъ презирать Нерона, узнавъ его низость, а Неронъ боялся наглости Вестина, позволявшаго себѣ насмѣшливыя выходки, которыя трудно изглаживаются изъ памяти, если вѣрно попадаютъ въ цѣль. Къ этому еще присоединилось то обстоятельство, что Вестинъ женился на Статиліѣ Мессалинѣ[1]), зная, что она была въ связи, кромѣ другихъ ея любовниковъ, съ самимъ Цезаремъ.

69.

И такъ видя, что нѣтъ ни преступленія, ни обвинителя, что нельзя пріискать никакого предлога къ осужденію, Не-

[1]) Послѣ она была замужемъ за Нерономъ.

ронъ прибѣгнулъ къ мѣрѣ самовластія, послалъ къ Вестину трибуна Герелана съ отрядомъ солдатъ, и приказалъ, какъ онъ выразился, «для предупрежденія замысловъ консула, занять его крѣпость и арестовать его избранный караулъ.» Огромный домъ Вестина стоялъ выступомъ на площадь, а прислуга его состояла изъ молодыхъ и красивыхъ собою рабовъ. Онъ въ этотъ день исполнилъ всѣ свои консульскія обязанности и пировалъ съ гостями, ничего не подозрѣвая или скрывая свой страхъ, какъ вдругъ входятъ солдаты и зовутъ его къ трибуну. Онъ немедленно встаетъ, и все совершается тутъ же: запираютъ его въ спальню, врачь на лицо, открываютъ ему вены, еще полнаго жизни сажаютъ въ ванну, наливаютъ горячей воды: — а онъ не проронилъ ни одного звука, ни одной жалобы на свою участь. Между тѣмъ ко всѣмъ гостямъ приставили стражу и отпустили ихъ уже въ глубокую ночь, когда Неронъ вдоволь насмѣялся, воображая себѣ ихъ страхъ при мысли, что имъ надо прямо съ пирушки идти на казнь, и наконецъ сказалъ, что они довольно наказаны за консульскій пиръ.

70.

Затѣмъ Неронъ приказалъ убить Марка Аннея Лукана. Луканъ, чувствуя, что исходитъ кровью, что руки и ноги его охладѣли и жизнь начала покидать оконечности, а сердце еще продолжало биться и мысль дѣйствовала во всей силѣ, вспомнилъ сочиненные когдо то имъ же стихи, въ которыхъ онъ передалъ чувство такимъ же образомъ умирающаго солдата, и началъ ихъ декламировать. Съ этими стихами умолкъ навсегда его голосъ. — Послѣ него умерли Сенеціонъ, Квинктіанъ и Сцевинъ, тверже, нежели можно было отъ нихъ ожидать, а вскорѣ пали и остальные заговорщики, но безъ всякихъ достойныхъ замѣчанія дѣлъ или словъ.

71.

Городъ наполнялся похоронами, капитолій жертвами. Кто потерялъ сына, кто брата, у кого убитъ былъ родственникъ, у кого другъ, и всѣ благодарили боговъ, украшали домы лаврами, обнимали колѣни Нерона и утомляли руки его поцѣлуями: а онъ принималъ это за искреннее выраженіе радости; простилъ Антонія Наталиса и Церварія Прокула за ихъ скорое признаніе; Милиха обогатилъ наградами и далъ ему греческое прозвище, которое значило спаситель. Трибунъ Гравій Сильванъ также былъ прощенъ, но умеръ отъ собственной руки; Стацій Проксимъ не могъ пользоваться прощеніемъ, потому что вскорѣ умеръ. Помпей, Корнелій Марціалъ, Флавій Непотъ, Стацій Домицій лишены трибунства, не потому чтобы они злоумышляли противъ Нерона, но потому что остались въ подозрѣніи. Новія Приска, за дружбу съ Сенекою, Глиція Галла и Аннія Полліона, обвиненныхъ безъ доказательствъ, сослали. Жена Приска, Антонія Флакцилла поѣхала съ нимъ, Эгнація Максимилла съ Галломъ. Сначала Эгнація была богата, и богатство ей осталось, но вскорѣ его отобрали, что еще больше увеличило ея славу. По случаю заговора сослали также Руфія Криспина, котораго Неронъ ненавидѣлъ за прежній бракъ его съ Поппеей. Вергиній Флавъ и Музоній Руфъ изгнаны за извѣстность именъ. Краснорѣчіе перваго и философскія правила втораго слишкомъ увлекали молодыхъ людей. Клувидіена Квіета, Юлія Агриппу, Глитія Катуллина, Петронія Приска, Юлія Алтина, словно цѣлую колонію, отправили на острова Эгейскаго моря. Кадицію, жену Сцевина, и Цезонія Максима выслали изъ Италіи, и они только по приговору узнали о своемъ преступленіи. Атиллу, мать Аннея Лукана, ни простили, ни казнили, а прошли молчаніемъ.

72.

Совершивъ всѣ эти казни, Неронъ собралъ солдатъ, роздалъ по двѣ тысячи сестерцій на человѣка и приказалъ выдавать имъ безденежно хлѣбъ, за который прежде платили они справочную цѣну. Потомъ, какъ бы объявляя о совершеніи войны, созываетъ сенатъ и даруетъ тріумфальные знаки консулару Петронію Турпиліану, назначенному въ преторы Кокцею Нервѣ, и префекту преторіанцевъ Тигеллину; для Нервы и Тигеллина съ тѣмъ особеннымъ отличіемъ, что кромѣ тріумфальныхъ статуй ихъ на форумѣ, были поставлены такія же въ самомъ дворцѣ. Нимфидію далъ онъ консульскія украшенія. Такъ какъ его имя встрѣчается здѣсь въ первый разъ, то скажу объ немъ кое что. И онъ заплатилъ дань несчастіямъ Римлянъ. Сынъ красивой отпущенницы, знавшейся со всѣми рабами и отпущенниками императоровъ, онъ выставлялъ себя за сына Кая Цезаря, потому ли, что былъ высокъ ростомъ и мраченъ видомъ, или Кай Цезарь, унижавшійся иногда до продажныхъ женщинъ, въ самомъ дѣлѣ зналъ его мать.

73.

Когда сенатъ былъ созванъ, Неронъ сказалъ сенаторамъ рѣчь, потомъ издалъ народу указъ, прибавивъ къ нему собранныя въ одинъ томъ показанія заговорщиковъ. Народъ не переставалъ роптать, что онъ изъ ненависти и страха погубилъ столько невинныхъ людей. Но тѣ, для которыхъ дорога истина, тогда же убѣдились, что былъ составленъ, созрѣлъ и обнаружился заговоръ, чтó подтвердили въ послѣдствіе и сами изгнанные, возвратившись по смерти Нерона въ Римъ. А въ сенатѣ, кому было тяжеле на сердцѣ, тотъ больше предавался подобострастію. Юній Галліонъ, устрашенный смертью брата

своего Сенеки, съ трепетомъ взывалъ къ Нерону, увѣрялъ его въ своей невинности, когда Саліенъ Клементъ напалъ на него, называя его измѣнникомъ и убійцею, и усмирился только, когда всѣ сенаторы вступились, говоря, что не должно употреблять во зло общія бѣдствія для удовлетворенія личной ненависти и взывать къ новымъ мѣрамъ жестокости, когда Цезарь, по милосердію своему, уже все простилъ и забылъ.

74.

Опредѣлили приношенія и благодарность богамъ, особенно же Солнцу, потому что у цирка, гдѣ должно было совершиться преступленіе, былъ древній храмъ этого божества, и ему приписывали открытіе такого тайнаго заговора. Постановили, чтобы во время игръ въ циркѣ въ честь Цереры происходили конныя скачки; чтобы мѣсяцъ Апрѣль получилъ названіе Нерона; чтобы построенъ былъ храмъ Спасенію въ томъ мѣстѣ, гдѣ Сцевинъ взялъ кинжалъ, и самъ Неронъ посвятилъ этотъ кинжалъ въ капитоліѣ и надписалъ: *Юпитеру Мстителю* (Jovi Vindici). Сначала на это не обратили вниманія; но послѣ возстанія Юлія Виндекса приняли это за предзнаменованіе судьбы Нерона. Въ отчетахъ о засѣданіяхъ сената я нахожу мнѣніе назначеннаго въ консулы Церіалиса Аниція, предложившаго немедленно воздвигнуть на счетъ казны храмъ богу Нерону. Онъ безъ сомнѣнія говорилъ это въ томъ смыслѣ, что Неронъ превыше всѣхъ смертныхъ, и заслуживаетъ отъ нихъ богопочтеніе, но можно было это понять также, какъ предсказаніе его близкой кончины, потому что храмы государямъ воздвигаются лишь послѣ ихъ смерти.

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Отъ осн. Рима 819—820 года. По Р. Х. 66—67.

819,—66.

1.

Посмѣялась надъ Нерономъ фортуна, когда онъ легкомысленно повѣрилъ обѣщаніямъ Цезеллія Басса, который, родомъ изъ Карѳагена, съ мечтательной головой, принялъ сонъ свой за несомнѣнное предзнаменованіе, нарочно пріѣхалъ въ Римъ, испросилъ себѣ доступъ къ Нерону, и сказалъ, что нашелъ у себя въ полѣ огромную пещеру, въ которой хранится множество золота, не въ видѣ монетъ, а въ древнихъ необдѣланныхъ кускахъ; что тамъ въ одномъ мѣстѣ лежали претяжелые слитки, въ другомъ поставлены были цѣлыя колонны, — и все это сохранялось въ продолженіе многихъ вѣковъ, для того, чтобы обогатить настоящее поколѣніе. Впрочемъ для удостовѣренія онъ говорилъ, что эти сокровища зарыла, бѣжавшая изъ Тира и основавшая Карѳагенъ, Финикіанка Дидона, чтобы новый народъ не развратился отъ такой массы денегъ, или нумидійскіе цари и безъ того неблагопріязненные, не польстились бы корыстью и не начали войну.

2.

И Неронъ, не разобравъ дѣла, не зная, можно ли вѣрить этому разскащику, не отправивъ никого развѣдать, правду ли ему доносятъ — самъ распустилъ и преувеличилъ слухъ, и

послалъ за кладомъ, какъ будто за вѣрною добычей. Для большей поспѣшности далъ онъ триремы и самыхъ лучшихъ гребцовъ, и въ эти дни въ народѣ ни о чемъ другомъ не было рѣчи; толпа вѣрила, умные люди сомнѣвались. По случаю праздновали тогда во второй разъ квинквенналіи, и ораторы основывали на этомъ происшествіи свои похвальныя рѣчи Нерону:

— Для него, говорили они, земля рождаетъ не только обыкновенные плоды и золото, смѣшанное съ рудою; для него производитъ она небывалыя вещи, сами боги несутъ ему на встрѣчу сокровища и т. д.

Съ большимъ краснорѣчіемъ и съ большимъ раболѣпствомъ придумывали они выраженія своей лести, зная напередъ, что Неронъ всему повѣритъ.

3.

А расточительность его росла; въ надеждѣ на небывалый кладъ, издерживались древнія богатства, какъ будто въ ожиданіи новыхъ, которыхъ не истратишь во много лѣтъ. Изъ этого сокровища уже раздавали подарки: ожиданіе богатства сдѣлалось одною изъ причинъ общей бѣдности. Бассъ изрылъ свое поле вдоль и поперегъ, отыскивая то тамъ то сямъ входъ въ обѣщанную пещеру, въ сопровожденіи солдатъ и цѣлой массы народа, который нанятъ былъ для работъ, — и наконецъ отказался отъ бредней, удивляясь, какъ это до сихъ поръ всѣ его сны сбывались, а тутъ въ первый разъ пришлось обмануться. Изъ стыда и страха онъ лишилъ себя жизни. Нѣкоторые говорятъ, что его арестовали, потомъ отпустили, а имѣніе конфисковали, какъ древнее царское сокровище.

4.

Между тѣмъ сенатъ, по случаю приближавшагося торже-

ства квинквенналій, для избѣжанія позора, поднесъ императору заранѣе премію за пѣніе и вѣнецъ за краснорѣчіе; краснорѣчіе должно было затмить гаерство. Но Неронъ отвѣчалъ, что не имѣетъ надобности въ протекціи и власти сената, что онъ равенъ съ своими соперниками и получитъ по совѣсти судей заслуженную награду. Онъ идетъ на сцену, сначала декламируетъ стихи; но когда народъ сталъ просить, «чтобы онъ показалъ всѣ свои таланты», (точныя слова народа), онъ выходитъ на театръ, соблюдая всѣ требованія игры на цитрѣ: утомившись не садиться, отирать потъ не иначе, какъ полою одежды, не плевать и не сморкаться. Наконецъ, преклонивъ колѣни, почтительно простеръ онъ руку къ публикѣ, съ мнимымъ страхомъ ожидая приговора судей. А городская чернь, привыкшая поддерживать гаеровъ, рукоплескала ему въ тактъ и восклицала въ мѣру. Будто радовалась чернь? А можетъ быть и радовалась; что значило для нея общее горе?

5.

Но всѣ тѣ, которые пріѣхали изъ муниципій, гдѣ еще въ Италіи сохранялись строгіе обычаи древности, всѣ тѣ, которые прибыли изъ отдаленныхъ провинцій, не имѣя никакого понятія объ этомъ развратѣ, по дѣламъ посольства или своимъ собственнымъ — не могли видѣть этого спектакля, не могли исполнять эту постыдную обязанность; неопытныя руки, утомляясь отъ хлопанья, путали людей уже привышкихъ къ этому и часто должны были переносить удары солдатъ, которые стояли въ строю и наблюдали, чтобы не было не во время ни восклицаній, ни молчанія. Положительно извѣстно, что много всадниковъ, желая пробиться сквозь тѣсный входъ чрезъ густую толпу были раздавлены, а другіе, просиживая дни и ночи на своихъ скамьяхъ, опасно заболѣли. Но для нихъ было

страшнѣе не явиться на спектакль, потому что множество явныхъ, а еще болѣе тайныхъ шпіоновъ спрашивали объ именахъ и слѣдили за веселымъ или печальнымъ выраженіемъ лицъ. Кто былъ не такъ знатенъ, тѣхъ тотчасъ казнили, а кто поизвѣстнѣе, отъ тѣхъ сначала скрыли неудовольствіе, но вскорѣ вымѣстили. Говорятъ, что Веспасіанъ какъ то заснулъ и отпущенникъ Нерона Фебъ такъ на него напустился, что его едва спасло заступничество лучшихъ гражданъ; потомъ избѣгнулъ онъ другой опасности; ему предназначена была великая судьба.

6.

По окончаніи игръ Поппея умерла отъ вспыльчивости мужа, который ударилъ ее ногою, не смотря на то, что она была беременна. Я не вѣрю разсказамъ нѣкоторыхъ историковъ объ отравленіи: ихъ диктовала ненависть, а не истина: Неронъ желалъ имѣть дѣтей и любилъ жену. Тѣло ея не было сожжено по римскому обычаю; но, какъ дѣлаютъ съ царями на востокѣ, набальзамировано различными духами и поставлено въ Юліанскій склепъ. Однакожъ торжествовали публичныя похороны; Неронъ самъ произнесъ надгробную рѣчь, въ которой превозносилъ ея красоту, ставилъ ей въ честь то, что она была матерью божественнаго младенца, изъ всѣхъ даровъ случая дѣлалъ добродѣтели.

7.

Смерть Поппеи, не смотря на наружные знаки скорби, порадовала всѣхъ, — всѣ знали ея безпутство и жестокость. Но по этому случаю еще болѣе усилилась ненависть къ Нерону, когда онъ запретилъ Каю Кассію присутствовать на погребеніи. Это былъ первый знакъ его погибели, которая не заставила себя ждать. Къ нему присоединили и Силана; не

было никакихъ причинъ, кромѣ наслѣдственнаго богатства и строгой нравственности Кассія, знатности рода и скромной юности Силана. Неронъ послалъ въ сенатъ рѣчь, въ которой изъяснялъ, почему ихъ должно удалить отъ общественныхъ должностей. Кассію ставилъ онъ въ вину, что между портретами предковъ находится у него портретъ знаменитаго Кая Кассія, съ надписью *Предводитель Партіи.*

— Въ этомъ, прибавлялъ онъ, очевидно заключаются сѣмена гражданской войны, желаніе отвратить народъ отъ дома Цезарей. И не ограничиваясь тѣмъ, что хочетъ возмутить народъ этимъ ненавистнымъ именемъ, онъ еще выбралъ въ предводители возстанія Луція Силана, юношу благороднаго происхожденія, но необузданнаго честолюбца.

8.

Потомъ обвинялъ онъ уже прямо Силана въ томъ же, что ставилъ въ вину дядѣ его Торквату, что онъ уже привыкаетъ къ трудамъ правленія, окруживъ себя отпущенниками, которымъ далъ названія казначеевъ, правителей и секретарей. Все это была ложь и клевета. Силанъ былъ очень остороженъ отъ страха: смерть дяди заставила его еще больше скрываться. Потомъ Неронъ представлялъ, какъ онъ называлъ, свидѣтелей, которые обвинили Лепиду, жену Кассія и тетку Силана, въ кровосмѣшеніи съ племянникомъ и въ чародѣйствѣ. Въ это дѣло въ качествѣ сообщниковъ втянули сенаторовъ Вулкація Туллина и Марцелла Корнелія, и всадника Кальпурнія Фабата. Они воззвали къ самому Нерону и такимъ образомъ избавились отъ немедленной казни, а послѣ Неронъ, занятый преступленіями по важнѣе, забылъ о нихъ, какъ о мелочи.

9.

Сенатъ приговорилъ Кассія и Силана къ ссылкѣ, о Лепидѣ предоставилъ рѣшеніе Нерону. Кассія отправили на островъ Сардинію, и такъ какъ онъ былъ старъ, ждали терпѣливо его смерти. Силана повезли въ Остію, чтобы оттуда отправить въ Наксосъ, но потомъ заключили въ Апулійской муниципіи Баріумѣ. Съ твердостью переносилъ онъ тяжкое заключеніе, какъ вдругъ явился центуріонъ, которому приказано было его убить. Центуріонъ совѣтовалъ ему дать себѣ открыть вены.

— Я готовъ умереть, воскликнулъ Силанъ; но рука палача до меня не коснется!

Центуріонъ, видя, что онъ хоть и безоруженъ, но чрезвычайно силенъ и предается гнѣву, а не страху, приказалъ солдатамъ усмирить его. Но Силанъ продолжалъ защищаться всѣми силами и наносить удары, сколько могъ безоружною рукою, пока не палъ, какъ въ битвѣ, отъ множества ранъ, нанесенныхъ ему центуріономъ спереди.

10.

Также неустрашимо перенесли смерть Луцій Ветеръ, теща его Секстія и дочь Поллуція; Неронъ ихъ ненавидѣлъ, потому что они были живымъ укоромъ за убіеніе Рубеллія Плавта, зятя Ветера. Предлогъ къ преслѣдованію представился, когда нашлись доносчики, отпущенникъ Фортунатъ, раззорившій состояніе своего патрона, и Клавдій Деміанъ, котораго Ветеръ, будучи проконсуломъ Азіи, посадилъ за преступленія въ тюрьму, а Неронъ освободилъ за доносъ. Обвиненный, узнавъ объ этомъ, и видя, что его ставятъ на одну доску съ отпущенникомъ, удалился на Форміанскія поля. Тамъ окружила его тайная стража. Съ нимъ была дочь, кромѣ угрожа-

ющаго бѣдствія, испытавшая уже глубокое горе. Въ ея глазахъ убили мужа ея Плавта, она обнимала его окровавленную голову, и сохранила его кровь и напитанную ею одежду: вѣчно скорбная вдова, она принимала пищу, только чтобы не умереть. По просьбѣ отца, поѣхала она въ Неаполь. Неронъ не пускалъ ее къ себѣ. Она становилась на мѣстахъ, гдѣ онъ долженъ былъ проходить, то умоляя съ женскими стонами, чтобы онъ выслушалъ невиннаго и не предавалъ отпущеннику бывшаго своего товарища по консульству, то, позабывъ свой полъ, осыпала его грозными проклятіями: но на императора не дѣйствовали ни мольбы, ни угрозы.

11.

Она дала знать отцу, что надежды нѣтъ, чтобы онъ покорился необходимости. Въ тоже время дали ему знать, что сенатъ готовитъ слѣдствіе и жестокій приговоръ. Кое кто совѣтовалъ ему завѣщать часть имѣнія Цезарю, чтобы спасти остальное для своихъ внуковъ; но онъ не согласился очернить жизнь, проведенную въ независимости, рабскимъ поступкомъ передъ самою смертью, роздалъ слугамъ всѣ свои наличныя деньги, позволилъ имъ взять себѣ все, что они могутъ унести и оставилъ только для своей смерти три постели. Всѣ трое, въ той же спальнѣ, тѣмъ же лезвіемъ, открываютъ себѣ вены и тотчасъ, оставя на себѣ только нижнее платье для приличія, садятся въ ванны. Отецъ не сводитъ глазъ съ дочери, бабка съ внучки, а она смотритъ то на того то на другую, и каждый желаетъ умереть прежде другихъ, чтобы утѣшиться той мыслію, что онъ оставилъ въ живыхъ своихъ родственниковъ, которые вскорѣ послѣдуютъ за нимъ. Они угасли по порядку возраста: старуха прежде всѣхъ, потомъ сынъ и наконецъ внучка. Приговоръ состоялся уже по-

слѣ ихъ погребенія: ихъ повелѣно казнить по обычаю предковъ. Но Неронъ вступился и позволилъ имъ избрать какой угодно родъ смерти: убійство было ужъ совершено, а онъ смѣялся!

12.

Публій Галлъ, римскій всадникъ, задушевный другъ Фенія Руфа и близкій пріятель Ветера, былъ сосланъ. Отпущеннику и доносчику за труды дали мѣсто въ театрѣ между курьерами трибуновъ. Мѣсяцы, слѣдующіе за Апрѣлемъ или Нероновымъ, названы: Май — именемъ Клавдія, Іюнь — именемъ Германика. Корнелій Орфитъ, предложившій это переименованіе доказалъ, что названіе Іюня невозможно оставить, послѣ того какъ два Торквата, казненные за преступленіе, сдѣлали имя Юнія зловѣщимъ.

13.

Этотъ годъ, тяжкій такими преступленіями, не пощадили и боги, насылая страшныя бури и болѣзни. Кампанія была опустошена тромбою, разметавшею виллы, деревья, уничтожившею жатву; она доходила почти до самаго Рима, гдѣ въ тоже время жители всѣхъ сословій умирали отъ моровой язвы, хотя на небѣ не было замѣтно никакихъ явленій. Домы наполнены были трупами, улицы стѣснялись погребальными процессіями; ни полъ, ни возрастъ не спасалъ отъ опасности; и рабы и свободные внезапно умирали среди стоновъ женъ и дѣтей, которыя часто, ухаживая за больными или оплакивая уже умершихъ, сами становились жертвою мора и сожигались на томъ же кострѣ. Часто умирали и всадники и сенаторы, но ихъ не такъ горячо оплакивали, потому что они въ этой общей смерти только предупреждали приговоръ Нерона.

Въ этомъ же году произведенъ наборъ въ Нарбонской

Галліи, Африкѣ и Азіи для пополненія иллирійскихъ легіоновъ, въ которыхъ старики и больные были освобождены отъ присяги.

По случаю пожара въ Ліонѣ государь далъ жителямъ его на перестройку города четыре милліона сестерцій: эту сумму сами Ліонцы пожертвовали прежде Риму въ трудную минуту.

820,—67.

14.

Въ консульство Кая Светонія и Луція Телезина, Антистій Созіанъ, человѣкъ безпокойнаго характера, авторъ стиховъ на Нерона, отправленный, какъ я уже говорилъ, въ ссылку, видя, въ какомъ почетѣ доносчики и какъ любитъ Неронъ проливать кровь, сталъ выискивать удобный случай и склонилъ на свою сторону Паммена, жившаго также въ ссылкѣ въ одномъ мѣстѣ съ нимъ, знаменитаго астролога, посвященнаго по своему ремеслу во многія интриги. Одинаковая доля споспѣшествовала ихъ сближенію. Не даромъ, думалъ Созіанъ, безпрестанно ѣздятъ къ Паммену курьеры, и провѣдалъ, что Публій Антей даетъ ему годовое содержаніе; онъ зналъ, что Антей былъ ненавистенъ Нерону за привязанность къ Агриппинѣ, что онъ былъ достаточно богатъ, чтобы возбудить зависть, и что это одно было причиною погибели многихъ лицъ. Перехвативъ письма Антея, похитивъ гороскопъ его, который былъ спрятанъ у Паммена, а вмѣстѣ съ тѣмъ и гороскопъ Осторія Скапулы, онъ пишетъ къ Нерону, что имѣетъ ему сообщить нѣчто важное, отъ чего зависитъ его безопасность, чтобы онъ позволилъ ему возвратиться изъ ссылки, что Антей и Осторій хотятъ только улучить минуту и гадаютъ о будущности своей и государевой. Тотчасъ посылаютъ

легкій корабль и поспѣшно привозятъ Созіана. Какъ только узнали о его доносѣ, въ Антеѣ и Осторіи стали видѣть не подсудимыхъ, а уже осужденныхъ, такъ что никто не хотѣлъ подписать завѣщанія Антея, еслибы не Тигеллинъ. Онъ посовѣтовалъ Антею не откладывать послѣдняго распоряженія. Антей принялъ ядъ, но страдая отъ его медленнаго дѣйствія, ускорилъ смерть, открывъ жилы.

15.

Осторій былъ тогда въ дальней деревнѣ, на предѣлахъ Лигуріи: туда послали центуріона для немедленнаго совершенія убійства. Эта поспѣшность объясняется тѣмъ, что Неронъ боялся Осторія, извѣстнаго своими воинскими способностями, получившаго въ Британніи гражданскую корону, и сверхъ того одареннаго страшною тѣлесною силой и ловко владѣвшаго оружіемъ. Неронъ всегда былъ трусъ, но открытіе послѣдняго заговора еще усилило въ немъ природную трусость. И такъ центуріонъ, оцѣнивъ всѣ выходы виллы, объявилъ Осторію приказаніе императора. Надо было обратить противъ самаго себя храбрость, столько разъ изумлявшую враговъ; кровь медленно шла изъ перерѣзанныхъ венъ, и Осторій, приказавъ рабу своему крѣпко сжать въ рукѣ кинжалъ, самъ надавилъ его руку и пронзилъ себѣ горло.

16.

Если бы я описывалъ даже внѣшнюю войну, еслибы я описывалъ смерть людей, падшихъ за республику, то и тогда надоѣло бы мнѣ это однообразіе и отвратило бы отъ меня читателей; не смотря на славу такой кончины, имъ бы опротивѣло наконецъ вѣчное описаніе смерти, да смерти: а тутъ еще къ тому же это рабское терпѣніе, эта масса пролитой

крови у себя дома утомляютъ душу и сдавливаютъ сердце тоскою. Одной милости прошу я у читателя: да будетъ мнѣ позволено не чувствовать отвращенія къ этимъ людямъ, которые такъ низко даютъ себя губить. То былъ гнѣвъ боговъ противъ Римлянъ; его нельзя описать такъ скоро, какъ пораженіе войска въ битвѣ или взятіе города. Почтимъ потомство знаменитыхъ людей, и какъ погребеніе ихъ бываетъ торжественнѣе другихъ, такъ, при передачѣ ихъ послѣднихъ минутъ, посвятимъ нѣсколько лишнихъ словъ подробностямъ.

17.

Нѣсколько дней спустя убиты были вмѣстѣ Анней Мелла, Церіалисъ Аницій, Руфій Криспинъ и Кай Петроній. Мелла и Криспинъ, римскіе всадники, пользовались сенаторскими почестями, потому что Криспинъ былъ прежде преторіанскимъ префектомъ и имѣлъ консульскія украшенія; недавно изгнанный по случаю заговора въ Сардинію, онъ получилъ тамъ приказаніе умереть, и лишилъ себя жизни. Мелла, братъ Галліона и Сенеки, не искалъ почестей, а хотѣлъ, по странной прихоти, оставаясь всадникомъ, сравняться съ консуларами; къ тому же управленіе дѣлами государя, прокураторство, казалось ему кратчайшимъ путемъ къ обогащенію. Онъ былъ отецъ Аннея Лукана, что еще не мало придало ему извѣстности; послѣ казни Лукана онъ всѣми силами хлопоталъ, чтобы пріобрѣсти его имѣніе, и вооружилъ противъ себя одного изъ близкихъ друзей покойника, Фабія Романа, который и подалъ на него доносъ. Поддѣлавъ письмо подъ руку Лукана, обвинили Меллу въ участіи въ заговорѣ; прочитавъ иисьмо, Неронъ давно зарившійся на богатства Меллы, приказалъ отнести его къ нему. Мелла открылъ себѣ вены, — общеупотребительный въ то время способъ скоро прекращать жизнь.

Въ завѣщаніи онъ назначилъ большую сумму Тигеллину и зятю его Коссуціану Капитону, чтобы спасти остальное. Въ концѣ завѣщанія прибавили послѣ слѣдующія слова, какъ будто бы ихъ написалъ самъ Мелла, жалуясь на несправедливость казни:

— Я умираю совершенно безъ вины, между тѣмъ какъ Руфій Криспинъ и Аницій Церіалисъ, отъявленные враги государя, наслаждаются жизнью!

Полагаютъ, что это было прибавлено, чтобы оправдать смерть Криспина и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть поводъ казнить Церіалиса, который дѣйствительно черезъ нѣсколько дней прекратилъ свою жизнь. Впрочемъ о немъ жалѣли менѣе, нежели о другихъ, потому что еще не изгладилось ни у кого изъ памяти, какъ онъ открылъ заговоръ противъ Кая Цезаря.

18.

Разскажемъ здѣсь кое что о Каѣ Петроніѣ. Днемъ онъ спалъ, а ночь проводилъ въ занятіяхъ и удовольствіяхъ, и составилъ себѣ извѣстность посредствомъ лѣности, такъ какъ другіе составляютъ ее посредствомъ прилежанія; впрочемъ онъ не былъ грязный развратникъ, какъ бóльшая часть мотовъ, но утонченный сластолюбецъ. Его разговоръ и жесты, нося на себѣ характеръ какого то пренебреженія, были просты и пріятны. Будучи проконсуломъ Виоиніи и потомъ консуломъ, онъ даже показалъ себя дѣятельнымъ и способнымъ къ дѣламъ. Но въ послѣдствіе предался онъ разврату, по крайней мѣрѣ такъ казалось, и принятъ былъ въ число самыхъ приближенныхъ людей къ Нерону. Онъ былъ верховнымъ судьею въ вопросахъ, касавшихся изящнаго вкуса, и Неронъ находилъ пріятнымъ и похваливалъ только то, что одобрялъ Петроній. Это породило завпсть въ Тигеллинѣ, ви-

дѣвшемъ въ немъ соперника, который лучше его умѣетъ оцѣнивать удовольствія. Онъ искусно затронулъ звѣрство Нерона, зная, что передъ этою страстью замолчатъ въ немъ всѣ другія, оклеветалъ Петронія въ дружескихъ отношеніяхъ съ Сцевиномъ, подкупилъ раба его къ доносу, отнялъ средства оправдаться и бóльшую часть домочадцевъ посадилъ въ оковы.

19.

Случайно Цезарь былъ въ это время въ Кампаніи; Петроній доѣхалъ до Кумъ, и тамъ его остановили. Онъ не хотѣлъ продолжать борьбу со страхомъ и надеждою, но не хотѣлъ и спѣшить покончить жизнь. Онъ открывалъ себѣ вены, какъ водится; снова перевязывалъ, опять открывалъ, и между тѣмъ говорилъ съ друзьями, не вдаваясь въ глубокомысленные вопросы и не стараясь блеснуть твердостью. Онъ не хотѣлъ слушать разсужденій о безсмертіи души и о философскихъ правилахъ, а просилъ почитать ему легкіе и пріятные стихи; нѣкоторымъ рабамъ далъ онъ денегъ, другимъ розогъ; прогуливался, потомъ легъ спать, чтобы смерть его, хотя насильственная, казалась естественною. Въ завѣщаніи своемъ онъ не льстилъ, подобно прочимъ осужденнымъ, Нерону, Тигеллину или другимъ сильнымъ людямъ; онъ описалъ въ немъ всѣ ужасы распутства Нерона, подъ именами развратныхъ женщинъ и продажныхъ мужчинъ, и запечатавъ хотѣлъ отправить къ нему, но послѣ взломалъ печать, чтобы пакетъ этотъ не употребили какъ средство погубить кого нибудь.

20.

Незная, какъ могъ Петроній проникнуть тайну его ночныхъ оргій, Неронъ остановилъ свои подозрѣнія на Силіи, извѣстной своимъ замужствомъ съ сенаторомъ, участвовавшей во

всѣхъ его распутствахъ и знакомой коротко съ Петроніемъ. Изъ личной ненависти сослалъ онъ ее, по одному подозрѣнію, что она не молчала о томъ, что видѣла, а переносила другимъ. Для Тигеллина погубилъ онъ претора Минуція Терма, потому что отпущенникъ Терма осмѣлился подать на Тигеллина доносъ. Отпущенникъ былъ замученъ на пыткѣ, патронъ его поплатился жизнью.

21.

Погубивши такое множество знаменитыхъ людей, Неронъ захотѣлъ наконецъ истребить самую добродѣтель въ лицѣ Тразеи Пета и Бареи Сорана. Давно ненавидѣлъ онъ того и другого; особенныя обстоятельства усилили еще ненависть къ Тразеѣ: я уже говорилъ, какъ онъ вышелъ изъ сената, когда разсуждали объ Агриппинѣ; неохотно согласился онъ играть незавидную роль на Ювенальскихъ играхъ; это оскорбленіе было тѣмъ чувствительнѣе, что тотъ же Тразеа на родинѣ своей, въ Патавіи, во время Цестійскихъ игръ, учрежденныхъ Троянцемъ Антеноромъ, пѣлъ въ трагическомъ костюмѣ; во время суда надъ Антистіемъ, за пасквиль на счетъ Нерона, когда его хотѣли приговорить къ смерти, болѣе умѣренное мнѣніе Тразеи одержало верхъ; когда Поппеѣ воздавались божескія почести, онъ произвольно отлучился и не присутствовалъ на похоронахъ. Капитонъ Коссуціанъ неутомимо напоминалъ обо всемъ этомъ Нерону. Кромѣ преступной души, его побуждала къ этому личная ненависть къ Тразеѣ, который всѣми силами поддерживалъ Киликійцевъ, когда они обвиняли Капитона во взяточничествѣ.

22.

Онъ пріискивалъ и другія обвиненія.

— Въ новый годъ Тразеа избѣгалъ торжественной присяги, не присутствовалъ на молебнахъ, хотя былъ облеченъ въ священный санъ квиндецимвира; никогда не жертвоприносилъ за здравіе главы республики или за сохраненіе его небеснаго голоса; никогда не пропускалъ онъ прежде засѣданій сената и неутомимо подавалъ голосъ при самыхъ ничтожныхъ сенатскихъ опредѣленіяхъ, одобряя ихъ или отвергая, а теперь вотъ уже три года не ходитъ въ курію. Еще на дняхъ, когда всѣ соревновали въ томъ, чтобы обвинить Силана и Ветера, онъ предпочелъ заниматься своими частными дѣлами: это неповиновеніе, это партія, и если многіе пойдутъ на тоже, не миновать войны. Римъ любитъ смуты, народъ говоритъ о тебѣ и Тразеѣ, какъ прежде говорилъ о Каѣ Цезарѣ и Маркѣ Катонѣ; у Тразеи есть партія, есть фанатики, которые, хоть и не смѣютъ еще подражать ему въ наглости сужденій, но копируютъ его одежду и видъ, строгій и угрюмый, чтобы порицать твою веселость. Онъ одинъ осмѣливается не уважать твоего благоденствія, твоихъ талантовъ. Его не умиляетъ твое счастіе, ему мало твоего горя и слезъ. Впрочемъ, кто не присягаетъ именемъ Августа и Юлія, тотъ можетъ не признавать божественности Поппеи. Онъ смѣется надъ священнодѣйствіемъ, презираетъ законы. Въ Римѣ и въ провинціяхъ прилежно читаютъ ежедневные отчеты, чтобы только знать, отъ чего отказался Тразеа. Надо или согласиться съ его правилами, если они лучше, или отнять главу и предводителя у злоумышленниковъ. Эта секта порождаетъ Тубероновъ и Фавоніевъ, имена ненавистныя даже для древнихъ республиканцевъ. Они выставляютъ свободу, чтобы свергнуть императора; а удастся имъ это, они прежде всѣхъ нападутъ на свободу. Зачѣмъ же ты казнилъ Кассія, если даешь возможность дѣйствовать и усиливаться поклонникамъ Брута? Впрочемъ, можешь ни слова не писать о Тразеѣ, сенатъ насъ разсудитъ.

Неронъ подстрекаетъ гнѣвъ бѣшенаго Коссуціана и даетъ ему на помощь Марцелла Эпрія, извѣстнаго своимъ ѣдкимъ краснорѣчіемъ.

23.

Римскій всадникъ Осторій Сабинъ взялъ на себя обвиненіе Бареи Сорана по окончаніи его проконсульства въ Азіи, гдѣ онъ навлекъ на себя немилость государя справедливостью и распорядительностью, позаботившись объ открытіи порта въ Эфесѣ и оставивъ безъ наказанія самовольство жителей Пергама, не допустившихъ Акрата, отпущенника Цезаря, увезти отъ нихъ статуи и картины. Но обвиняли его въ дружбѣ съ Плавтомъ, въ томъ что онъ изъ властолюбія вовлекаетъ провинцію въ возстаніе. Для его обвиненія выбрали то время, когда Тиридатъ пріѣхалъ въ Римъ получать Арменское царство, чтобы внѣшнія дѣла отвлекли вниманіе народа отъ внутреннихъ ужасовъ; а можетъ быть Неронъ хотѣлъ показать во всемъ блескѣ свое императорское величіе, убивая лучшихъ гражданъ.

24.

Весь городъ сбѣжался встрѣчать государя и видѣть царя. Тразеѣ запрещено было показываться, но онъ не упалъ духомъ, а написалъ къ Нерону письмо, спрашивая, въ чемъ онъ провинился, и обѣщая оправдаться, если ему дадутъ знать о его преступленіяхъ и позволятъ говорить. Жадно раскрылъ Неронъ письмо, думая, что Тразеа испугался и написалъ ему что нибудь унизительное для себя и способное увеличить его славу. Но видя что ошибся, онъ самъ устрашился присутствія, силы характера и свободнаго духа невиннаго — и приказалъ созвать сенатъ. Тогда Тразеа сталъ совѣтоваться съ друзьями, оправдываться ему или нѣтъ?

25.

Совѣты были различны. Одни говорили, чтобы онъ шелъ въ сенатъ.

— Мы увѣрены въ его твердости; все что онъ скажетъ послужитъ только къ его славѣ. Только трусы и слабые люди облекаютъ тайною свои послѣднія минуты. Пусть видитъ народъ, какъ надо встрѣчать смерть; пусть услышитъ сенатъ возвышенную рѣчь, рѣчь достойную божества. Можетъ быть такое чудо подѣйствуетъ даже на Нерона. Если же онъ будетъ упорствовать въ своей жестокости, то по крайней мѣрѣ потомки отличатъ честную смерть отъ постыдной погибели тѣхъ жалкихъ людей, которые молча даютъ себя убивать.

26.

Напротивъ того другіе совѣтовали Тразеѣ дожидаться дома своей участи.

— Мы увѣрены въ Тразеѣ, говорили они; но его осыплютъ насмѣшками и оскорбленіями: зачѣмъ ему подвергаться обидамъ и брани? Развѣ только Коссуціанъ и Эпрій готовы на преступленіе? кромѣ нихъ есть много мерзавцевъ, которые осмѣлятся занести руку и даже оружіе. А хорошіе люди поддержатъ ихъ изъ страха. Пусть лучше избавитъ онъ сенатъ, котораго самъ былъ украшеніемъ, отъ такого позора и стыда; пусть лучше никто не знаетъ, какъ поступили бы сенаторы, видя обвиненнаго Тразею. Пустая надежда, чтобы въ Неронѣ заговорила совѣсть; нужно скорѣе бояться, чтобы онъ не вымѣстилъ своей злобы на женѣ, дѣтяхъ и друзьяхъ Тразеи. Пусть же онъ, чистый и безпорочный, окончитъ жизнь со славою, по примѣру тѣхъ людей, которые служили ему всегда образцами.

На совѣщаніи присутствовалъ Рустикъ Аруленъ. Горячій юноша стремился къ славѣ и предложилъ, въ качествѣ народнаго трибуна, воспротивиться рѣшенію сената. Но Тразеа укротилъ его пылъ.

— Не замышляй пустого, сказалъ онъ, это мнѣ не поможетъ, а тебя погубитъ. Я уже довольно жилъ, и не отступлю отъ правилъ, которымъ слѣдовалъ во все время моего существованія; но ты только начинаешь служить, вся жизнь твоя еще впереди. Поразмысли прежде хорошенько, какъ долженъ ты служить республикѣ въ такія времена.

Впрочемъ онъ рѣшился самъ подумать, нужно ли ему идти въ сенатъ.

27.

На другой день двѣ вооруженныя когорты преторіанцевъ заняли храмъ Венеры Генитриксы. Толпа людей помѣстилась у входа въ сенатъ, не стараясь скрывать мечей подъ одеждою; по площадямъ и базиликамъ разставлены были отряды солдатъ, и сенаторы должны были пробираться сквозь ихъ грозныя толпы въ засѣданіе. Рѣчь государя прочелъ его квесторъ. Не называя никого по имени, онъ выговаривалъ сенаторамъ, что они пренебрегаютъ исполненіемъ своихъ обязанностей и подаютъ примѣръ нерадѣнія римскимъ всадникамъ. Что удивительнаго, что никто не является изъ отдаленныхъ провинцій, когда здѣсь, получивъ званіе консула или жреца, всякій предается только украшенію своихъ садовъ?

Доносчики схватились за эту фразу, какъ за оружіе.

28.

Началъ Коссуціанъ. Но Марцеллъ продолжалъ еще съ бо́льшимъ неистовствомъ.

— Дѣло идетъ о спасеніи государства, кричалъ онъ. Неповиновеніе подчиненныхъ порождаетъ сомнѣнія о милосердіи государя. Сенатъ поступаетъ слишкомъ слабо, оставляя безъ наказанія возмутителя Тразею, зятя его Гельвидія Приска, такого же мятежника, Паконія Агриппина, наслѣдовавшаго отъ отца своего ненависть къ императору, Курція Монтана, сочинителя гнусныхъ пѣсень. Я требую Тразею въ сенатъ, какъ консулара; я призываю его къ священнодѣйствію, какъ жреца, къ присягѣ, какъ гражданина; если же онъ пойдетъ противъ древнихъ постановленій и обрядовъ, торжественно объявляю его предателемъ и врагомъ отечества. Пусть придетъ онъ исправлять сенаторскую должность, покровительствовать по своему обыкновенію врагамъ государя; пусть подастъ голосъ что надо, по его мнѣнію, исправить или измѣнить; лучше сносить отъ него порицанія каждаго постановленія порознь, нежели это наглое молчаніе, протестующее противъ всѣхъ мѣръ. Не нравится ему всеобщій миръ? Недоволенъ онъ побѣдами, которыя не стоятъ намъ почти ни одного солдата? Не покровительствуйте же преступному властолюбію человѣка, котораго печалитъ благо республики, который не является ни на площадяхъ, ни въ театрахъ, ни въ храмахъ, и угрожаетъ самовольнымъ изгнаніемъ. По его мнѣнію нѣтъ больше сената, нѣтъ чиновниковъ, нѣтъ Рима; пусть же покинетъ онъ это государство, которое давно уже изгналъ изъ сердца, а теперь и съ глазъ своихъ.

29.

Пока Марцеллъ говорилъ рѣчь, — а голосъ его, всегда суровый, теперь былъ особенно грозенъ, и дикій взоръ металъ искры, — сенатъ погруженъ былъ не въ ту обыкновенную печаль, къ которой уже привыкли въ это тяжкое время,

а въ новое, сильнѣйшее чувство ужаса, при видѣ солдатъ и оружія. Въ глазахъ ихъ являлся почтенный образъ Тразеи, нѣкоторые сожалѣли даже о Гельвидіѣ, искупавшемъ цѣною жизни невинное родство. Въ чемъ можно было упрекнуть Агриппина? Развѣ въ плачевной участи его отца, который также невинно палъ жертвою жестокости Тиберія. А Монтана, честнаго молодого человѣка, хотятъ изгнать за невинные стихи, за то, что у него есть талантъ!

30.

Между тѣмъ выступилъ Осторій Сабинъ, обвинитель Сорана, началъ съ его дружбы съ Рубелліемъ Плавтомъ, съ того, что будучи проконсуломъ Азіи, Соранъ заботился только о томъ, какъ бы пріобрѣсти извѣстность и во вредъ государству возмущалъ народъ. Это ужъ было старо; онъ прибавилъ и новое; впутывая дочь въ преступленіе отца, онъ доносилъ, что она платила деньги магамъ. Въ самомъ дѣлѣ Сервилія, — такъ звали дочь Сорана, — поступила необдуманно. Молодая и неопытная, горячо привязанная къ родителю, она спрашивала у чародѣевъ только о томъ, не предстоитъ ли бѣды ихъ дому, сжалится ли Неронъ, и благополучно ли окончится судъ въ сенатѣ. Ее привели въ сенатъ. Передъ трибуналомъ консула стояли съ двухъ сторонъ старикъ отецъ и дочь, едва достигшая двадцати лѣтъ, и уже обреченная на вдовство и горе, потому что мужа ея, Аннія Полліона недавно отправили въ ссылку. Она не смѣла взглянуть на отца, думая, что увеличила опасность, которой онъ подвергался.

31.

Обвинитель спросилъ ее, правда ли, что она продала свое приданое и ожерелье, и употребила эти деньги на чародѣй-

ства? Сервилія припала къ землѣ, долго плакала и молчала, и наконецъ, обнявъ алтарь, произнесла:

— Нѣтъ, я не призывала никакого зловѣщаго божества, я не прибѣгала къ колдовству; въ моихъ несчастныхъ молитвахъ просила я только, чтобъ ты, Цезарь, и вы, сенаторы, простили моего превосходнаго отца. Я отдала драгоцѣнные камни, одежду и украшенія моего сана, я отдала бы жизнь и кровь мою, еслибы ее у меня потребовали. Пусть эти люди сами скажутъ какъ ихъ зовутъ и чѣмъ они занимаются. Я ихъ до той поры не знала, а о государѣ всегда говорила, какъ о богѣ. Но я дѣлала это безъ вѣдома моего несчастнаго отца, и если есть преступленіе, то виновата въ немъ я одна.

32.

Соранъ перебилъ ея рѣчь и сказалъ:

— Она не была со мной въ провинціи; она такъ молода, что не могла знать Плавта; она не замѣшана въ преступленія своего мужа. Обвиняйте ее въ излишней любви къ отцу, а я готовъ подчиниться моей участи.

Онъ хотѣлъ броситься въ объятія дочери, которая пошла къ нему на встрѣчу — но ликторы тотчасъ ихъ развели. Выслушали свидѣтелей. Сколько состраданія породила жестокость обвиненія, столько негодованія показаніе свидѣтеля Публія Эгнація. Кліентъ Сорана, онъ далъ себя подкупить на погибель друга. Подъ строгою маской стоика, всегда стараясь придать лицу своему добродѣтельное выраженіе, скрывалъ онъ низкую душу, коварство, скупость и сластолюбіе. Обнаруживъ свои качества за деньги, онъ доказалъ, что нужно остерегаться не только тѣхъ людей, которые запятнаны преступленіями и погрязли въ коварствѣ, но и тѣхъ,

которые подъ маскою добродушія скрываютъ обманъ и ложную преданность.

33.

Впрочемъ въ этотъ день нѣкто Кассій Асклепіодотъ подалъ примѣръ честности. Одинъ изъ первыхъ Виѳинскихъ богачей, онъ уважалъ Сорана во время его силы, и не оставилъ въ несчастіи. За то у него отняли все имущество и отправили въ ссылку: доказательство правосудія боговъ къ добрымъ и злымъ дѣламъ. Тразеѣ, Сорану и Сервиліи позволили избрать родъ смерти. Гельвидій и Паконій изгнаны изъ Италіи. Монтана помиловали ради отца его, но запретили ему служить. Доносчикамъ Эпрію и Коссуціану присудили по пяти милліоновъ сестерцій, Осторію милліонъ двѣсти тысячь и квесторскія украшенія.

34.

Вечеромъ послали къ Тразеѣ консульскаго квестора. Тразеа былъ въ саду, окруженный толпою знатныхъ мужчинъ и женщинъ, и разговаривалъ съ циническимъ философомъ Деметріемъ. Сколько можно было судить по выраженію лица и кое по какимъ словамъ, сказаннымъ громче прочихъ, они говорили о природѣ души и о разъединеніи ея съ тѣломъ. Въ эту минуту подошелъ къ нему задушевный другъ его, Домицій Цециліанъ, и сказалъ о приговорѣ сената. Всѣ стали плакать и жаловаться, но Тразеа просилъ ихъ поскорѣе разойтись и не подвергать себя опасности участіемъ къ преступнику. Жена его Аррія хотѣла послѣдовать примѣру своей матери Арріи и раздѣлить участь мужа. Но онъ убѣдилъ ее сохранить жизнь и не лишать единственной подпоры ихъ дочери.

35.

Онъ пошелъ къ портику и квесторъ нашелъ его тамъ съ

выраженіемъ радости въ лицѣ, потому что онъ узналъ, что зятя его Гельвидія только выслали изъ Италіи. Выслушавъ приговоръ сената, онъ повелъ Гельвидія и Деметрія къ себѣ въ спальню, и протянулъ имъ обѣ руки, чтобы они открыли ему вены. Кровь потекла. Онъ покропилъ ею полъ и, подозвавъ къ себѣ квестора, сказалъ:

— Я кроплю во имя Юпитера Избавителя. Смотри на меня, молодой человѣкъ! Дай богъ, что бы мое предсказаніе не сбылось, но ты родился въ такую эпоху, когда надо укрѣплять духъ примѣрами твердости.

Смерть медлила, муки его страшно усиливались, и обративъ къ Деметрію.....

Конецъ.